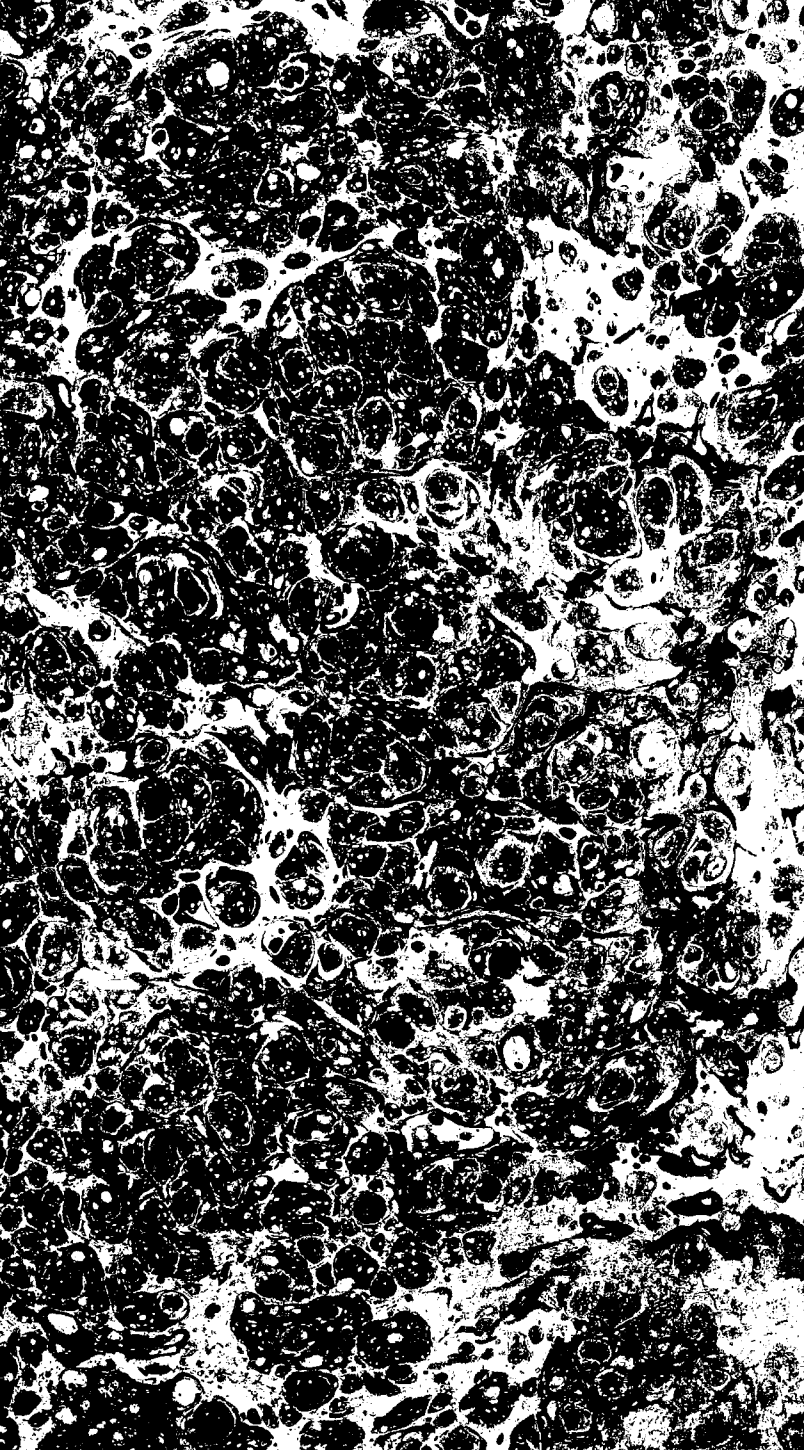
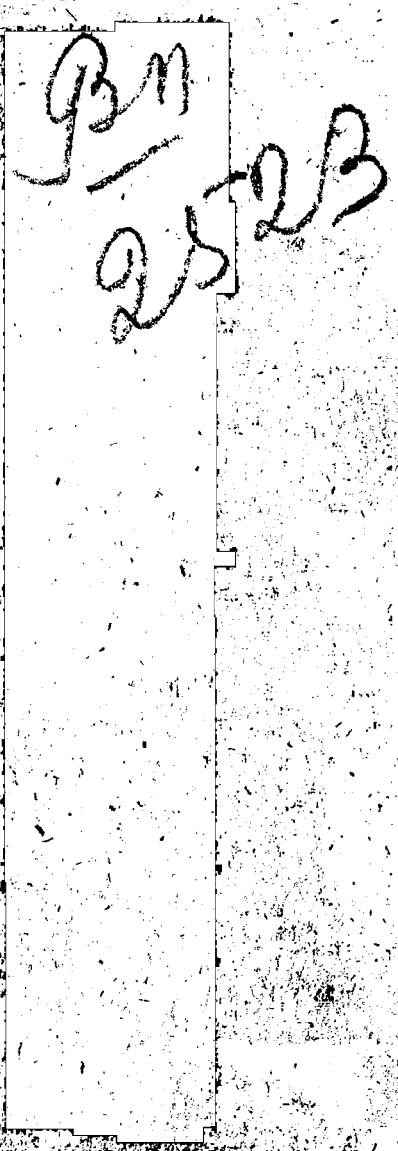
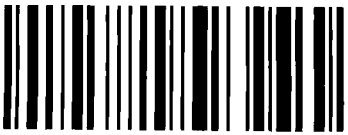
ТЗ И 379/234

№
очинения
1733
1332
№
Волюма
2770
2726
№
Шкапа
176
№
Полки
4
ЕКЦІЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА





229-4-36.
H4432
6906


2011148261

ВСЕМИРНЫЙ

ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЬ,

или

ПОЗНАНІЕ

СТАРАГО и НОВАГО СВѢТА,

то есть:

ОПИСАНІЕ

всѣхъ по сіе время извѣстныхъ земель
въ четырехъ частяхъ свѣта,

содержащее:

каждыя страны краткую исторію, положеніе, города, рѣки, горы; правленіе, законы, военную силу, доходы; вѣру ея жителей, нравы, обычаи, обряды, науки, художествы, рукодѣлія, торговлю, одежду, обхожденіе, народныя увеселенія, доможитіе; произрастенія, отмѣнныхъ животныхъ звѣрей, птицъ, и рыбъ; древности, знатные зданіи, всякія особливости примѣчанія достойныя, и пр.

изданное

ГосподиномъАббатомъ де ла Портъ,

а

на Россійскій языкъ

переведенное съ Французскаго.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ТРЕТІЕ ИЗДАНІЕ.

Въ Санктпетербургѣ,
Съ дозволенія Цензуры, печатано у І. К. Шнора,
1799 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

Госуд. ордена
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
Ч4559-46

ОГЛАВЛЕНІЕ

Писемъ содержащихся въ семъ Третьемъ Томѣ.

	Стран.
29. Ормусъ, Діу и Сурашъ.	1
30. Имперія Могольская.	31
31. Продолженіе Имперіи Могольской.	64
32. Продолженіе Имперіи Могольской.	97
33. Продолженіе Имперіи Могольской.	130
34. Продолженіе Имперіи Могольской.	155
35. Голконда.	176
36. Коромандель, или берегъ Коромандельской.	200
37. Цейланъ.	228
38. Продолженіе Цейлана.	254
39. Малдивскіе острова.	273
40. Малабаръ, или берегъ Малабарской.	286

ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЬ.

ПИСЬМО XXIX.

Ормусъ, Діу и Сурать.

Не удивляйтесь, Государыня моя! что получите сіе письмо, шесть мѣсяцовъ послѣ моего послѣдняго. Въ сіе время переѣхалъ я многія пространныя области, а отъ великаго Каира до Сурата есть множество вещей, любопытствова достойныхъ.

Въ Египтѣ свѣдалъ я, что въ скоромъ времени отправляется изъ Свеца одинъ Аглинскій корабль въ Ормусъ, а оттуда въ Великую Индію. Изъ Каира въ Свецъ дорога не далека, но столь пуста, что нѣтъ по ней ни деревень, ни домовъ, и ничего нужнаго для жизни. Мы принуждены были запастись всемъ, и навьючили верблюда съѣстными припасами, какъ то дѣлаютъ всѣ здѣсь путешествующіе.

Я имѣлъ довольно времени высмотрѣть *Свецъ*, въ ожиданіи отъѣзда нашего корабля. Сей городъ лежитъ въ сторонѣ столь безплодной, что не родится тамъ ниже простой травы, а воду пьютъ изъ болотъ, или изъ

колодезей весьма отдаленныхъ. Гавань лежитъ на краю Аравійскаго залива, инако *Чермнымъ* или *Краснымъ* моремъ называемаго. Защищается оная небольшею крѣпостію, въ которой караулъ содержитъ изъ нѣсколькихъ Турецкихъ солдатъ. Свецъ въ старину бывалъ великій городъ, и разными назывался именами, какъ то: *Городомъ Героевъ*, *Геропполисомъ*, *Клеопатрою* и *Арсиноею*. Сказываютъ, что Амра, покорившій Египетъ Дамасскому Халифу, прокопалъ отъ моря до Нила каналъ, по которому можно было ходить судами, во время разлитія сей рѣки; но когда Магометане разорили Свецъ, каналъ засорился, и не осталось ни малѣйшаго оному слѣда. Утверждаютъ, что *Сезострисъ*, Царь Египетскій, *Дарій*, Царь Персидскій и напослѣдокъ *Птоломей*, предпринимали соединить Чермное море съ Средиземнымъ, чрезъ сообщеніе Нила съ Свецкою гаванью. Сіе намѣреніе не исполнено по тому, что боялись, какъ сказываютъ, совсемъ потопить Египетъ; ибо оной ниже нѣсколькими локтями Аравійскаго залива. Какъ бы то ни было, нынѣ Свецъ, есть весьма малой городокъ, ничего примѣчанія достойнаго не имѣющій. Но не льзя сего сказать объ его окружностяхъ, въ которыхъ произошло чудо избавленія Евреевъ, то есть, славное ихъ прехожденіе чрезъ Чермное море. По преданіямъ здѣшней земли, учинилось оное между Свецомъ и городомъ *Торомъ*. Сіе мнѣніе показалось мнѣ пѣмъ вѣроятнѣе, что ежели бы Израильтяне перешли море въ Свецѣ, какъ иные думаютъ, то бы конница Египетская не была принуждена, преслѣдуя имъ,

входить въ заливъ, и легко бы могла ихъ догнать, объѣхавъ оный. Сказываютъ, что *Клеопатра*, Египетская Царица, хотѣла здѣсь сухимъ путемъ переносить свои корабли, дабы уйти въ Индію, по разбитіи *Марка Антонія*; но сія Государыня, которая не почитала ничего невозможнымъ въ любви, нашла препятствія ко исполненію таковаго намѣренія.

Въ пятьнадцати верстахъ отсюда, показали намъ одинъ источникъ, при которомъ Еврейскій законодатель раздѣлилъ на двое посохомъ морскія воды. Сіе мѣсто называется *Моисеевъ колодезь*. Тутъ же видѣли мы древніе остатки, почитаемые за развалины великаго города, коего никто не могъ намъ сказать имени. Я ходилъ по берегамъ сего славнаго моря, имѣя всегда мысли наполненныя великими произшествіями, случившимися въ сей части свѣта.

Въ Свецѣ нашелъ я одного Португальскаго Іезуита, который три раза ѣздилъ изъ Каира въ Гоу, и совершенно зналъ дороку, по коей намъ ѣхать надлежало. Онъ былъ человѣкъ разумный, знающій восточные языки, и пріятнаго сообщества. Онъ меня полюбилъ, и обѣщался ѣхать со мною до владѣній Великаго Могола, откуда надобно было ему отправиться въ Сіамъ, въ качествѣ Миссіонера. Онъ называется отецъ Силвеира, и имѣетъ около пятидесяти лѣтъ отъ роду. Въ Агрѣ у него есть знакомые; а какъ мы становиться станемъ въ одномъ домѣ: то онъ мнѣ очень будетъ полезенъ. Я и окружности Свеца и Чермное море съ нимъ осматривалъ,

по тому, что шкиперъ нашего корабля, былъ ему другъ, и останавливался нарочно для насъ въ разныхъ пристаняхъ.

Изъ Свеца пріѣхали мы въ городъ *Торъ*. Во время пути нашего, много мы претерпѣли днемъ отъ великихъ жаровъ, а ночью отъ чрезмѣрной стужи, которую приписываютъ властвующимъ въ сей странѣ сѣвернымъ вѣтрамъ. Торъ не великъ, но положеніе его пріятно. Жители въ немъ Христіане. Мы видѣли тутъ одинъ Греческій монастырь, въ которомъ особливо почитается *Святая Екатерина*. Близъ лежащія горы наполнены пустынниками.

Когда мы вошли въ самое широкое мѣсто залива, тогда прибыло у насъ больше бодрости, нежели имѣли мы при берегахъ, кои наполнены подводными каменьями и песочными косами, отъ которыхъ мореплаваніе чинится столь опаснымъ, что въ ночи всегда должно держаться середины моря, а днемъ матросы прилѣжно высматривали безвредныхъ проходовъ. Они давали намъ знать безпрестанными криками, куда надлежало держаться. На семъ морѣ находится два рода кормчихъ: одни, для ѣзды по срединѣ моря, а другіе для провожденія корабля между песочными косами.

Мы усмотрѣли множество мѣлкихъ острововъ; но ни одинъ изъ нихъ не заслуживалъ особливаго примѣчанія. Приставали такъ же къ разнымъ гаванямъ, изъ коихъ главнѣйшія суть: *Алкоссиръ*, *Свакенъ*, *Массуа* и проч. Въ старину *Свакенъ*, былъ городъ богатый и славный по своему положенію и славной торговлѣ, и теперь еще сохраняетъ нѣкоторые

остатки прежняго состоянія; но торговля чрезмѣрно уменьшилась. *Алкоссиръ* и *Массуа* мало значатъ, и вообще путь нашъ по Чермному морю, не представлялъ намъ ничего важнаго. Примѣтнѣе всего на немъ есть знойный и палящій вѣтръ, который принудилъ насъ сидѣть нѣсколько дней въ заперти. Иногда оный дуетъ очень долго на семъ морѣ, и производитъ удивительныя дѣйствія: отнимаетъ дыханіе, и распаляетъ внутреннія такъ, что ни что ихъ охолодить не можетъ. По счастію, мы избавились отъ сей опасности нѣсколько дней прежде, нежели проѣхали *Бабельмандельской заливъ*, инако *Мекскимъ* называемый, имѣющій около придцати верстъ въ ширину, и наполненный каменьемъ и мѣлкими островами, отъ коихъ въ семъ мѣстѣ проѣздъ очень опасенъ.

Мы направили путь нашъ на островъ *Сокотру*, который имѣетъ въ длину сто, а въ ширину сорокъ пять верстъ, и есть самый большій при устьѣ залива. Жители тутъ очень грубы, хотя и Христіане. Они не смотря на то, что носятъ на шеѣ и на платьѣ кресты, обрѣзываются. Мужчины берутъ имя котораго нибудь Апостола, и суть тихи и благонравны; но женщины, кои всѣ называются Маріями, горды и отважны. Прежде хаживали онѣ на войну, какъ Амазонки, и такъ же приласкивали чужестранныхъ, приѣзжающихъ на ихъ островъ, дабы имѣть отъ нихъ дѣтей. Сказываютъ, что для сего употребляли онѣ колдовство, что не дѣлаетъ похвалы красотѣ ихъ, когда принуждены онѣ были прибѣгать къ подобнымъ средствамъ.

Платье у сего народа изъ сукна, или изъ кожи; жилища, погреба; оружіе, дубины или каменья. Бывъ покорены Аравлянами, не имѣли они прежде ни Царей, ни властелиновъ, ни поповъ, которыхъ бы власть признавали. Между собою жили безъ всякаго рода судовъ, и не имѣли ни городовъ, ни деревень; питались рыбою, молокомъ и финиками, изъ которыхъ дѣлали хлѣбъ. Земля ихъ гориста, неплодородна, и не производитъ ничего, кромѣ пшена. *Алое* растетъ изобильно, и почитается наилучшимъ. На горахъ находится такъ же много лѣкарственныхъ произрастеній и благовонныхъ травъ. Народъ живетъ въ нѣкоторомъ невольничествѣ, подъ властію одного Арабскаго Князя, пребывающаго въ *Тамеринѣ*, столицѣ острова. Дворецъ его построенъ изъ тесанаго камня, и походитъ на крѣпость. Есть у нихъ Архіепископъ, котораго ставитъ живущій въ *Балдакѣ* Патріархъ.

Главный у нихъ товаръ алое, сокотрина дѣлающаяся изъ соку сего произрастенія, и драконова кровь. На берегахъ находятъ много *сѣрой амбры*, которая, говорятъ, родится въ брюхѣ у китовъ, а по другимъ, дѣлается изъ земляной смолы, выплывающей со дна моря, и сгущающейся на воздухѣ.

Съ острова *Сокотры* отправились мы въ *Ормусской заливъ*. „Прежде нежели открытъ былъ путь мимо мыса, Доброй Надежды, говорилъ отецъ Силвеира, указывая на спѣны *Ормуса*, гавань его была наиглавнѣйшимъ торжищемъ въ Леванпѣ, для пряныхъ кореньевъ и другихъ Индейскихъ товаровъ. Она

снабжала всю Персію, и западные народы пріѣзжали въ нее чрезъ Чермное море. Изъ Ормуса, Индейскія произведенія перевозились Персидскимъ заливомъ въ *Базрагъ*, а оттуда съ караванами отправляли ихъ въ Арменію, въ Требизонтъ, Дамаскъ, Алепъ и проч. Венеціане и Генуесцы пріѣзжали за ними въ гавани Сиріи. То, что привозилось Чермнымъ моремъ, нагружаемо было на суда въ Торѣ и Свецѣ, оттуда отсылалось караванами въ Каиръ, а изъ него Ниломъ въ Александрійскую гавань. Вы видите, продолжалъ Іезуитъ, показывая мнѣ положеніе Ормуса, что сей городъ построенъ на острову въ устьѣ Персидскаго залива. Островъ, называется *Ерунъ*, имѣетъ двадцать, или двадцать пять верстъ въ окружности, и отъ земли отстоитъ версти на десять. Земля на немъ такъ безплодна, что кромѣ соли и сѣры ничего не приноситъ, да и воды нѣтъ, а надобно за нею ѣздить на матерую землю. Не смотря на сію скудость и чрезвычайные жары, кои дѣлаютъ его подобнымъ горящей печи, гавань здѣсь такъ выгодна, что въ пословицу вошло между Арабами: что ежели бы міръ былъ перстень, тогда Ормусъ занималъ бы въ немъ мѣсто алмаза.„

„Ормусъ въ старину былъ, столица королевства, и лежалъ на матерой землѣ. Одинъ изъ его Государей вымогъ у сосѣдняго Князя островъ *Ерунъ*, какъ мѣсто ничего незначущее, и укрѣпясь въ ономъ, выгналъ своего благодѣтеля изъ собственнаго его владѣнія. Онъ построилъ на немъ городъ, и назвалъ его *Ормусъ*, по имени прежней своей сто-

лицы. Меньше двухъ сотъ лѣтъ оный пришелъ въ такое состояніе, что распространилъ владычество свое надъ частію Аравіи и надъ всемъ Персидскимъ заливомъ. Славный *Алфонсъ Албуркеркъ*, Португальскій Адмиралъ, напалъ на сей городъ въ началѣ шестагонадесять вѣка, покорилъ его власти своего Государя, и построилъ крѣпость. Тогда Ормусъ сдѣлался наибогатѣйшимъ, послѣ Гои, Португальскимъ селеніемъ въ Индіи и городомъ, наилучшую торговлю отправляющимъ въ Азіи. Стекалось въ него великое множество купцовъ съ сокровищами изъ Китая, Молукскихъ острововъ, изо всей Восточной Индіи, изъ Персіи, изъ Аравіи и Арменіи. По сему и не должны вы удивляться, говорилъ Іезуитъ, что Губернаторы Ормусскіе, при концѣ своего правленія, которое продолжалось только три года, наживали многіе милліоны. Но вотъ чему должно дивиться! Съ того времени, какъ Шахъ Персидскій съ помощію Англичанъ, завладѣлъ имъ и отнялъ его у Португальцовъ въ 1622 году, произошла ужасная перемѣна. Онъ велѣлъ разорить стѣны, и перенесть матеріалы и торговлю въ *Гомронъ*, сосѣднюю пристань, которая и начала процвѣтать съ того времени. Знатность сего послѣдняго города умножилась еще и тѣмъ, что въ заливѣ его ловится множество *жемчугу*, которой крупнѣе, чище и лучше всѣхъ жемчуговъ на свѣтѣ.„

„Въ день, когда должна начаться сія ловля, дается о томъ знать выстрѣломъ изъ пушки. Тогда всѣ суда выѣзжаютъ, и пускаются въ море, а передъ ними отправляются

двѣ превеликія шлюпки, изъ которыхъ одна становится въ правѣ, а другая въ лѣвѣ, для показанія разстоянія, или границъ ловли. Послѣ чего водолазы бросаются въ воду, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она не глубже трехъ, четырехъ, и пяти саженей. На каждомъ суднѣ находится ихъ по нѣскольку, и они опускаются въ воду по очередѣ. Сколь скоро одинъ показывается изъ подъ воды, другой туда идетъ, а всѣ они привязаны на веревкахъ къ райнѣ судна. Оная же такъ придѣлана, что матросы свободно могутъ, помощію блока, поднимать и опускать ее, по требованію водолаза. У сего послѣдняго привязанъ къ ногѣ большой камень, дабы скорѣе на низъ опуститься, а на поясѣ повѣшенъ мѣшокъ въ которой кладетъ онъ поднимаемыя имъ раковины. Сколь скоро дойдетъ онъ до дна моря, то кладетъ въ мѣшокъ съ поспѣшностію, что ему въ руки ни попадется; а ежели найдетъ больше раковинъ, нежели унести можетъ, сгребаетъ ихъ въ кучу, поднимается въ верьхъ, дабы перевести одышку, и опять опускается, или посылаетъ за ними своего товарища; а дабы подняться на верьхъ, дергаетъ за веревочку, привязанную къ нему съ верьху той, на которой самъ опускается. Оную держитъ рукою за конецъ одинъ матросъ, для примѣчанія ея движенія, даетъ тотчасъ знакъ другимъ, и тогда въ минуту вытаскиваютъ водолаза, которой, чтобъ скорѣе изъ воды выдти, сбрасываетъ съ ноги камень. Суда стоятъ столь близко одно отъ другаго, что подъ водою часто случается драка у водолазовъ,

за кучу раковинъ.„ Отецъ Силвеира сказалъ мнѣ тому и примѣръ. „Одинъ водолазъ видя, что товарищъ его нѣсколько разъ уже кралъ собранныя имъ съ не малымъ трудомъ раковины, наказалъ его наижесточайшимъ образомъ. Давъ ему опуститься напередъ, и бросясь за нимъ, зарѣзалъ его подъ водою ножемъ. Сіе смертоубивство не прежде примѣчено, какъ когда уже вытянули несчастнаго безъ жизни и безъ дыханія. Наибольшая опасность въ сей ловлѣ причиняется отъ *Рекиновъ* *. Попадаются изъ нихъ столь сильные и страшные, что уносятъ и водолаза и раковины, объ коихъ потомъ и слуху нѣтъ. Что-жъ касается до масла, которое будто водолазы берутъ въ ротъ, или до стекляныхъ колоколовъ, въ кои садятся для нырянія подъ водою; то все оное, суть сущія басни. Жители сей стороны съ робячества привыкаютъ нырять, переводя одышку, и становятся въ томъ весьма искусными; да и платятъ имъ, смотря по ихъ проворству. Со всемъ тѣмъ сіе ремесло такъ трудно, что не могутъ они опуститься въ день больше семи или осьми разъ. Самые сильные ослабѣваютъ скоро. Есть однакожъ между ими такіе, которые выдерживаютъ больше, но число ихъ очень мало; а весьма часто случается, что погибаютъ водолазы въ первыхъ опытахъ. Я видалъ, кои съ такимъ жаромъ бросались набрать раковинъ больше другихъ, что лишились дыханія и памяти, и не помышляя дать

* *Рекины*, суть морскіе звѣри, и наибольшіе изъ всѣхъ родовъ морскихъ собакъ.

знакъ веревкою, задушились бы конечно, естьлибъ не прилагали стараніе выпаскивать ихъ судя только по тому, что они долго подъ водою. Сія работа продолжается до полудни; а послѣ всякой возвращается домой.„

„Сколь скоро всѣ пріѣдутъ, хозяинъ судна велитъ переносить въ нарочно загороженное мѣсто всѣ принадлежащія себѣ раковины, и оставляетъ ихъ тамъ, два и три дни, чтобъ онѣ сами открылись, и чтобъ достать изъ нихъ жемчугъ. Потомъ ихъ моютъ. Для сего подѣланы мѣдные тазы съ дырами, на подобіе решетъ. Числомъ ихъ бываетъ пять и шесть, но расположены они такъ одинъ надъ другимъ, что оставлено нѣкоторое между ими разстояніе. Дыры въ каждомъ тазѣ просверлены различной величины. Второй имѣетъ оныя мѣльче перваго, третій мѣльче втораго, и такъ далѣе. Въ первой кладется весь вообще жемчугъ и крупной и мѣлкой, послѣ того, какъ его вымоютъ. Естьли найдется такой, которой не пройдетъ совсемъ въ дыру, тотъ почитается за первой сортъ; остающіеся во второмъ тазу, второй, и такъ далѣе до послѣдняго таза, на которомъ нѣтъ уже дыръ, и жемчугъ въ него падающій, называется *жемчужное сѣмя*.„

„Сіи разные сорты дѣлаютъ разность цѣны, развѣ округлость и вода умножитъ или уменьшитъ оную. Жемчугъ находится въ раковинахъ только случайно, а не во всѣхъ: но всегда надежно, что получишь награжденіе за понесенной прудъ отъ однихъ уже

раковинъ, кои называются *Перламутами;* ибо съѣшь изъ него устрицу, а самыя раковины служатъ украшеніемъ въ кабинетахъ и не дешево продаются.„

„Во время ловли, мучатъ обыкновенно на здѣшнемъ берегу опасныя болѣзни; или по тому что сбирается на нихъ множество народа, и живутъ тѣсно; или что большая часть кормится устрицами, которыхъ не варитъ желудокъ; или наконецъ отъ зараженія воздуха, по причинѣ согнивающихъ устрицъ, коихъ духъ одинъ уже столь тяжелъ, что можетъ причинять болѣзни.„

Пріѣхавъ въ Ормусъ, свѣдали мы, что дней чрезъ десять, отправляется корабль въ Сурать. Часть сего времени употребили мы на осмотрѣніе порта и города *Голрона*, которой прежде, нежели брошенъ Ормусъ, былъ небольшая деревня, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ. Персіане познали выгоду его положенія и гавани, и сдѣлали изъ него купечественной городъ. Въ немъ построены два замка, одинъ противъ другаго, оберегающіе входъ въ заливъ, и снабженные довольною артиллеріею. Лучшіе домы суть Губернаторской, Аглинской и Голландской; ибо сіи народы отправляютъ здѣсь наиглавнѣйшую торговлю. Въ низу подѣланы кухни и магазейны; первой ярусъ служитъ для жилья, и столь возвышенъ, что можетъ получить со всѣхъ сторонъ вѣтръ въ знойное время; ибо жары здѣсь чрезвычайны. Каменья, изъ которыхъ строятъ домы, суть смѣсь глины, песку, рѣзаной соломы и лошадинаго кала. Каменьщики мѣшаютъ все оное вмѣстѣ, и

кладутъ слой, а на сей стелютъ слой хворосту, и такъ далѣе до шести или до семи футовъ вышины. Послѣ подкладываютъ огонь, и симъ образомъ обжигаютъ сію смѣсь, которая становится тверда какъ камень. Подлость живетъ въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ финиковыхъ сучьевъ и листьевъ. Сіе дерево есть одно, которое здѣсь приноситъ плодъ, и годно къ строенію.

Улицы въ Гомронѣ узки, не чисты и не прямы. Воздухъ очень нездоровъ, какъ по причинѣ великихъ жаровъ, такъ и по безпрестанной перемѣнѣ вѣтровъ на здѣшнемъ берегу. Не рѣдко случается прожить цѣлый годъ, какъ мнѣ сказывали, не видавъ дождя: по чему нѣтъ во всей окружности ни признаку травы. Жители привозятъ для себя овощи съ острова *Кисмиша*, лежащаго въ пятнадцати верстахъ отъ города, на которомъ росятутъ они изобильно и изряднаго вкуса. Въ оныхъ состоитъ обыкновенная ихъ пища. Кормятся они такъ же рыбою изъ сосѣдняго моря, которую находятъ здоровѣе и пріятнѣе, нежели мясо, хотя и не имѣютъ въ семъ послѣднемъ недостатка. Есть у нихъ быки, коровы, овцы, а особливо множество козъ. Пьютъ они одну воду, и нѣкоторое вино, дѣлаемое изъ финиковъ или пшена. Виноградное очень дорого, а воду привозятъ верстъ за десять, и по тому она рѣдка.

Знатные люди одѣты по Персидски, а чернь ходитъ почти нагая. Женщины носятъ на рукахъ, на ногахъ, въ ушахъ и въ ноздряхъ золотыя, серебреныя и желѣзныя кольцы, каждая по своему достатку. Сіи украшенія

столь тяжелы, что ежелибъ не привязывали ихъ къ головѣ, чтобъ вырвали оныя у нихъ и ноздри и уши.

Съ Октября по Май, жары бываютъ больше сносны въ Гомронѣ, и въ сіи-то шестъ мѣсяцовъ производится вся торговля. Тогда пріѣзжаютъ купцы изо всѣхъ земель, Персіане, Аравляне, Индейцы, Армяне, Турки, Татары, Голландцы и Агличане. Шахи Персидскіе, желая отплатить послѣднимъ, за оказанныя ими услуги, при взятіѣ Ормуса, не только освободили ихъ совсемъ отъ податей или пошлинъ, но отдали имъ и половину тѣхъ, кои сбираются съ другихъ купцовъ; что однако не вѣрно исполняется съ стороны Персіанъ, всегда готовыхъ обманывать Агличанъ. Едва они получаютъ десятую часть. Между прочими преимуществами, имѣютъ они такъ же право вывозить изъ Персіи всякой годъ по двенадцати лошадей; а Голландцы платятъ по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ талеровъ пошлины за каждую лошадь. Сіи послѣдніе продаютъ имъ сукно, олово и сталь изъ своей земли; а индиго, шелковые товары, бумажное полотно изъ Индіи; которое тоне, крѣпче и цвѣтнѣе, нежели дѣлаемое въ Персіи. Они берутъ въ промѣнъ золотыя и серебреныя парчи, ковры, шелкъ, сырецъ, ревень, шафранъ и *розовую* или гуляфную *воду*. Сія вода есть наилучшій товаръ для Индіи, гдѣ опрыскиваютъ ею покои, и употребляютъ въ составляемыхъ тамъ благовоніяхъ. Сверьхъ сей мѣны, Агличане и *Голландцы* привозятъ такъ же и наилучшія деньги. Послѣдніе снабжаютъ почти всю Пер-

сію пряными кореньями, и за оные пошлины не платятъ, въ силу одной старинной привиллегіи, которую стараются они сильно сохранить въ цѣлости, способомъ подарковъ. Однихъ Португальцовъ не терпятъ въ Гомронѣ и Ормусѣ; и они съ самаго взятья послѣдняго города, всегда ведутъ открытую войну съ Персіянами. Иногда фрегаты ихъ подходятъ очень близко къ симъ двумъ крѣпостямъ, грабятъ жителей на близъ лежащихъ островахъ, и дѣлаютъ множество другихъ насильствій.

Прежде, нежели прибыли мы въ Сурать, остановились въ пристанѣ славнаго города *Діу*, которой учинилъ выдержанныя имъ осады, во вѣки достойныя памяти въ Азіанскихъ лѣтописяхъ. Онъ принадлежалъ Королю Камбайскому, когда Португальцы выпросили позволеніе построить тутъ крѣпость. Вскорѣ учинились они властителями; и дабы свергнуть съ себя иго сихъ чужеземцовъ, Король Камбайской просилъ помочи у Турковъ. Солиманъ, Паша Египетскій, командовалъ флотомъ, посланнымъ отъ Султана въ Индію противъ Португальцовъ. Онъ засталъ уже Діу въ осадѣ, и сильно подкрѣплялъ онуе. Португальцы дрались, претерпѣвая свыше всѣхъ силъ человѣческаго состоянія. Отецъ Силвеира разсказывалъ намъ, Государыня моя! нѣсколько примѣровъ храбрости вашего пола, которыя достойны того, чтобъ объ нихъ упомянуть. „*Изабелла де Вега*, не меньше прекрасная какъ добродѣтельная женщина, тщетно склоняема была мужемъ своимъ *Васконцелосомъ*, переѣхать въ Гоу, въ домъ

отца ея, на время осады. Ни что не могло обязать ее оставить супруга, котораго страстно любила, и видя, что употребляютъ для работъ многое число людей, нужныхъ для сраженія, вздумала она, что женщины могутъ заступить ихъ мѣсто; сообщила намѣреніе свое женѣ одного Доктора, называемой *Аннѣ Фернандецъ:* и сіи двѣ женщины, собравъ всѣхъ прочихъ, уговорили ихъ отправлять работу мужей и сыновей, которая приличнѣе была ихъ полу. Всѣ принялись съ великимъ жаромъ, и наперерывъ старались одна другую превзойти въ трудахъ. Таковой примѣръ ободрялъ отвагу въ мужьяхъ, и даваль имъ всю свободность, дѣйствовать оружіемъ. Анна и Изабелла ходили по ночамъ осматривать разные посты. Ихъ видали такъ же и при самыхъ приступахъ, старающихся, увѣщаніями своими, распалить храбрость въ сражающихся. Анна Фернандецъ лишилась сына, которой палъ подлѣ нее мертвъ на землю; но сіе не принудило ее оставить своего мѣста, и она не прежде, какъ уже по сраженіи, сошла съ него искать тѣла сыновня, и предать его землѣ своими собственными руками.„

„Чего же должно было ожидать, прибавилъ отецъ Силвеира, отъ мужей, коихъ жены давали примѣры столь героической храбрости? Дѣйствительно единоземцы наши никогда не оказали толикой отваги и мужества. Я вамъ скажу нѣсколько примѣровъ. Одинъ, называемой *Патеко*, былъ опасно раненъ, и началъ только лѣчиться, какъ шумъ происходящій отъ новаго нападенія, поразилъ

его слухъ. Онъ вырвался у лѣкарей, и побѣжалъ на сраженіе, въ которомъ получилъ новую рану. Съ нимъ сіе случилось до трехъ разъ: и когда непріятель отступилъ, то и онъ далъ пользовать всѣ свои раны вдругъ. Одинъ солдатъ, не имѣя больше пуль, заряжалъ ружье своими зубами. Другой схватилъ боченокъ съ порохомъ, и крича товарищамъ, *посторонись, я несу мою смерть и непріятелеву*, бросился въ кучу непріятелей, и зажегъ порохъ фитилемъ. Боченокъ взорвало и не причиня ни малаго вреда носителю, побило больше ста Турокъ. Я бы не окончилъ, естьлибъ захотѣлъ вычислять всѣ мужественные подвиги, оказанные при семъ случаѣ Португальцами. Довольно того, что Солиманъ принужденъ былъ снять осаду, продолжавшуюся болѣе двухъ мѣсяцовъ, умножившую не мало славу нашу во всей Индіи. Всѣ помянутыя доказательства невѣроятной силы, отваги и храбрости въ обоихъ полахъ, возобновлены были, нѣсколько лѣтъ спустя, съ равнымъ же успѣхомъ, и въ такихъ же обстоятельствахъ. Король Камбайской вдругорядь предпріялъ осаду города Діу. Мужчины и женщины отличились въ ней такими дѣйствіями, которыхъ повѣствованія и самые исторіописатели почитали невѣроятнымъ и невозможнымъ. Оными заслужилъ *Жанъ де Кастро*, защищавшій городъ, тріумфъ подобной древнему Римскому. Улицы Гои, въ которую онъ въѣзжалъ, послѣ сего славнаго дѣла, устланы и увѣшаны были богатыми обоями. Женщины бросали цвѣты, и опрыскивали пахучими водами его дорогу. Всѣ обстоятельства сего

торжества, столь были великолѣпны, что Португальская Королева, читая описаніе сраженія и тріумфа Каспрова, сказала, что онъ побѣдилъ какъ Христіанинъ, а торжествовалъ какъ язычникъ. Онъ просилъ у жителей Гоа не малую сумму въ заемъ денегъ, для починки замка Діу, и послалъ къ нимъ въ закладъ свои усы. Они отправили ихъ къ нему назадъ, съ великимъ почтеніемъ, и прислали вмѣстѣ съ усами требуемыя имъ деньги. Женщины и въ томъ такъ же участвовали. Онѣ распродали свои каменья, ожерелья, поручни, и удвоили сею чивостію подмогу, въ которой имѣлъ онъ нужду.„

Толикіе примѣры великости духа, возбуждали во мнѣ сильное желаніе увидѣть городъ, которой въ прочемъ не имѣлъ ничего, примѣчанія достойнаго. *Сурать*, знатной во владѣніяхъ Великаго Могола городъ, въ которой пріѣхали мы, проживъ нѣсколько дней въ Діу, представитъ вамъ предметы больше достойные вашего любопытства. Лежитъ онъ въ пятьнадцати, или двадцати верстахъ отъ моря, на рѣкѣ *Талти*, которая составляетъ гавань, куда корабли могутъ свободно входить; но оная есть не настоящій портъ Суратской, которой отъ города, въ двадцати верстахъ, находится при деревнѣ *Сугали*, гдѣ мы и вышли на берегъ. Въ семъ мѣстѣ Европейскіе корабли сгружаютъ и нагружаютъ свои товары, а оные хранятся на дворахъ и въ магазейнахъ, изъ которыхъ перевозятъ ихъ землею въ Сурать. Факторы Французскіе, Аглинскіе и Голландскіе имѣютъ конторы свои, верстахъ въ трехъ отъ моря, въ

нѣкоторомъ между собою разстояніи. Входъ въ рейду не широкъ, и заливъ такъ же не весьма пространенъ; но отъ всѣхъ вѣтровъ они закрыты, кромѣ одного западнаго, принуждающаго удаляться отъ здѣшняго берега, въ нѣкоторыя времена. Поднимается однажды въ году преужасная буря, и принуждаетъ купцовъ перетаскивать, съ не малымъ иждивеніемъ, всѣ вещи и товары въ городъ. Она продолжается иногда двенадцать и пятьнадцать дней, съ такимъ страшнымъ дѣйствіемъ, что живущіе по морскому берегу, ищутъ спасенія въ стѣнахъ Суратскихъ.

Сей городъ есть четвероугольной, но съ стороны рѣки, которая течетъ излучиною, походитъ онъ на полумѣсяцъ. Всѣ домы плоски, какъ въ Персіи, и по большой части имѣютъ сады. Главная площадь окружена изряднымъ строеніемъ, и замокъ, которой занимаетъ одинъ бокъ, не малое составляетъ украшеніе. Рѣка служитъ ему ровомъ, и течетъ подъ самыми бастіонами, дѣлая приступъ къ нему весьма труднымъ. Домы съ наружи не меньше убраны столярною работою, какъ у насъ покои въ нутри: а въ самыхъ домахъ повсюду видно великолѣпіе. Стѣны, потолоки, полы покрыты фарфоровыми плитками. Великое множество такихъ же сосудовъ придаютъ покоямъ видъ величества, богатства, чистоты и прохладности. Окны сдѣланы не изъ стеколъ, какъ въ Европѣ, а изъ чешуи и крокодиловъ, изъ черепахи, изъ перламута, или жемчужныхъ раковинъ, коихъ различность въ цвѣтахъ производитъ свѣтъ весьма пріятной. На площадкахъ сверьхъ домовъ, си-

дяпъ для прохлады по вечерамъ. Хозяева взносятъ на нихъ свои посшели, и тамъ спятъ, избѣгая духоты, коею покои днемъ наполняются.

Сверьхъ народныхъ зданій, каковы суть домъ Губернаторской, таможня и базары, есть другіе построенные купцами разныхъ земель на наилучшихъ мѣстахъ въ городѣ. Конторы Французская, Аглинская и Голландская, наибольше между ими отличаются своею красотою. Сверьхъ того, онѣ такъ укрѣплены, что не боятся никакого нападенія. Сіи три народа имѣютъ свои домы, которые называютъ они *ложами*, и которые пространны, хорошо построены, и состоятъ изъ великолѣпныхъ покоевъ. Занимаемой *Агличанами* принадлежитъ Великому Моголу, и есть наилучшій въ городѣ. Императоръ, у котораго безпосредственно Агличане нанимаютъ оной, рѣдко получаетъ деньги за наемъ. Онъ позволяетъ имъ употреблять оные на починку и украшеніе зданія. Въ немъ подѣланы погреба, магазейны и водохранилища. Президентъ Аглинской торговли въ сѣверныхъ частяхъ Индіи, живетъ въ семъ домѣ. Я жилъ у одного Голландскаго купца, пріятеля отцу Силвеирѣ, съ которымъ не хотѣлось мнѣ разстаться, хотя и были у меня письма къ Французскимъ купцамъ. Я часто съ ними видался, во время моего пребыванія въ Сурапѣ, и свѣдалъ отъ нихъ множество подробностей, касающихся до сего города.

Въ немъ считается жителей около четырехъ сотъ тысячь, управляемыхъ двумя Губернаторами. Одинъ изъ нихъ совсемъ

военной, и всегда живетъ въ замкѣ, не признаетъ городскаго, и имѣетъ свою собственную расправу, или судъ. Гражданскому Губернатору ввѣрено правленіе народныхъ дѣлъ, правосудіе, полиція и сборъ входящей и исходящей пошлины. Онъ рѣдко отдаляется отъ своего дома, и всегда готовъ принимать просьбы отъ купцовъ, и кончить дѣла требующія неотложнаго исполненія. При немъ находится пѣхотной и конной караулъ, для безпечности его особы, и для исполненія его приказаній; но когда ѣдетъ гулять, часто бываетъ съ нимъ только два невольника: одинъ ведетъ слона, на которомъ онъ сидитъ, а другой обмахиваетъ его конскимъ хвостомъ, привязаннымъ къ палкѣ. Въ важныхъ дѣлахъ обязанъ отъ спрашивать мнѣнія у трехъ чиновниковъ, кои отдаютъ Двору отчетъ во всемъ, что ни случится примѣчанія достойнаго. Они имѣютъ каждой свою должность. Одинъ, какъ человѣкъ знающій законы, раздѣляетъ съ Губернаторомъ верьховную власть во всемъ касающемся до гражданскихъ обыкновеній въ государствѣ. Другой держитъ записку всему ежедневно случающемуся. Третій обязанъ предъупреждать, отвращать и наказывать всякіе безпорядки. Всякую ночь ходитъ онъ принужды дозоромъ по городу, въ девять часовъ, въ полночь, и въ три часа по полуночи. За нимъ слѣдуютъ слуги его и вооруженные солдаты. Вины наказываются заключеніемъ въ тюрьму на нѣсколько дней; а ежели онѣ явятся поважнѣе, то и битіемъ палками. Ежели покрадутъ кого внѣ города, за то отвѣчаетъ особой чиновникъ, имѣющій

команду подобную нашимъ разъѣздамъ, и безпрестанно ѣздящій по большимъ дорогамъ и деревнямъ, для сыску воровъ.

Сверьхъ вышепомянутыхъ, находится въ Сурать Штатской Секретарь, котораго назначаетъ самъ Великій Моголъ, для смотрѣнія за поведеніемъ Губернаторовъ, и для удержанія ихъ отъ взятковъ. Ему повѣрено давать жалованье войску, посылаемому въ здѣшнюю провинцію, надсматривать надъ судами, и отдавать Двору отчетъ о грузѣ кораблей, всякой годъ отправляющихся въ Мекку. Государь получаетъ съ сихъ караванозъ дохода, около миліона рублей. Въ городѣ Суратѣ находится больше, нежели въ какомъ либо другомъ, жителей разныхъ земель и законовъ, кои всѣ пользуются свободнымъ отправленіемъ своихъ вѣръ. Главнѣйше населенъ онъ Моголцами, Баніанами, Индейцами, слѣдующими Пифагоровой сектѣ; Аравлянами, Персіанами, Армянами, Турками, Жидами, Французами и Голландцами. Первые наибольше почитаются, какъ по причинѣ вѣры, коей держится самъ Великій Моголъ и главные вельможи, такъ и по тому, что они военные люди. Они имѣютъ отвращеніе къ рукомесламъ и къ самой торговлѣ, и предпочитаютъ лучше кому служить, нежели приняться за честное какое ремесло. Баніаны напротивъ любятъ работать, и живутъ уединенно. Но нѣтъ чужестранныхъ, кои бы имѣли лучшія заведенія въ Суратѣ, какъ Агличане и Голландцы. Они изъ него сдѣлали наицвѣтущій торговлею городъ во всемъ востокѣ. *Агличане* особливо избрали его, средо-

почіемъ всего своего купечества въ Индіи. Они имѣютъ Президента, коему приказщики другихъ конторъ обязаны давать отчетъ, и для сей причины, всякой годъ пріѣзжаютъ въ Сурапъ. На семъ мѣстѣ можно приобрѣсть великіе богатства; ибо, сверьхъ жалованья и прибыли получаемой съ кораблей, онъ имѣетъ право торговать на свой счетъ во всей Азіи. При немъ находятся подчиненные, которые составляютъ его Совѣтъ. Президентъ имѣетъ два голоса, и судитъ всѣ дѣла, касающіеся до Индейской компаніи, и людей находящихся въ ея службѣ. Она содержитъ секретаря, священника, факторовъ, писарей, учениковъ, кои всѣ живутъ въ Президентскомъ домѣ, на ея содержаніи, и могутъ такъ же, какъ и Президентъ, торговать на свой счетъ. Ни кто изъ нихъ не можетъ проводить ночь внѣ дома, безъ его позволенія. Всякой день бываетъ столъ общій, за которой садятся по старшинству. На немъ ставится, что есть наирѣдчайшаго въ Европѣ и Азіи. Нѣтъ другаго подобнаго стола въ Суратѣ, даже и у самыхъ знатныхъ господъ: столь онъ хорошъ и изобиленъ. Мнѣ нѣсколько разъ дѣлали честь, звали за оной обѣдать. Въ одинъ день, между прочимъ видѣлъ я смѣхъ произшедшій отъ одного просподушнаго Индейца, которой пришелъ посмотрѣть, какъ мы обѣдаемъ. Онъ очень удивился, при откупариваніи бутылки, что вино съ стремленіемъ изъ оной ударило въ верьхъ. У него спросили о причинѣ сего изумленія. „Мнѣ не то дивно, отвѣчалъ онъ, что вино вонъ бѣжитъ изъ бутылки; но то, какъ могли его влить въ бутылку.„

Въ Сурать мало чужестранныхъ, а особливо Европейцовъ, которые бы не бывали на обѣдѣ у Агличанъ. Для удовольствія вкуса каждаго, они держатъ нарочно трехъ поваровъ изъ разныхъ земель, которые готовятъ кушанье по своему обычаю; но не подаютъ никогда Французскихъ соусовъ, что мало меня безпокоило: ибо я уже привыкъ безъ нихъ обходиться. Въ праздничные или торжественные дни, Президентъ зоветъ всѣхъ чиновныхъ компаній обѣдать въ какой нибудь садъ за городъ, и въ сихъ гульбищахъ подражаетъ, а иногда и превосходитъ пышность Губернаторовъ. Его несутъ тогда четыре человѣка въ паланкинѣ: шествіе начинается двумя знаменами, за коими ведутъ верьховыхъ лошадей, великой цѣны и въ богатыхъ уборахъ. Чиновные слѣдуютъ за Президентомъ верьхами такъ же на хорошихъ лошадяхъ; потомъ идутъ служители. Послѣ сего перваго отдѣленія, ѣдетъ Совѣтъ въ большой открытой, раззолоченой и разсеребреной каретѣ, въ которую запряжены быки. Достальные факторы такъ же ѣдутъ въ каретахъ, или верьхами. Весь сей кортеже, проѣзжая черезъ городъ, вселяетъ больше почтенія въ народѣ къ Аглинскому Президенту, нежели къ Губернатору, коего величественность помрачается пышностію сихъ купцовъ, равно какъ Французское дворянство, затмѣвается наглымъ расточеніемъ откупщиковъ.

По долгому моему знакомству съ сими любителями счетовъ, позналъ я мѣры, вѣсы, и деньги Суратскія. Аршинъ имѣетъ 27 дюймовъ. Здѣсь на вѣсъ продается, что у насъ

мѣряютъ четвериками. Фунтъ содержитъ 13¼ унцій. Деньги считаются *рупіями*, *леками*, *куру*, *падапами* и *нилами*. Рупій составляетъ около сорока копѣекъ. Въ Лекѣ ихъ сто тысячь Падановъ. Всякой годъ дѣлаютъ новые Рупіи. Нынѣшняго года Рупіи стоятъ больше, нежели прошлогодніе; ибо думаютъ, что отъ употребленія и тренія убыло въ старыхъ вѣсу. Есть полу-рупій, четвертъ рупій. Въ Суратѣ попадаются чужестранныя деньги, но въ маломъ числѣ и мѣдныя, коихъ шестьдесятъ дѣлаютъ одинъ рупій. Есть еще здѣсь монета и той хуже, то есть *Горькой миндаль*, которыхъ шестьдесятъ составляютъ одну мѣдную монету. Сей миндаль привозится изъ Персіи, и есть плодъ дерева растущаго въ ущелинахъ каменныхъ горъ. *Золото* Суратское такъ чисто, что перевозя его въ Европу, можно барыша получить двенадцать и четырнадцать на сто. *Серебро* во всѣхъ владѣніяхъ Великаго Могола такъ же чище, нежели въ другихъ мѣстахъ, по тому что всякой чужестранной, пріѣхавшій въ Имперію, обязанъ промѣнить все свое серебро на здѣшнія деньги. Оное тотчасъ сплавливается, вычищается, и дѣлаютъ изъ него рупіи. Чужестранныя деньги платятъ два съ половиною на сто пошлины, когда сюда привозятся.

Во все время пребыванія моего въ Суратѣ, не имѣлъ я несчастія, быть подверженъ ни малѣйшей болѣзни, отъ которыхъ съ трудомъ Европейцы спасаются. Обыкновенныя суть разныхъ родовъ лихорадки, по большой части смертельныя, особливо для тѣхъ,

кои съ лишкомъ любятъ вино и столъ. Есть между оными одна весьма опасная. Сія начинается сильною рвотою и поносомъ; таковыхъ больныхъ вылѣчиваютъ прикладываніемъ горячаго желѣза къ пятамъ. Тѣ, кои выходятъ на открытой воздухъ ночью, когда туманъ опускается, или поднимается, получаютъ параличь, лишающій ихъ движенія и употребленія членовъ. Частыя бани, суть наилучшее противъ онаго лѣкарство.

Здоровье, коимъ пользовался я въ Суратѣ, было причиною, что время провождалъ пріятно. Въ окружностяхъ города находится, по обѣимъ берегамъ рѣки, множество прелестныхъ гульбищъ, разсѣянныхъ по землѣ весьма плодоносной; и я не урѣжалъ ихъ посѣщать. Во многихъ садахъ построены преизрядные домы, кои бывъ такъ бѣлы, что ослѣпляютъ взоръ, (ибо Индейцы любятъ сей цвѣтъ), и стоя посреди зелени, дѣлаютъ восхитительное зрѣлище. Зной воздуха умѣреваетсяся въ нихъ тѣнію многочисленныхъ деревьевъ, и близостію воды; но всѣ окружности Сурата ничего почти такого не имѣютъ, по чему бы могли сравниться съ однимъ монастыремъ *Факировъ*, кои все стараніе употребили, дабы сдѣлать свое жилище и выгоднымъ и пріятнымъ. Онъ стоитъ близъ рѣки, и все то, что можетъ изобрѣсть искуство, для приведенія въ совершенство природы, соединилось къ украшенію сего убѣжища. По чему живущіе въ немъ Факиры гораздо спесивѣе всѣхъ прочихъ монастырей. Вы, Государыня моя! знаете безъ сумнѣнія, что *Факиры*, суть родъ монаховъ сбирающихъ

милостыню, умножающую ихъ доходы; но здѣшніе столь горды, по причинѣ великолѣпія монастыря своего, что ихъ сбиратель милостины, встрѣтившися со мною однажды, отважился попросить у меня двадцати рупій. Я ему, смѣючись, отвѣчалъ: не довольно ли съ него будетъ девятьнадцати? Онъ ихъ не принялъ, воображая, что унизитъ свое достоинство, ежели уменьшитъ что либо изъ перваго своего требованія.

Есть еще одно гульбище близъ города, называемое *Царицынъ садъ*, по тому, что принадлежалъ одной сестрѣ Императорской. Состоитъ онъ изъ дорогъ, разнаго рода деревьевъ и прудовъ, изъ коихъ вода течетъ по главнымъ аллеямъ. Мы ходили смотрѣть находящееся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сада водохранилище, почитаемое здѣсь за вещь любопытства достойную, и работу сравниваемую съ наилучшими Римскими зданіями, для пользы народной сооруженными. Оное имѣетъ шестьнадцать угловъ, а каждой бокъ между двухъ угловъ во сто шаговъ; вымощено же большими гладкими каменьями, а кругомъ подѣланы ступеньки, на подобіе амфитеатра, съ самыхъ краевъ до дна. Оставлены на немъ три спуска гладкіе, для поенія скотины, а посреди воды возвышается строеніе, къ которому безъ лодки достигнуть не можно: ѣздятъ же туда для прохлажденія. Сіе великое водохранилище наполняется дождевою водою, да прежде въ Сурать иной и не пивали; но послѣ уже нашли колодези, изъ которыхъ теперь снабжается весь городъ.

Между лучшими украшеніями Суратскихъ окружностей, почитается Аглинское и Голландское кладбище. И тѣ и другіе наперерывъ стараются превзойти великолѣпными гробницами. Между прочими видѣлъ я могилу одного Голландца, которой приказалъ сдѣлать надъ собою три великія чаши, для напамятованія своимъ друзьямъ удовольствія, съ каковымъ пивалъ онъ съ ними. Но вотъ, что покажется вамъ, чудно: есть здѣсь больница для коровъ, лошадей, козъ, собакъ и другихъ животныхъ, изъувѣченныхъ или не могущихъ отъ старости служить. Содержится она Баніанами, вѣрующими преселенію душъ. Всякой изъ нихъ мнитъ, что видитъ сродственника своего въ собакѣ, или въ лошади; а по сей причинѣ и бываютъ они столь жалостливы ко всѣмъ животнымъ. И такъ, когда кто не можетъ уже имѣть пользы отъ своей коровы, или быка, а для избѣжанія убытка, причиняемаго кормомъ, сбирается ее убить для употребленія въ пищу; всегда найдется Баніанъ, которой ее покупаетъ, и иногда не очень дешево, и даетъ для пропитанія ея вкладу въ помянутую больницу, гдѣ за нею съ прилѣжаніемъ ходятъ, и кормятъ по самую ея естественную смерть.

Подлѣ сего строенія стоитъ другое для блохъ, вшей, клоповъ и другихъ насѣкомыхъ питающихся кровію человѣческою. Дабы ихъ угостить пищею имъ сродною, нанимаютъ нищаго, проводить ночь на постелѣ въ сей больницѣ, но опасаясь, чтобъ онъ не помѣшалъ имъ въ пиру, сгоняя руками, или, чтобъ отъ боли не ушелъ прежде, нежели они на-

ѣдятся, привязываютъ его такъ крѣпко, что ни что воспрепятствовать имъ не можетъ, себя удовольствовать. Помянутые *Банiаны*, суть наибогатѣйшіе купцы въ Суратѣ; иные между ими имѣютъ по пяти сотъ тысячь, а иные по два и по три миліона рублей.

Почтеніе, оказываемое къ животнымъ, простирается иногда и къ деревьямъ. Есть одно изъ таковыхъ особливо, которое признаютъ они священнымъ, стараются украшать, и иногда строютъ при немъ и капище. Оное дерево называется *Варъ* или *Беръ*, *дерево Банiанское*, *или дерево коренное*. Сіе послѣднее имя даютъ ему по тому, что вѣтви его легко пускаютъ отростки, и производятъ другія вѣтви. Случается иногда, что одно дерево, которому дали волю разшириться, занимаетъ не малое пространство земли. Я видѣлъ одно тридцати сажень въ поперешникѣ, считая разширеніе его вѣтвей, и оно составляло само собою цѣлое гульбище.

Земля около Сурата съ природы такъ плодоносна, что нѣтъ нужды ее навозить. Климатъ очень жаркой; но чрезвычайной зной охлаждается благотворительными дождями и вѣтрами, дующими въ извѣстные мѣсяцы. Сіе смѣшеніе жара и мокроты, дѣлаетъ землю плодородною изъ такой, которая по свойству своему была бы суха и необитаема. Хлѣбъ нужной, для пропитанія столь многолюднаго города, родится изобильно, равно какъ и все то, что служитъ къ нѣжной пищѣ. Хлѣбъ сѣютъ тотчасъ, по прошествіи дождевой погоды; въ которое время земля становится удобною къ паханію.

Никогда ее не поливаютъ, по тому, что ежедневно падающей росы къ тому довольно. Пшено и сахарныя трости всегда растутъ удачливо, и вотъ какъ садятъ послѣднія: дѣлаютъ широкія борозды. въ которыя валяютъ, для утучненія, небольшихъ рыбокъ, называемыхъ во Франціи goujons (родъ пескарей), а на нихъ кладутъ отростки, одинъ подлѣ другаго, и изъ каждаго колѣна трости, выходитъ стебель приносящій сахаръ.

Пальмовыя деревья всякаго рода и плоды во всякой части года, производятъ смѣшеніе полезнаго съ пріятнымъ. Вкусъ винограда однако противенъ. Онъ бѣлъ и довольно крупенъ, но вино изъ него бываетъ кисло, и пить его совсемъ не льзя, естьли не подсластишь сахаромъ. Прочія питьи такъ же не лучше вина. Обыкновенное дѣлается изъ сахара и корня дерева *Бабулъ*, настояннаго въ водѣ и передвоеннаго. Дѣлаютъ такъ же водку, называемую *Тари*, которая довольно пріятна, и гонится изъ Пальмы и Кокосова дерева.

Сурапъ и округъ его есть, безъ прекословія, наилучшая часть провинціи *Гузаратской*, а сія провинція наипрекраснѣйшая во всемъ Индостанѣ. Она была прежде особое Государство, которое Великій Моголъ покорилъ подъ свою державу, и называлась тогда *Королевствомъ Камбайскимъ*. Сею частію Имперіи Могольской начнемъ мы сухопутное странствованіе наше по Индіи, пользуясь отъѣздомъ одного каравана, идущаго съ пряными кореньями и серебромъ въ Амадабатъ.

Я есмь. *и пр.*

ПИСЬМО XXX.

Имперія Моголская.

Президентъ Аглинской въ Сурать компаніи назначилъ четырехъ купцовъ, восемь Басіановъ, двенадцать Аглинскихъ солдатъ, и столько же Индейцовъ, для провожанія и защищенія отъ воровъ, нашего каравана. Мы отправились по дорогѣ, ведущей въ Броищу, и часто выходили изъ коляски стрѣлять по дикимъ уткамъ и другимъ рѣчнымъ птицамъ, коихъ тамъ великое множество. Попадалось намъ такъ же столько оленей и кабановъ, что мы ни мало не пеклись о нашемъ ужинѣ; ибо Агличане и Голландцы не ѣздятъ въ дорогу безъ поваровъ, которые готовятъ дичину, убитую своими господами.

Броища, лежащая въ шестидесяти верстахъ отъ Сурата, построена на горѣ, имѣетъ изрядныя стѣны, которыя и дѣлаютъ ее крѣпкимъ городомъ. Она довольно многолюдна, но большая часть жителей суть *Ткачи*, наилучшаго бумажнаго полотна, во всей провинціи. Изъ близъ находящихся горъ достаютъ драгоцѣнной *Агатъ*, изъ коего дѣлаютъ черенья къ ножамъ, и весьма хорошія чашки.

Въ двухъ дняхъ отъ Броищи, видѣли мы на дорогѣ могилу одного Магометанскаго святаго, къ которому чернь имѣетъ великое почтеніе. Ходящіе къ нему на поклоненіе, наблюдаютъ, во всю дорогу, строгое молчаніе. Иные кладутъ себѣ на ротъ замокъ, дабы не

проговориться, снимаютъ оной только, когда ѣдятъ. Сія могила находится близъ Бродры, гдѣ Агличане имѣютъ коптору. Угостивъ насъ очень хорошо, позвали они Банiанскихъ женщинъ, кои хотѣли раздѣться до нага, и оказывали готовость свою ко всему тому, чего пожелать только можно въ подобномъ случаѣ отъ женщинъ ихъ ремесла. Отказъ нашъ, казалось, ихъ озлобилъ и онѣ пошли вонъ съ неудовольствiемъ.

Городъ *Бродра*, такъ какъ и Броища, населенъ почти одними масперовыми бумажныхъ полотенъ. Одна деревня, лежащая отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ, приноситъ всякой годъ больше двадцати пяти тысячь фунтовъ *Лаку*, которой есть смола, доставаемая изъ дерева подобнаго на сливное, и растущаго въ великомъ изобилiи въ Гузарапской провинцiи. Сія смола рыжеватаго цвѣта сбивающагося на сѣрой: но когда высушишь ее и исполчешь, принимаетъ она цвѣтъ, какой угодно: черной, красной, желтой, зеленой и пр. Индейцы дѣлаютъ изъ него палочки, коими печатаютъ письма, или употребляютъ на украшенiе мебелей, давая ему лоскъ, котораго не могутъ перенять въ Европѣ. Большая продажа лака отправляется въ *Амадабанѣ*, столицѣ провинцiи, куда прибыли мы, по нѣсколькихъ дняхъ пути. Разсказываютъ, что сей городъ былъ созданъ однимъ тамошнимъ Королемъ, называемымъ *Ахмедъ*, которой и имя ему далъ; что другой Государь, называемой *Магмудъ*, построилъ въ нѣкоторомъ отъ онаго разстоянiи другой городъ, подъ именемъ *Магмудабадъ*;

и что оба города размножаяся, соединились и составили одинъ, отправляющій нынѣ нарочитую торговлю. Мы пристали у директора, которой въ самой первой день, послѣ ужина, велѣлъ кликнуть танцовщицъ. Оныя не лучше были приняты отъ насъ какъ и Бродрскія Баніанки, и не меньше тому удивились: ибо въ здѣшнихъ краяхъ нѣтъ обыкновенія призывать ихъ безъ дѣла.

На другой день, Директоръ посадилъ меня въ свою карету, дабы показать мнѣ часть города. Сія колесница, на Индейской манеръ, была вся вызолочена, покрыта многими богатыми Персидскими коврами, и запряжена двумя бѣлыми быками, которые не меньше имѣли силы и огня, какъ наилучшія лошади. Сперьва привезли меня на главную площадь, называемую *Царской рынокъ*. Оная имѣетъ тысячу шесть сотъ футовъ въ длину и восемь сотъ въ ширину, и украшена съ двухъ боковъ двойнымъ рядомъ пальмовыхъ и тамариновыхъ деревьевъ, между коими перемѣшаны лимонные и померанцовые. Большая часть улицъ такъ же ими осажена: что сверхъ пріятнаго зрѣлища, производитъ холодомъ и запахъ прелестной, и изъ дали даетъ сему великому городу видъ рощи изпещренной загородными домами. Дворцы древнихъ Королей Камбайскихъ доказываютъ еще своими развалинами бывшее ихъ великолѣпіе. Капище Баніановъ, есть огромное зданіе, не уступающее никакому другому въ городѣ. Мы въ немъ видѣли жреца, упражняющагося въ принимании подарковъ отъ приходящихъ на поклоненіе. Оные состояли въ цвѣтахъ для

идоловъ, въ маслѣ для лампадъ, въ соли, въ хлѣбѣ и въ деньгахъ для жрецовъ. Между тѣмъ, какъ украшалъ онъ цвѣтами истукановъ, имѣлъ ротъ и носъ покрытой полотномъ, дабы дыханіе его не осквернило таинства. Почасту подходилъ онъ къ лампадѣ, бармоталъ нѣкакія слова, мялъ себѣ руки надъ огнемъ, какъ бы мылъ ихъ въ дыму, и обтиралъ ими лице, дабы очиститься.

Мы оставили его возбуждать къ благоговѣнію, или веселить съ своими кривляньями народъ, и продолжали осматривать городъ. Оной и великъ и многолюденъ; улицы въ немъ широкія, и строеніе великолѣпное. Полагаютъ, что въ окружности имѣетъ онъ тридцать пять верстъ, считая и предмѣстія, кои безмѣрно обширны. Гарнизонъ въ немъ довольно многочисленъ, для обузданія нѣкоторыхъ разбойниковъ, которые не признавая власти Великаго Могола, дѣлаютъ безпрестанно набѣги въ окружностяхъ.

Нѣтъ ни народа, ни товаровъ во всей Азіи, которыхъ бы не льзя было найти въ Амадабатѣ Главной его торгъ состоитъ въ шелковыхъ и бумажныхъ дѣлающихся въ немъ тканіяхъ. Рѣдко употребляется на нихъ домашнихъ шелкъ, которой посредственной доброты, но выписывается изъ Китая и Бенгала. Прочіе товары суть: сахаръ, леденецъ и всякаго рода заѣдки; тминъ, медъ, лакъ, опій, которой есть минеральная соль, употребляемая для паянія; имбирь, селитра, нашатырь, и особливо индиго, растущій здѣсь въ великомъ изобиліи. Но всего здѣсь способнѣе переводъ денегъ. Баніаны принимаютъ и пе-

реводятъ оныя во всѣ части Азіи, и даже въ Царьградъ. Сіе тѣмъ выгоднѣе для купцовъ, что воры и разбойники, о коихъ я упомянулъ выше, дѣлаютъ дороги ненадежными, хотя и содержитъ Императоръ особое войско, для безопасности оныхъ. Часть доходовъ Амадабатскихъ опредѣлена на жалованье симъ солдатамъ: доходы же простираются, милліоновъ до четырехъ рублей, по тому, что городъ имѣетъ на своей землѣ двадцать пять мѣстечекъ, или селъ, и около трехъ тысячь деревень, отъ него зависящихъ. Губернаторъ, которому поручены сіи деньги для платежа войску, бываетъ иногда самъ защитникомъ разбойниковъ, и дѣлитъ съ ними плоды ихъ грабежа. Онъ беретъ наименованіе *Хана* или *Раія*, которое значитъ *Князь*, имѣетъ несчетныя сокровища. Дворъ его составленъ больше, нежели изъ пяти сотъ человѣкъ чиновныхъ, а караулъ изъ двухъ сотъ. Дома онъ обыкновенно одѣтъ въ простомъ бумажномъ полукафтанѣ; выѣзжаетъ же съ великолѣпіемъ, сидитъ на слонѣ, на нѣкоторомъ родѣ трона. Многочисленная гвардія его окружаетъ. Передъ нимъ несутъ разныхъ цвѣтовъ знамена, а за нимъ ведутъ невольники Персидскихъ верьховыхъ лошадей. При немъ, какъ и въ Сурапѣ, находятся многіе чиновники, отъ Императора присылаемые, смотрѣть за его поведеніемъ, чинить правосудіе народу, и наблюдать порядокъ въ городѣ. Но со всемъ тѣмъ, власть его не меньше совершенна, какъ то доказываетъ слѣдующая исторія.

Одинъ изъ послѣднихъ Губернаторовъ сей провинціи, приказалъ привести шайку не-

потребныхъ женщинъ, дабы онѣ повеселили его послѣ ужина, танцуя нагія, какъ по обычай во всей Имперіи. Ему пришли сказать, что онѣ больны, и не могутъ того дня предъ него предстать. Онъ велѣлъ привести ихъ предъ себя, въ какомъ бы онѣ состояніи ни были: и какъ люди его сдѣлали ему тотъ же отвѣтъ; то онъ на нихъ обратилъ свой гнѣвъ. Тогда сіи бѣдные, боясь палокъ, бросились къ ногамъ его, и признались, что помянутыя женщины не больны, но позваны въ другое мѣсто, гдѣ доставая деньги инымъ танцованіемъ, не хотѣли идти; ибо знали, что онъ имъ не заплатитъ. Онъ тому засмѣялся, но послалъ своихъ караульныхъ привесть изъ нихъ восемь, и сколь скоро вошли онѣ въ залу, велѣлъ имъ отрубить головы. Онѣ просили жизни съ ужаснымъ крикомъ, а онъ хотѣлъ конечно, чтобъ повелѣніе его было исполнено: сіе и учинено такъ, что ни кто изъ предстоящихъ не отважился замолвить за сихъ бѣдныхъ. Какое противоположеніе таковаго безчеловѣчія съ милосердіемъ нашего правленія! У насъ комедіантка, танцовщица пренебрегаетъ ненаказанно народнымъ собраніемъ, подъ наималѣйшимъ предлогомъ болѣзни, а иногда не почитаетъ за нужно и причины объявить, за чѣмъ играть не хочетъ. Какъ сіе ужасное зрѣлище привело въ изумленіе случившихся тутъ чужестранцовъ; Губернаторъ началъ смѣяться и сказалъ имъ: ежели бы я инаково поступалъ; вскорѣ бы лишился всей власти, и вы бы увидѣли, прибавилъ онъ, указывая на предстоящихъ, что сіи непотребные сдѣлались бы тогда господами, и меня бы выгнали изъ города.

Главное великолѣпіе Амадабата и его окружностей состоитъ въ гробницахъ, кои суть превеликія и прекрасныя зданіи, посреди садовъ, въ которые всякому входъ отворенъ. *Зиркѣева гробница*, построена, верстахъ въ шести отъ города, однимъ Королемъ Гузаратскимъ, въ честь своему учителю, которой прославился, сказываютъ, чудесами. Я въ ней насчиталъ до четырехъ сотъ мраморныхъ столбовъ, вышиною въ тридцать футовъ. Сіе зданіе служитъ такъ же гробницею премъ Королямъ Камбайскимъ, которые приказали тутъ положить себя и класть весь свой родъ.

Я ѣздилъ смотрѣть другую гробницу не далеко отъ города. Въ оной похороненъ одинъ богатой купецъ Мавръ, о которомъ разсказываютъ слѣдующую повѣсть: „Онъ влюбился въ свою дочь, и желая покрыть кровосмѣшеніе, говорилъ духовному судьѣ такимъ образомъ: будучи молодъ, насадилъ я садъ, за которымъ ходилъ съ удовольствіемъ, и въ которомъ выросли плоды, коихъ хочется моимъ сосѣдямъ. Всякой день они меня безпокоятъ; но не хотя оставить столь милаго себѣ добра, намѣренъ я самъ имъ воспользоваться, естьли ты согласишься утвердить мое намѣреніе на письмѣ?„ По сему представленію судья, которой, можетъ быть, не хотѣлъ, или не умѣлъ проникнуть хитрости, отвѣчалъ ему, что не сдѣлаетъ въ томъ ни малѣйшаго затрудненія, и далъ ему требуемое писменное объявленіе. Онъ его показалъ дочери; и какъ ни отцовская власть, ни позволеніе судьи, не могли ее преодолѣть; онъ

насильственно съ нею поступилъ. Дочь пожаловалась матери, которая такой шумъ завела, что преступленіе мужа дошло до самаго Государя. Сей велѣлъ отрубить голову виновному отцу, и позволилъ изъ имѣнія его построить зданіе, предающее вѣчной памяти грѣхъ его и наказаніе. Называютъ сію гробницу: *открытой стыдъ дѣвицы.*

Есть великое множество садовъ въ окружностяхъ Амадабата, на осмотрѣніе которыхъ употребили мы нѣсколько дней. Наилучшій изъ оныхъ называется *Царской садъ.* Въ немъ стоитъ удивительное зданіе, котораго рвы полны воды, а покои чрезвычайно украшены. Другой, называемой *Бисеръ*, имѣетъ большое водохранилище. Рѣдко такъ удастся быть, чтобъ не застать купающихся молодыхъ женщинъ. Онѣ не терпятъ, чтобъ видѣли ихъ Индейцы, но съ Агличанами поступаютъ благосклоннѣе; ибо позволили Директору и мнѣ подойти къ себѣ, и разговаривать.

Сверьхъ сихъ садовъ, которые производятъ весьма пріятной видъ, большія дороги осажены двумя рядами Кокосовыхъ и другихъ деревьевъ, на которыхъ живетъ и питается множество обезьянъ, и укрываются всякаго рода птицы, а особливо попуги. Между *обезьянами* есть величиною съ борзую собаку, и такія сильныя, что нападаютъ на людей; хотя сіе рѣдко случается, и не инако, какъ когда ихъ раздразнишь. Цвѣтомъ онѣ сѣро-зеленыя, бороду и брови имѣютъ долгія и бѣлыя, и плодятся чрезвычайно, по тому что Баніаны, по вѣрѣ своей о преселеніи душъ, и будучи многочисленнѣе въ сей землѣ, не-

жели Магометане, не терпятъ, чтобъ ихъ убивали. Они говорятъ, что самыя лучшія и самыя веселыя души избираютъ сихъ животныхъ себѣ въ жилище: по чему городъ ими наполненъ, и онѣ такъ ручны, что входятъ въ домы, во всякое время, со всею вольностію, и такимъ великимъ числомъ, что купцы торгующіе плодами и конфектами, до которыхъ онѣ очень падки, не малой имѣютъ трудъ, ихъ выгонятъ. Я часто забавлялся тѣмъ, что собиралъ ихъ около себя, бросая имъ миндальные орѣхи. Онѣ брали у меня ихъ изъ рукъ, и такія кривляньи дѣлали, что, казалось, старались отплатить мое къ себѣ снисхожденіе, веселя меня такимъ образомъ.

Полугаевъ здѣсь такъ много, и они столь ручны, что дѣлаютъ гнѣзды въ городахъ, на кровляхъ домовъ, какъ у насъ ласточки. Здѣшніе суть большаго рода, и называются *Индейскія вороны.* Иныя изъ нихъ бѣлыя, иныя сѣрыя, и на головѣ имѣютъ красной хохолъ. Имя имъ *Какату*; слово, которое они произносятъ ясно въ своемъ крикѣ. Другія поменьше, и въ большемъ почтеніи, по причинѣ красоты перьевъ и различности цвѣта; вьютъ гнѣзда въ лѣсахъ. Они прицепляютъ ихъ къ концамъ вѣтвей, и симъ образомъ вѣшаютъ, чтобъ змѣи не поѣли дѣтей. Сіи птицы причиняютъ ужасное опустошеніе по полямъ, гдѣ онѣ ѣдятъ зерны и плоды, къ не малому раззоренію земледѣлателей, которые всѣ, слѣдуя заповѣди вѣры, не смѣютъ ни бить ихъ, ни отгонять. Они съ таковымъ же почтеніемъ поступаютъ и съ дикими ут-

ками, цаплями, рыболовами, коими рѣка покрыта. *Рыболовъ*, есть та птица, которую испытатели естества называютъ onocrotalus, по причинѣ шума причиняемаго имъ, когда опустя носъ въ воду, кричитъ онъ изо всей силы, и голосъ его походитъ на ослиной. Онъ удивительнымъ образомъ вынимаетъ изъ раковинъ мясо. Сперьва глотаетъ раковину, и до пѣхъ поръ держитъ ее въ желудкѣ, пока отъ внутренняго жару оная не раскроется: тогда выбрасываетъ вонъ раковину, и ѣстъ устрицу.

Козы, сарны, дикіе ослы, кабаны и зайцы, суть обыкновенная дичина въ Гузарашской провинціи; а буйволы, быки, коровы и овцы, домовая скотина. Лѣса наполнены львами, леопардами и слонами, какъ и въ другихъ областяхъ Индіи. Рѣки такъ изобильны рыбою, что нѣтъ на свѣтѣ мѣста, гдѣ бы пріятнѣе жить было можно. Правда, что нѣтъ здѣсь вина, но вмѣсто его пьютъ тари, которой очень хорошъ. Изъ пшена, изъ финиковъ, и изъ сахара гонятъ водку, которая и крѣпче и пріятнѣе нашей Европейской.

Здѣсь нѣтъ рѣки, въ которой бы не водилось *крокодиловъ*. Сіи животные причиняютъ ужасныя опустошенія людямъ и скоту. Они прячутся въ травѣ, или въ тростникѣ дабы схватить идущихъ по воду, купающихся, или прохожихъ, кои держутся береговъ. Человѣкъ съ прудомъ уйти отъ нихъ можетъ, хотя сворачивая съ прямой дороги, и дѣлая излучины можно иногда избавиться: ибо крокодилъ, не имѣя позвонковъ ни въ шеѣ, ни въ спинѣ, не имѣетъ проворства ни способно-

сти оборачиваться: по чему чаще хватаетъ онъ людей незапно и невзначай, нежели ихъ догоняетъ. Онъ водѣ даетъ себя нести, какъ чурбанъ, и ищетъ глазами, не попадется ли ему на встрѣчу человѣкъ, или какой звѣрь. Часто самая жадность его погубляетъ: ибо хватается за уду, и чинится добычею тѣхъ, кого хотѣлъ поглотить. Баніане вѣрующіе, что души преселившіяся въ крокодила, идутъ прямо въ небо, никогда ихъ не умерщвляютъ. Меня увѣряли, что виданы такіе крокодилы, которые имѣютъ сто футовъ въ длину: но здѣшніе не больше десяти и двенадцати. Они очень падки на человѣческое тѣло. Одинъ, сказываютъ, такой нашелся, что проглотилъ женщину и съ платьемъ. Кожа у нихъ на спинѣ столь крѣпка, что пулею изъ ружья не прострѣлишь, и дабы его убить, надобно цѣлить въ бокъ и въ брюхо: но они почти никогда не выставливаютъ сихъ слабыхъ мѣстъ. Вообще, они суть очень робки, а особливо на сухомъ пути, убѣгаютъ отъ тѣхъ, кто на нихъ нападаетъ, и отважны только съ тѣми, кто отъ нихъ убѣгаетъ. Когда снесутъ всѣ свои яйцы, то есть, отъ двадцати осьми до тридцати, то покрываютъ ихъ пескомъ, въ первой четверти мѣсяца и оставляютъ до послѣдней четверти слѣдующаго. Разгребая, убиваютъ многихъ дѣтей, что и препятствуетъ сильному ихъ размноженію. Цвѣтъ крокодила темносѣрой, голова у него плоска и остроконечна, глаза небольшіе и тусклые, пасть широкая, и продолжается отъ одного уха до другаго, со многими рядами зубовъ, разнаго вида и вели-

чины, но всѣ они острые. Ноги короткія и вооруженныя загнувшимися кохтями. Ими онъ хватаетъ и раздираетъ свою добычу. Главная его сила состоитъ въ хвостѣ, которой столь же дологъ, какъ и все туловище. Кожа покрыта чешуею, и со всѣхъ сторонъ множество иголъ. Изъ оной дѣлаютъ шапки столь крѣпкія, что топоромъ не можно разрубить. Обыкновенная пища крокодилова есть, рыба, которой онъ безпрестанно ищетъ на днѣ рѣки. Сіе животное выпускаетъ запахъ мусковой, и заражаетъ имъ воду, гдѣ живетъ. Есть люди, кои ѣдятъ его мясо.

Я видѣлъ крокодиловъ въ рѣкѣ *Мансѣ*, текущей подъ стѣнами *Камбая*. Сей городъ, въ которой я ѣздилъ изъ Амадабата, отстоитъ отъ онаго, верстъ на семьдесятъ, и есть наилучшій и наивеличайшій въ Индостанѣ. По его имени прежде называлась вся провинція Гузаратская, и заливъ, надъ которымъ оная лежитъ. Въ немъ отправляется знатной торгъ пряными кореньми, слоновыми зубами, шелковыми и бумажными тканьями и другими, со всѣхъ сторонъ привозимыми товарами. Обнесенъ онъ хорошею стѣною изъ тесанаго камня, въ которой двенадцать воротъ; домы имѣетъ большіе, улицы прямыя и широкія, кои на ночь запираютъ. Камбай мнѣ показался больше, нежели Сурать, столь же купечествомъ цвѣтущъ, какъ Амадабатъ, а въ окружности своей имѣющій около десяти верстъ. Въ немъ три пространные рынка, четыре народные водохранилища, могущіе удовольствовать всѣхъ жителей водою. Обширные сады и великолѣпныя гробницы укра-

шаютъ его наружности. Я не учиню онымъ особаго описанія; ибо вы уже имѣете объ нихъ понятіе, судя по Амадабатскимъ. Я ходилъ къ Камбайскому Губернатору, которой оставилъ меня у себя обѣдать. Послѣ стола, вошли *танцовщицы*, и начали пѣть и плясать нагія, съ большимъ искуствомъ, и проворствомъ, нежели наши ходуны по веревкамъ. Онѣ имѣли при себѣ небольшіе обручи, сквозь кои лазили съ удивительнымъ умѣніемъ, и перемѣняли положеніе тѣла разными образами въ тактъ, при звукѣ музыки, составленной изъ гобоевъ и небольшихъ барабановъ.

Политическое, гражданское и полицейское правленіе въ Камбаи почти то же, что въ Амадабатѣ; слѣдовательно и объ ономъ излишно говорить. Возвращаясь назадъ въ сей послѣдній городъ, другою дорогою, нежели я ѣхалъ въ Камбай, видѣлъ я садъ, почитаемой наилучшимъ во всей Индіи. Оной началомъ своимъ долженъ побѣдѣ, одержанной Великимъ Моголомъ надъ послѣднимъ Королемъ Гузаратскимъ, и по тому называется *садъ завоеванія*. При немъ построены огромные зданіи, а въ саду растутъ въ великомъ изобиліи всѣ плоды родящіеся въ здѣшнихъ странахъ.

Оставалось мнѣ осмотрѣть нѣкоторые другіе города, которые и имѣлъ я случай видѣть, во время нашего здѣсь пребыванія. *Бизангатанъ*, лежащій въ срединѣ провинціи, есть наивеличайшій въ Индостанѣ. Прежде была тутъ только деревня; но доброта земли привлекла столько жителей, что теперь находится въ немъ больше пятнадцати тысячь домовъ; скопа чрезвычайное множество; а

поля приносятъ пшено, рожь и хлопчатую бумагу.

Петень имѣлъ въ старину около тридцати верстъ въ окружности; но теперь состоитъ въ развалинахъ нѣкоторыхъ зданій, кои служили, сказываютъ, капищами язычникамъ и жилищемъ Губернаторамъ.

По окончаніи всѣхъ сихъ путешествій, нашелъ я караванъ, состоящій изо ста купцовъ Аглинскихъ и Баніанскихъ, вскорѣ отправляющійся въ Агру, которая чрезъ долгое время была столицею всѣхъ Могольскихъ владѣній. Я отдохнулъ нѣсколько дней, и употребилъ сіе время на приобрѣтеніе точнѣйшихъ свѣденій о нравахъ и обыкновеніяхъ въ провинціи Гузаратской, которая имѣетъ въ длину около четырехъ сотъ верстъ, и почти то же въ ширину. Въ ней находится всякаго рода лѣсъ годной къ строенію домовъ и кораблей, а полотняныя ея фабрики и весьма уважаются.

Я вамъ доносилъ, Государыня моя! о чрезмѣрной власти Губернатора Амадабатскаго, о его богатствѣ и о чиновникахъ, коихъ онъ имѣетъ въ своихъ повелѣніяхъ. Чрезъ нихъ судятся главные преступленіи, и почти нѣтъ такого, въ которомъ бы не можно было откупиться отъ казни деньгами. Наистрожае наказывается смертоубивство и прелюбодѣяніе. Вольные, или по просту сказать, блудничьи домы, не только позволены, но и присвояется нѣкоторая честь, въ нихъ ходить.

Большая часть жителей Гузаратскихъ есть Индейскаго произхожденія. Вѣра ихъ

идолопоклонство; ибо Магометовъ законъ вошелъ къ нимъ, съ оружіемъ *Тамерлана* и другихъ чужестранцовъ, поселившихся чрезъ завоеваніе у нихъ областей. Земля населена такъ же Моголцами, Персіанами, Аравлянами, Армянами и Европейцами. Вообще, Индейцы сего округа смуглы, мужчины сильны и стройны, лице у нихъ широкое, глаза черные, брѣютъ голову и бороду, но оставляютъ усы, подобно какъ Персіяне, и одѣваются такъ же какъ исповѣдующіе Магометову вѣру; но инако обвиваютъ чалму, и оставляютъ концы кушака висячіе, а Персіяне оные запыкаютъ. Жители Гузаратскіе продѣваютъ въ кушакъ кинжалъ, длиною въ одинъ футъ, и шире къ ручкѣ, нежели къ концу. Иные носятъ сабли, а солдаты всѣ вооружены копьями и саблями.

Женщины, ростомъ малы, но стройны, чисты, щеголихи и великолѣпно одѣваются. Волосы распущаютъ по плечамъ, а голову повязываютъ небольшею шапочкою, или крепомъ отороченнымъ золотомъ, коего концы висятъ до самыхъ колѣнъ. Знатные носятъ драгоцѣнные каменья или жемчугъ на шеѣ, въ ушахъ и въ ноздряхъ. Подъ платьемъ, которое идетъ немного пониже икры, надѣваютъ онѣ рубашку только до бедры, легкую юпочку и преширокіе штаны, завязанные на брюхѣ золотымъ или шелковымъ снуркомъ, коего концы такъ же висятъ до самыхъ ногъ. Грудь почти наружѣ, а руки до локтей, но унизаны поручнями. Башмаки у нихъ дѣлаются обыкновенно изъ краснаго сафьяна, съ остроконечными носками и съ зади плоски.

Баніанскія женщины инаково одѣваются. Онѣ не покрываютъ лица, какъ Магометанки; но убираютъ голову, руки, голени, ноги каменьемъ и жемчугомъ. Одежда ихъ изъ тонкаго бумажнаго полотна идетъ до половины икры. Сверьхъ оной надѣваютъ коротькой кафтанъ, и подпоясываются на брюхѣ. Какъ въ верьху онъ ни мало не стянутъ, то женщины кажутся почти нагія съ самой груди до пояса. Кусокъ рѣдкой шелковой ткани, которой идетъ ниже колѣна, служитъ у нихъ вмѣсто штановъ. Лѣтомъ носятъ деревянные башмаки вылакированные, и привязываютъ ихъ ремнями, а зимою туфли бархатные или парчевые, обшитые позолоченою кожею, съ весьма низкимъ каблукомъ. Мужчины имѣютъ долгія платья, подобныя Моголскимъ, цвѣтомъ бѣлыя, и сшитыя изъ тонкаго бумажнаго полотна, изъ котораго дѣлаютъ они такъ же и чалмы свои, немного поменьше Магометанскихъ. Головъ не брѣютъ, но волосы стригутъ коротко.

Какъ я часто буду имѣть случай говорить о *Баніанахъ*, то почитаю за нужно сдѣлать объ нихъ объясненіе. Они составляютъ не только главнѣйшую часть идолопоклонниковъ Гузарапской провинціи; но и первыя мѣста послѣ Моголцовъ занимаютъ въ Имперіи. Начало ихъ чрезвычайно древнее, и чрезъ цѣлыя четыре тысячи лѣтъ, сей народъ предъохранялъ себя отъ всякаго съ другими смѣшенія. Онъ такъ привязанъ къ своей вѣрѣ, что никогда ни Магометане, ни Христіяне не смѣли ихъ приняпіемъ оной без-

покоить; и по сю пору со тщаніемъ, сохраняетъ свой обычай, законы и нравы.

Сей народъ думаетъ, что есть Богъ; но почитаетъ такъ же демона, которому, по ихъ словамъ, ввѣрено правленіе свѣта, и власть дѣлать зло людямъ. По сей причинѣ, капища ихъ наполнены истуканами и изображеніями сего злотворительнаго существа: и образъ, подъ которымъ ого представляютъ, ужасенъ. На головѣ у него четыре рога, и тройная корона, на подобіе Папской; лице страшнымъ образомъ безобразно; два зуба, какъ клыки у кабана, торчатъ изо рта; превеликая борода; двѣ титьки висятъ до пояса: а другая голова, страшнѣе первой, занимаетъ мѣсто дѣторородныхъ частей. Вмѣсто ногъ, имѣетъ онъ лапы, назади коровій хвостъ. Наконецъ, образъ обожаемаго ими діявола не уступаетъ гнусностію тому, подъ которымъ представляютъ его и въ тѣхъ вѣрахъ, въ коихъ наибольше діявола имѣютъ въ отвращеніи. Они ставятъ сего урода на каменной столъ, служащій вмѣсто жертвенника. Съ одной стороны находится вода, для очищенія почитателей, а съ другой, кружка для вмѣщенія приношеній. Жрецъ, сидящій у ногъ Кумира, читаетъ молитвы, и потомъ береть изъ одного сосуда воды, цвѣтомъ желтой, въ которой намочено сандальное дерево, и въ оной раздавляетъ нѣсколько крупинокъ пшена, для мазанія лбовъ молельщикамъ.

Баніаны имѣютъ капища въ городахъ, въ деревняхъ, по большимъ дорогамъ, въ лѣсахъ, на горахъ. Въ оныхъ нѣтъ инаго украшенія, кромѣ діявольскихъ изображеній, намазанныхъ

неискусными живописцами по стѣнамъ, ни инаго свѣта, кромѣ лампадъ, безпрестанно горящихъ.

Сей народъ чрезвычайно чистоплотенъ. Многіе изъ нихъ почитаютъ за долгъ вѣры омовеніе тѣла, и не пропускаютъ безъ того ни одного дня. Живущіе на берегахъ какой рѣки, всякой день по утру въ ней купаются, входя по поясъ въ воду, и держа въ рукѣ соломенку, которую получаютъ отъ своихъ жрецовъ, и которой приписываютъ даръ прогонять діяволовъ. Покамѣстъ они моются, одинъ Браминъ даетъ имъ благословеніе, и проповѣдуетъ свое ученіе.

Помянутые *Брамины*, такъ названные отъ имени *Брамы*, коего признаютъ Божіимъ намѣстникомъ, пользуются великимъ почтеніемъ, не только по причинѣ строгой жизни и безпрестанныхъ постовъ, но и по тому, что имѣютъ въ рукахъ правленіе всѣхъ до вѣры касающихся дѣлъ, и попеченіе о школахъ. Они толкуютъ предсказанія, о которыхъ всегда ихъ спрашиваютъ; ибо Баніане не начинаютъ никакого дѣла, не потребуя напередъ совѣта у своихъ жрецовъ. Сіи же питаютъ суевѣріе народа, разсказывая имъ тысячи ложныхъ оракуловъ. Они въ нѣкоторыхъ сектахъ въ такомъ почтеніи, что не совершается безъ того свадьба, чтобъ не посвятишь первоначатковъ молодой Брамину, и чтобъ не привести ее къ нему, для сего дѣйствія. Думаютъ, что безъ сего обряда и супружество ничто. По такой причинѣ, сіи жрецы заставляютъ себя часто просить; и ежели сродники богаты, то платятъ имъ,

какъ бы дань какую. Когда мужу надобно ѣхать въ дорогу, онъ проситъ Брамина, принятъ жену въ свое попеченіе, и отправлятъ съ нею долгъ супружества.

Баніаны вѣряпъ безсмертію души, но вѣрятъ и тому, что преходитъ она чрезъ тѣла разныхъ животныхъ прежде, нежели станетъ наслаждаться блаженствомъ, единственно душевнымъ. Отсюда и происходитъ въ нихъ то попеченіе о сохраненіи скотовъ, о построеніи для нихъ больницъ, о которомъ я упомянулъ уже выше. Отсюда происходитъ тотъ страхъ, зажечь ночью свѣчу, дабы мухи и бабочки не ожгли себѣ крыльевъ. Они не смѣютъ и урины изпустить на землю, опасаясь, чтобъ не потопить блохи или другаго насѣкомаго, могущаго тутъ случиться. Иные покрываютъ себѣ ротъ полотномъ, чтобъ не влетѣла какъ въ него муха. Другіе носятъ всегда въ рукѣ вѣничекъ, для обмахиванія стульевъ, или подметанія половъ, чтобъ, ходя или садясь, не раздавить какого насѣкомаго. Есть и такіе между ими, кои совсемъ дровъ не жгутъ, чтобъ не сожечь червей, могущихъ случиться въ деревѣ. На каминахъ употребляютъ коровій калъ, смѣшанной съ соломою и высушенной на солнцѣ, которой рѣжутъ они пластинками, какъ турфъ. Сіе чрезвычайное суевѣріе производитъ въ нихъ отвращеніе къ войнѣ. и ко всему тому, что довести можетъ до пролитія крови. По чему Моголской Императоръ не взыскиваетъ на нихъ никакой военной службы: а сіе изключеніе дѣлаетъ ихъ столь же презрительными въ глазахъ Магомепанъ, какъ и ихъ

идолопоклонство. Поступаютъ съ ними какъ съ невольниками. Имѣютъ они однакожъ право отказывать имѣніе свое наслѣдникамъ мужескаго пола, съ тѣмъ договоромъ, чтобъ они матерей своихъ содержали до смерти, а сестеръ, пока не выйдутъ замужъ.

Другое общее суевѣріе у Баніанъ есть нырять въ воду, во время затмѣній. Они поднимаютъ глаза и руки къ небу, киваютъ головою, машутъ руками, изъ рѣдка бросаютъ воду противъ солнца, и дѣлаютъ тысячу кривляній, для отвращенія несчастій, коими, по мнѣнію ихъ, угрожаются. Малолѣтные ребята, мальчики и дѣвочки наги; а возмужалые имѣютъ только кушакъ около поясницы. Замужнія женщины и дѣвки покрыты однимъ полотномъ. Онѣ не выходятъ изъ воды, пока затмѣніе не кончится, произнося между тѣмъ молитвы съ великимъ благоговѣніемъ. Послѣ чего бросаютъ серебреныя деньги въ рѣку и раздаютъ милостыню Браминамъ. На берегу дожидаетъ ихъ совсемъ новое платье, и набожныя отдаютъ старое жрецамъ. Сіи жрецы отличаются отъ прочихъ Баніановъ головнымъ уборомъ, состоящимъ въ кускѣ простаго бѣлаго полотна, которымъ обвертываютъ они нѣсколько разъ голову, для завязанія волосовъ, коихъ никогда не стригутъ. На тѣлѣ носятъ три сѣтки, которыя идутъ, на подобіе перевязей, двѣ съ плечь до лядвей, а третья прямо на брюхо, и служатъ знакомъ ихъ ремесла, котораго не снимаютъ они, хотя бы то стоило жизни.

Вѣра Баніанская заключаетъ въ себѣ столь много сектъ, что не возможно обстоятельно

описать всѣхъ ея обрядовъ и ученія. Считается оныхъ до восьмидесяти, и каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ особыхъ боговъ: но согласуютъ они между собою въ нѣкоторыхъ вещахъ, какъ на примѣръ: въ безсмертіи, и преселеніи душъ, въ тѣлесныхъ очищеніяхъ, и въ воздержаніи отъ мяса всякихъ животныхъ. Сіи секты можно сократить въ четыре главнѣйшія, то есть: *Еуроватовъ*, *Самаратовъ*, *Бизнауксовъ* и *Гонгизовъ*. Первые имѣютъ непокровенную голову и босыя ноги, и носятъ въ рукѣ бѣлой посохъ отличающій ихъ отъ другихъ сектъ. Одѣяніе ихъ, есть кусокъ полотна, висящій съ брюха до колѣнъ; остатокъ тѣла покрытъ суконнымъ лоскутомъ. Они не вѣряпъ ни провидѣнію, ни раю, ни аду; но вѣряпъ однако, что душа безсмертна, и что переходитъ въ разныя тѣла людей и скотовъ, по мѣрѣ зла, или добра, ею учиненнаго. Въ капищахъ своихъ, между прочими идолами, имѣютъ особые каменные, деревянные и изъ картузной бумаги сдѣланные изображенія, представляющіе славныхъ мужей ихъ секты. Главнѣйшіе моленія бываютъ у нихъ въ мѣсяцѣ Августѣ; при чемъ наблюдается строгое умерщвленіе плоти. Есть такіе между идолопоклонниками, кои весь мѣсяцъ, а иногда и долѣе, провождаютъ, не принимая иной пищи, кромѣ воды, въ которой наскребено нѣкоторое горькое дерево. Вдовы не сожигаютъ себя, по смерти мужей, какъ въ другихъ сектахъ; но отрицаются только идти опять замужъ. Еуроваты всѣ могутъ быть допущены въ жрецы, даже и самыя женщины и дѣти не выключаются.

Будучи же того удостоены, дѣлаютъ обѣтъ непорочной и холостой жизни; да и въ самыхъ супружествахъ, мужъ имѣетъ власть войти въ число жрецовъ, и принудить жену наблюдать воздержаніе во всю свою жизнь; что разумѣется равнымъ образомъ и о женѣ. Всѣ прочіе Баніаны презираютъ сію секту, и не хотятъ съ ними ни ѣсть ни пить; не входятъ въ ихъ домы; и естьли случится до нихъ дотронуться, хотя бы ненарокомъ, то почитаютъ себя обязанными очиститься какимъ всенароднымъ покаяніемъ.

Вторая Секта, то есть, *Самараты*, состоящая изъ солдатъ, купцовъ, писарей и мастеровыхъ, составляетъ класъ людей, гораздо многочисленнѣйшій. Они вѣрятъ, что міръ сотворенъ Вышнимъ Существомъ, управляющимъ и сохраняющимъ все чрезъ непремѣняющуюся и неограниченную власть. Называютъ его *Висну*, и даютъ ему трехъ намѣстниковъ *Браму*, *Буффину* и *Маиса*. Первой распоряжаетъ преселеніемъ душъ. Второй учитъ людей жить по законамъ, предписаннымъ отъ божества. Третій разсматриваетъ добрые и злые ихъ дѣла по смерти, и доноситъ о томъ Висну; а сей опредѣляетъ казни, или награжденіи, по мѣрѣ ихъ заслугъ. Души, вселяющіяся въ корову, вскорѣ очищаются, по тому, что они сему животному приписываютъ нѣчто божественнаго. Тѣже напротивъ, кои входятъ въ слона, верблюда, буйвола, козла, осла, леопарда, свинью, змѣю, или какое нечистое животное, почитаются за несчастливыхъ, по тому, что надлежитъ имъ проходить чрезъ многихъ другихъ жи-

воинныхъ, дабы совсемъ очиститься. Маисъ послѣ того ихъ представляетъ Висну, которой наконецъ и принимаетъ въ свой рай.

Наибольше Самараны отличаются тѣмъ, что жены сожигаютъ себя на кострѣ своихъ мужей, дабы почтить ихъ память, будучи увѣрены, что жизнь сія есть только дорога къ счастію, въ семь разъ большему, нежели то, коимъ могли онѣ наслаждаться на землѣ. Естъ такъ же обычай въ сей сектѣ, класть передъ ребенка, сколь скоро онъ родится, чернильницу, бумагу и перья, въ томъ видѣ, чтобы обязать Буффину начертать въ сердцѣ его законъ Виснуевъ. Предъ мальчикомъ кладутъ сверьхъ того, лукъ и стрѣлы, чтобъ онъ счастливъ былъ на войнѣ, естьли примется за сіе ремесло.

Главное набожество *Виснауксовъ*, третьей Баніанской секты, состоитъ въ пѣніи гимновъ, въ честь ихъ Бога, котораго называютъ они *Рамрамъ*, и которому даютъ подругу. Представляютъ ихъ обѣихъ подъ разными образами, и убираютъ истуканы ихъ богатыми и драгоцѣнными украшеніями. Сей Богъ, не имѣя подчиненныхъ, дѣйствуетъ самъ собою. Обычай имѣютъ Виснауксы при омовеніяхъ, совсемъ погружаться въ воду; потомъ Браминъ натираетъ имъ носъ, лобъ и уши нѣкоторою благовонною мазью, и за труды получаетъ отъ нихъ нѣсколько хлѣба, пшена и овощей. Виснауксы не позволяютъ женамъ сожигаться съ мужьями, но оныя обязаны быть вѣчно вдовами; хотя бы мужъ умеръ, и прежде совершенія супружескаго долга. Баніаны сей секты упражняются въ торговлѣ;

и какъ они въ купечествѣ искусны, то обыкновенно Европейцы и Моголцы берутъ ихъ въ свои маклеры и переводчики.

Четвертая секта, то есть, *Гонгисовъ* и *Факировъ*, есть смѣсь монаховъ, пустынниковъ, Миссіонеровъ, или людей особливо посвящающихся Богу и презирающихъ имѣніе и утѣхи сей жизни. Одни живутъ въ монастыряхъ подъ смотрѣніемъ начальника, которому въ повиновеніи чинятъ клятву. Другіе ведутъ жизнь уединенную въ поляхъ и въ деревняхъ; скрываются въ хижинахъ, вертепахъ, и питаются кореньями и дикими плодами. Они почитаютъ себя счастливыми, когда могутъ сію пищу мѣшать съ коровьимъ каломъ, принимая оной за вещь священную. Отрицаются отъ сообщества съ женщинами, и за грѣхъ ставятъ до нихъ прикоснуться. Не упражняются ни въ торговлѣ, ни въ другомъ какомъ ремеслѣ, а препровождаютъ жизнь въ молитвѣ, въ размышленіи и въ умерщвленіи плоти. Ничего не просятъ, но принимаютъ, что имъ дадутъ, и народъ охотно снабжаетъ ихъ всемъ нужнымъ. Не имѣютъ ни мечетей, ни другихъ особыхъ мѣстъ, гдѣ бы могли собираться. Не входятъ въ капища другихъ Баніановъ, развѣ только для того, чтобъ тамъ ночь препроводить; ибо не имѣютъ своихъ домовъ, и не могутъ ни чѣмъ владѣть. Ходятъ почти нагіе, закрывъ только кускомъ полотна нижнюю часть брюха до колѣнъ. Тѣло натираютъ золою, и гдѣ бы ни были, всегда оную съ собою носятъ, и кладутъ ее въ волосы, намочивъ ихъ прежде, что весьма ихъ безобразитъ. Не стыдятся показываться

въ семъ образѣ предъ народомъ. Я видѣлъ ихъ ходящихъ по деревнямъ, и принимающихъ милостыню приносимую къ нимъ набожными женщинами. Волосы у нихъ бьются по пятамъ, а у иныхъ закручены и привязаны около головы. Иные носятъ дубины въ рукахъ; другіе сухія тигровыя кожи на плечахъ. Иные держатъ безпрестанно руки надъ головою и отращиваютъ ногти длиною съ мизинецъ. Руки у нихъ сухи и тонки, по тому, что въ семъ положеніи не доходятъ до нихъ питательные соки. Столь принужденное вытяженіе отнимаетъ въ нервахъ силу движенія, а у рукъ способность опускаться, и что либо брать. Находящіеся въ искусѣ молодые люди, принуждены прислуживать симъ немощнымъ Факирамъ, и исполняютъ сію должность съ ревностію и почтеніемъ. Многіе изъ нихъ ходятъ, изъ набожества, очень далеко нагіе и обремененные цѣпями; другіе, такъ же по обѣщанію, которое покажется вамъ странно, стоятъ неподвижно по цѣлымъ недѣлямъ, и присланиваются только ночью, на короткое время къ натянутой веревкѣ. Иные чрезъ довольно долгое время, стоятъ на рукахъ головою въ низъ, а ногами въ верьхъ, и во многихъ положеніяхъ столь трудныхъ, что наши прыгуны на ярманкахъ не въ состояніи того сдѣлать. Есть такъ же и женщины, ведущія таковую жизнь. Бѣдные отдаютъ Факирамъ на руки своихъ дѣтей, дабы приучась къ терпѣнію, могли они слѣдовать ихъ ремеслу, естьли не найдутъ другимъ способомъ пропитанія.

Гонгисы никогда не говорятъ съ прохожими, не кланяются, не отвѣчаютъ тѣмъ, кто начнетъ съ ними говорить, боясь чрезъ то прогнѣвить Бога своего *Брунна*, и себя симъ сообщеніемъ осквернить. Когда приходятъ въ городъ, не останавливаются въ немъ, и идутъ вонъ прямо по улицѣ, ни мало не сворачиваясь. Не вѣрятъ преселенію душъ, выходя изъ тѣла, идетъ прямо въ нѣдро божества наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.

Не смотря на сіи разные мнѣніи, составляющіе между Баніанами толикое число различныхъ сектъ, имѣютъ они общія книги, кои суть основаніемъ ихъ вѣры, и у нихъ въ великомъ почтеніи. Такъ же всѣ они почти чрезмѣрно суевѣрны. Ежели выходя изъ дома, встрѣтятъ что либо значущее худо, тотчасъ возвращаются, и въ тотъ день ничего не дѣлаютъ. За худой знакъ почитаютъ, естьли встрѣтится пустая телега, оселъ, собака, коза, олень, золотарь, плотникъ, слѣсарь, цирюльникъ, портной, вдова, похороны, или кто идетъ съ похоромъ, мужикъ или баба съ молокомъ, масломъ, лимонами, яблоками какимъ оружіемъ и пр. Напротивъ почитаютъ за хорошій знакъ, слона, верблюда, лошадь, быка, корову, буйвола, пѣтуха, зайца и пр.

Когда Магометанинъ принимаетъ ихъ вѣру, вотъ какъ принуждаютъ они его жить: Для возобновленія тѣла, которое почитаютъ оскверненнымъ, по тому, что онъ ѣлъ мясо, мѣшаютъ, чрезъ цѣлые шесть мѣсяцовъ, въ пищу его фунтъ коровьяго кала; ибо сія скотина, по ихъ мнѣнію, имѣетъ нѣчто бо-

жественнаго, и слѣдовательно ни что такъ очистить не можетъ тѣло, какъ такова пища. По прошествіи трехъ мѣсяцовъ, начинаютъ мало по малу уменьшать количество. Они приневоливаютъ такъ же къ сему свою братью, естьли которой былъ плѣннымъ у Христіанъ и покусился ѣсть мясо, или пить вино, безъ чего и сообщенія съ ними имѣть не будутъ.

Баніаны имѣютъ такъ же, какъ и мы, своихъ учителей и мудрецовъ. Городъ *Бенарецъ*, есть ихъ общее училище. Въ него собираются всѣ, кто хочетъ дойти до славы въ наукахъ. Нѣтъ у нихъ раздѣленія въ класахъ, какъ въ Европѣ; и симъ больше насъ подобны они Грекамъ въ способѣ ученія. Учители разсѣяны по городу, и ученики проводятъ лѣтъ по двенадцати, слушая ихъ науки. Первая самая касается до *Ганскрита*, (или *Санскрита*, какъ иные называютъ) языка разнящагося съ простонароднымъ Индейскимъ, и знаемаго только учеными, какъ у насъ Латинской, Греческой и Еврейской. Они думаютъ, что на семъ языкѣ Брама предалъ имъ четыре книги, почитаемыя отъ нихъ за божественныя. Хранятъ ихъ, съ великою тайностію, боясь, чтобъ Магометане не выкрали и не сожгли. Выуча языкъ, на которомъ оныя писаны, учатъ самыя книги. Потомъ принимаются за философію; и какъ сія наука раздѣляется на разныя мнѣнія, то производитъ споры и зависть, отъ которыхъ раждаются злоба, распри, ненависть, какъ и между нашими Европейскими Философами. Сіи споры предметовъ имѣютъ начало и причины всего,

что существуетъ; но все оное замыкается въ темныхъ понятіяхъ, о коихъ отъ меня не ожидайте, Государыня моя! никакихъ объясненій.

Врачебныя книги заключаютъ только разные способы лѣченія и рецепты. Самая древняя писана стихами. Что касается до практики, она весьма разнствуетъ съ нашею, а особливо касательно до пусканія крови, котораго, сколь возможно, убѣгаютъ. Когда оное необходимо нужно, доктора такъ много выпускаютъ крови, что вылѣчиваютъ, или моряютъ больнаго: умѣренность въ пищѣ есть у нихъ наибольшее лѣкарство.

Трусость Баніановъ, при запмѣніяхъ, не доказываетъ, чтобъ были они великіе астрономы. Заблужденіе ихъ въ сей наукѣ неограниченное. То же можно сказать и о знаніи въ Географіи, о которой не имѣютъ они ни малѣйшаго понятія.

Воспитаніе дѣтей у нихъ разнствуетъ съ Моголскимъ. Мальчики съ малолѣтства учатся писать и ариѳметикѣ, а потомъ ремеслу своихъ отцовъ; ибо рѣдко случается, чтобъ сынъ оставилъ состояніе, въ которомъ родился. Обыкновеніе есть сговаривать ихъ на четвертомъ и пятомъ году, и женить на десятомъ и двенадцатомъ. Обряды при свадьбѣ различны по разнымъ округамъ; но то всегда въ обычаѣ, чтобъ инако не отдавать невѣсты, какъ за нѣкоторое число денегъ, или за подарокъ. Между самыми богатыми рѣдко случается, чтобъ молодая приносила другое приданое, кромѣ своего платья и домовыхъ уборовъ. Ежели не будетъ у нее дѣтей, мужъ

можетъ взять другую и третью жену. Вдова напрошивъ не можетъ выдти замужъ, и принуждена терпѣть, когда снимутъ съ нее уборы, и обрѣжутъ ей волосы. Не принуждаютъ ее сожечься съ мужемъ: но не препятствуютъ, естьли сама того похочетъ. Ежели не можетъ пробыть во вдовахъ, дѣлается народною танцовщицею, что и обыкновенно случается. Въ день свадьбы, обѣ семьи, пройдя по главнымъ улицамъ города, садятся на рогожкахъ близъ огня, около котораго молодыхъ водятъ два или три раза. Браминъ бормочетъ надъ ними нѣсколько словъ, а во многихъ мѣстахъ мужъ и жена въ залогъ союза, даютъ другъ другу взаимно кокосовой орѣхъ, между тѣмъ, какъ Браминъ читаетъ свои молитвы. Свадебной пиръ бываетъ, смотря по богатству родственниковъ.

Женщины Баніанскія лицемъ не дурны: долгіе, черные и кудреватые волосы связываютъ онѣ на затылкѣ лентою. Жаль, что отъ бетеля, которой безпрестанно жуютъ, десны и зубы у нихъ чернѣютъ; но онѣ до того дошли, что и мужчинъ увѣрили, и сами увѣрились, что черные зубы красивѣе бѣлыхъ, и смѣются надъ Европейцами, что *у нихъ зубы бѣлы, какъ у собакъ и обезьянъ.*

Баніаны въ домахъ своихъ очень опрятны. Полъ покрытъ рогожками, хорошо выработанными, на коихъ садятся, поджавъ ноги. Они тихи, скромны, учтивы, нѣжны, остроумны и не обманываютъ чужеспранныхъ. Находятся между ими люди ученые, и просвѣщенные въ разныхъ знаніяхъ; банкиры, золотари, писари, маклеры, купцы торгующіе хлѣбомъ,

бумажнымъ полотномъ, шелковыми тканьями и всякими Индейскими товарами. Лавки у нихъ прекрасныя, и магазеины всемъ снабжены; но непродаютъ они ни мяса, ни рыбы и никакой живности, слѣдуя въ томъ заповѣди своей вѣры. Иные отправляютъ купечество на морѣ, и я зналъ въ Суратѣ такихъ, кои имѣютъ несчетные богатства; живутъ великолѣпно. Домы у нихъ велики, выгодны и убраны богато. Они подсудны Моголцамъ, что касается до гражданскихъ порядковъ. Для сохраненія свободы въ отправленіи вѣры, платятъ не малыя подати Императору, и суммы денегъ Губернаторамъ. Симъ способомъ избѣгаютъ ложныхъ на себя доносовъ, и лишенія имѣній, подъ какою либо придиркою. Чернь составлена изъ мастеровыхъ, питающихся трудами рукъ своихъ; особливо есть между ими много ткачей, и отъ нихъ то выходятъ тѣ тонкія полотна, тѣ Индейскія ткани, коимъ удивляемся мы въ Европѣ. Они дѣлаютъ ковры и всякія бумажныя и шелковыя ткани совершенной красоты. Сія прилѣжность къ труду, сіе тщаніе равно въ обоихъ полахъ.

Нужно было, Государыня моя! описать вамъ сей народъ, которой составляетъ столь великую честь провинціи Гузаратской; теперь осталось мнѣ досказать еще нѣкоторыя подробности о семъ краѣ. Зима здѣсь начинается въ концѣ Іюня, и продолжается до Сентября. Дождь идетъ по перерывкамъ, и особливо при новомъ и полномъ мѣсяцѣ. Полуночной вѣтръ дуетъ цѣлые шесть мѣсяцовъ, а полуденной другіе шесть. Большіе

жары бываютъ въ Апрѣлѣ, въ Маіѣ, и Іюнѣ. Ихъ выпарѣть не льзя бы было, естьлибъ не поднимались изъ рѣдка вѣтры, охлаждающіе то безпокойство, что отъ пыли солнца невидать.

Лучшій *Индиго* въ свѣтѣ родится близъ Амадабата. Трава, изъ которой его дѣлаютъ, походитъ на морковныя листья, но горька и короче. Въ доброй годъ поднимается она до семи футовъ; цвѣтъ на ней, какъ на репейникѣ; сѣютъ ее въ Іюнѣ, а трава сбирается въ Ноябрѣ и Декабрѣ. Въ первой годъ рѣжутъ ее въ полъаршина отъ земли; листья сушатъ на солнцѣ, и мочатъ нѣсколько дней въ каменномъ корытѣ, наполненномъ водою. Отъ времени до времени мѣшаютъ воду до того, пока вберетъ она въ себя цвѣтъ и силу травы, и переливаютъ въ другое корыто, гдѣ она устаивается одну ночь. На другой день выливаютъ ее вонъ, а что на днѣ осталось, цѣдятъ чрезъ толстое полотно. Сіи дрожжи, или гуща сушится на солнцѣ, и дѣлается превосходнымъ Индигомъ. Мужики его поддѣлываютъ, прибавляя земли того же цвѣта. А какъ о добротѣ Индиго судится по его легкости, то мѣшаютъ въ него деревянное масло, чтобъ онъ плавалъ поверьхъ воды. Во второй годъ стебель выпускаетъ новые листья, кои хуже первыхъ; но однако предпочитается *Гингею*, или дикому Индиго. Наичаще пускаютъ ихъ расти, чтобъ собрать сѣмя. Въ третій годъ листья, будучи совсемъ негодны, чужестранные купцы ихъ не покупаютъ, а тамошніе жители употребляютъ для крашенія полотенъ. Лучшій Индиго имѣетъ цвѣтъ и запахъ фіалковой, ежели его зажжешь.

Рожь здѣсь бѣлѣе и крупнѣе нашей. Дѣлаютъ изъ нее преизрядной хлѣбъ, которой не въ печи печется какъ въ Европѣ, но на желѣзныхъ листахъ, на подобіе калачей. Бобы и горохъ здѣсь, нашихъ мѣлче, но вкуснѣе, особливо послѣдній, которымъ кормятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лошадей и быковъ вмѣсто овса, коего совсемъ не знаютъ въ Индіи. Сѣно такъ же не въ употребленіи, а ежели и косятъ траву, то даютъ ее скоту сырую. Большая часть цвѣтовъ, плодовъ и овощей у насъ растущихъ, здѣсь извѣстны. Сверьхъ того, есть кокосы и ананасы. Что до цвѣтовъ принадлежитъ, Индейцы уважаютъ ихъ больше для вида, нежели для запаха. Быки Гузаратскіе, походятъ на нашихъ, съ тою разностію, что между плечами имѣютъ горбъ, ѣдятъ ихъ одни только бѣдные люди; ибо зажиточные любятъ козлятъ, которыхъ цѣлыми жарятъ, и чинятъ пшеномъ, миндалемъ и изюмомъ и перцомъ. Я уже говорилъ, что живность, рыба, птицы находятся въ великомъ изобиліи въ сей прекрасной странѣ. Отецъ Силвеира съ прискорбностію взиралъ, что земля, столь плодоносная и столь торговлею цвѣтущая, похищена была, такъ сказать, у Португальцовъ. „Мы имѣли, говорилъ онъ мнѣ, одни и долгое время всѣ торги здѣшней земли, которую доставили въ свои руки, помощію построенныхъ нами крѣпостей. Мы привозили сюда всѣ товары, получаемые изъ Европы, Китая и Индіи, и корабли наши возвращались въ Гоу или въ Лиссабонъ съ шелковыми и бумажнымъ тканьями, индигомъ, селитрою, лакомъ, сахаромъ, *Мирабо-*

ланами, кои суть родъ сливъ, заѣдками и пр. Мы покупали такъ же опій, пминъ, хлопчатую бумагу и пряжу, которыя отсылали въ Японію и Кицай, гдѣ въ торгахъ часто выигрывали двѣсти на сто барыша: но съ того времени, какъ Агличане и Голландцы поселились въ сей провинціи, принуждены мы были бросить часть сего торга, и довольствоваться однимъ только тѣмъ, которой производимъ въ Гоѣ.„

Я есмь, *и пр.*

ПИСЬМО XXXI.

Продолженіе Имперіи Моголской.

Я уже доносилъ вамъ, Государыня моя! въ предъидущемъ письмѣ о скоромъ нашемъ отъѣздѣ изъ Амадабата съ купеческимъ караваномъ. Аглинской Президентъ и Губернаторъ просилъ объ насъ начальниковъ онаго, и мы дѣйствительно видѣли отъ нихъ всѣ возможныя учтивости и одолженія. Погода и дорога были очень хороши, но не видали мы чрезъ нѣсколько дней ни города ни деревни. *Герибатъ*, которой отстоитъ отъ Амадабата, верстахъ въ двухъ стахъ пятидесяти, былъ первой городъ на нашемъ пути, но онъ не великъ и не имѣетъ ни стѣнъ, ни воротъ. *Тамерланъ* разорилъ оныя равно какъ и замокъ, коего видѣли мы нѣкоторые остатки на одной высокой горѣ. Между Герибатомъ и *Далтигомъ*, другимъ городомъ, лежащимъ отъ перваго такъ же верстахъ въ двухъ стахъ пятидесяти, едва не напали на насъ *Разбуты*. По счастію были мы въ осторожности, и отдѣлались нѣсколькими быками, коихъ они у насъ отняли. Должно вамъ изъяснить о сихъ честныхъ людяхъ, коихъ единственно ремесло состоитъ въ грабежѣ, и которыхъ всѣ ѣздящіе во владѣніяхъ Моголскихъ смертельно боятся.

Можно положить Разбутовъ въ числѣ разныхъ сектъ Баніанскихъ. Они вѣрятъ какъ и мы, преселенію душъ, и большую часть обычаевъ ихъ имѣютъ; но свойство ихъ нрава совсемъ противное. Они отважны, горячи и

суровы; ни въ чемъ, кромѣ войны, не упражняются; презираютъ смерть, и не робѣютъ никогда. Щадятъ только животныхъ, а особливо птицъ, коихъ съ прилѣжаніемъ кормятъ, будучи увѣрены, что ихъ души, по особливому предъопредѣленію, должны въ свое время войти въ сіи маленькія тѣла. Храбрость ихъ столь славна по всей Индіи, что Великой Моголъ и многіе другіе владѣльцы обыкновенно употребляютъ ихъ въ своихъ войскахъ. Въ прочемъ они составляютъ особой народъ, не признающій надъ собою никакой власти; живутъ въ горахъ, гдѣ у нихъ и убѣжище, и защищаются противъ Моголскаго Императора. Оттуда чинятъ набѣги, отъ коихъ большія дороги бываютъ опасны, сколь ни много издерживаетъ сей Государь на содержаніе солдатъ, опредѣленныхъ къ ихъ истребленію. Вы видѣли уже, что часть доходовъ Гузаратской провинціи отложена на сіе употребленіе. *Жены* Разбуповъ жгутся съ тѣлами своихъ мужей, развѣ въ свадебномъ контрактѣ точно изъяснено, что ихъ къ тому не принудятъ. Сія предосторожность не наноситъ имъ безчестія.

Есть еще другая секта идолопоклонниковъ Индейскихъ, которые сильно расплодились въ провинціи Гузаратской, вышедши изъ Персіи, прежняго своего отечества. Называютъ ихъ *Гауры* или *Парсы*, и вотъ ихъ начало! Въ седьмомъ вѣкѣ Христіанство, когда Халивъ *Абубекеръ* разорилъ Персію, и ввелъ въ нее Магометову вѣру: царствующій въ то время владѣлецъ, не бывъ столь силенъ, чтобъ ему воспротивиться, сѣлъ на корабли съ

осмнадцатью тысячами подданныхъ въ Ормусѣ, и убѣжалъ въ Индостанъ. Король Камбайскій бывъ также идолопоклонникъ, какъ и онъ, принялъ его, и позволилъ ему жить въ своей землѣ. Другіе Персіане послѣдовали примѣру своихъ земляковъ, и сохранили съ вѣрою и образъ прежней жизни. Ежели они не обожаютъ огня, какъ въ старину; то имѣютъ по меньшей мѣрѣ почтеніе къ сей спихіи; хранятъ ее въ своихъ домахъ и за грѣхъ почитаютъ загасить свѣчу, или лампаду; не смѣютъ употреблять воды въ пожарахъ, но землю, стараясь оною закидывать огонь. Наибольшее насчастіе, какое только случиться съ ними можетъ, есть то, ежели огонь въ домѣ такъ погаснетъ, что раздуть его не льзя, и должно за нимъ идти къ сосѣду.

Хотя сіи народы признаютъ первое существо; призываютъ однакожъ и подчиненныхъ духовъ, съ коими, по ихъ мнѣнію, Богъ раздѣляетъ попеченіе о управленіи міромъ, и коихъ они почитаютъ сильными при немъ ходатаями. Они не дѣлаютъ общихъ сборищъ для отправленія вѣры; но имѣютъ въ домахъ небольшія часовни, въ коихъ безпрестанно горитъ огонь, и въ коихъ они молятся, стоя, безъ всякаго наклоненія тѣла. Дни набоженства у нихъ суть первой и двадцатой луны. Въ нѣкоторыхъ праздникахъ сбираются между собою: каждой приноситъ свое кушанье, и дѣлится взаимно съ другими. Нищихъ у нихъ нѣтъ; ибо они помогаютъ другъ другу съ великою охотою. Жрецы не отличаются отъ прочихъ особою одеждою; но чрезъ сіе не уменьшается къ нимъ ни народное почтеніе,

ни щедрости; ибо они все нужное отъ народа получаютъ съ изобиліемъ.

Парсы ѣдятъ всякое мясо, кромѣ коровьяго и свинаго; да и отъ сихъ удерживаются, изъ уваженія къ Индейцамъ и Магомешанамъ, за правило имѣя, поступать согласно со всемъ свѣтомъ. Отмѣняются они отъ другихъ идолопоклонниковъ здѣшней земли снуромъ, которымъ опоясываютъ тѣло, нѣсколко разъ, и завязываютъ назади. Оной служитъ отличительнымъ знакомъ ихъ вѣры; и ежели случится имъ потерять его или засунуть, то не можно ни пить, ни ѣсть, ни говорить, ни сойти съ того мѣста, пока не принесутъ имъ другаго. *Вы догадаетесь сами*, что шаковые снурки продаютъ жрецы всему народу. Женщины начинаютъ его носить, когда минетъ двенадцать лѣтъ отъ роду. Замужъ выдаютъ ихъ очень молодыхъ; но онѣ не прежде покидаютъ отца и мать, какъ пришедъ уже въ состояніе жить съ мужемъ. Вообще, онѣ бѣлѣе и пригожѣе всѣхъ здѣшнихъ женщинъ. Мужчины остригаютъ бороду въ кружокъ, какъ во Франціи носили ее, во время Генрика IV. Иные брѣютъ волосы на головѣ, другіе даютъ имъ расти. Тѣ, которые стригутъ, оставляютъ на темѣ хохолъ величиною съ палецъ. Домы ихъ малы, темны и худо убраны. Они любятъ жить всѣ въ кучѣ, и избираютъ между собою тѣхъ, кто познатнѣе, для разобранія ссоръ, а никогда предъ судьею тяжебъ не заводятъ. Пьютъ вино. но водка имъ запрещена, а еще и того строжае заказано, до пьяна напиваться. Сіе почитается

за грѣхъ, отъ котораго не можно очиститься инаково, какъ весьма строгимъ покаяніемъ.

Гауры весьма падки къ барышу и сильно скупы; и хотя вообще имѣютъ омерзеніе къ воровству; однакожъ великіе обманщики и плуты въ торгахъ. Они прилѣжатъ особливо къ произращенію табаку и къ торгу *Тоди*, или пальмоваго вина. Самые богатые дѣлаются банкирами. Чернь упражняется во всѣхъ рукомеслахъ, кромѣ слесарскаго и кузнечьяго, думая, что нѣтъ такова случая, въ которомъ бы позволено залить огонь.

Обряды наблюдаемые Гаурами, при похоронахъ, имѣютъ нѣчто особливаго. Когда больной при смерти, вынимаютъ его изъ постели на дерновую лавку, на которой онъ и умираетъ. Пять или шесть гробокопателей кладутъ мертвеца на желѣзную решетку, и несутъ въ городъ въ то мѣсто, гдѣ его хоронить. Родня и пріятели слѣдуютъ за нимъ, препровождая ужаснымъ крикомъ и рыданіемъ, и останавливаются шаговъ за пять сотъ отъ могилы; а между тѣмъ читаются молитвы за упокой души умершаго. Кладбища разгорожены на три части, окруженныя стѣнами, одна служитъ для мужчинъ, другая для женщинъ, третья для ребятъ. Надъ каждою могилою кладутъ рычаги, и на нихъ оставляютъ трупъ, которой долженъ служить пищею хищнымъ птицамъ до тѣхъ поръ, пока кости сами не упадутъ въ яму. По прошествіи шести недѣль, относятъ туда землю, на которой покойникъ умеръ, покрываютъ ею остатокъ трупа, и наполняютъ могилу. Сіи народы такое омерзеніе имѣютъ

къ трупамъ, что ежели случится имъ нечаянно до мертваго дотронуться, или только руку нанести на кости какой мертвой скотины, почитаютъ себя осквернеными и обязанными бросить платье, вымыться и разстаться на цѣлые девять дней съ женою и дѣтьми. Они признаютъ за весьма несчастливаго въ будущей жизни того, котораго кости упадутъ въ воду, или въ рѣку.

Изо всего того, что я вамъ доносилъ о разныхъ идолопоклонническихъ сектахъ, населяющихъ Гузаратскую провинцію, вы усмотрѣть могли, что Разбуты, суть изъ нихъ и злѣе и опаснѣе прочихъ. Мы предъуспѣли однакожъ къ счастію нашему, избѣжать въ дорогѣ отъ ихъ рукъ, какъ великимъ числомъ людей составлявшихъ караванъ, такъ и добрымъ порядкомъ, съ которымъ путь продолжали. Я умолчу о всѣхъ онаго мѣлкостяхъ, хотя былъ онъ и дологъ и опасенъ, да и не представлялъ ничего, примѣчанія достойнаго, до самой *Агры*. Въ сію вторую Индостанскую столицу прибыли мы, имѣя рекомендательныя письма, съ помощію которыхъ тотчасъ познакомились. Пристали мы у Езуитовъ, кои здѣсь въ не маломъ почтеніи. Отецъ Силвеира имѣетъ между ими пріятелей, которые охотно со мною ходятъ и показываютъ предметы, любопытство заслуживающіе.

Сія пространная и прекрасная страна занимаетъ *Индію*, собственно такъ называемую. Двѣ превеликія рѣки ограничиваютъ ея предѣлы, *Гангесъ* на востокъ, а *Индъ* на западъ. Къ полудню обтекаетъ ее море, а съ

сѣвера лежитъ Тапарія. Вся же она составляетъ четвероугольникъ отъ двухъ тысячъ пяти сотъ до трехъ тысячъ верстъ. Большая и изобильнѣйшая часть сей земли принадлежитъ Великому Моголу, достальная нѣкоторымъ Азіатскимъ Владѣльцамъ. Французы, Португальцы, Агличане и Голландцы имѣютъ здѣсь также свои земли.

Происхожденіе жителей Могольскихъ приписывается *Ноевымъ* потомкамъ. Но какъ бы оно ни старо было, увѣряютъ, что названіе получила здѣшняя земля отъ имени одного изъ своихъ Государей, называемаго *Мунгль*, изъ котораго составили *Моголь*. По перемѣнкамъ покланялись здѣсь то истинному Богу, то идоламъ. Правленіе принадлежало также иногда природнымъ Государямъ, иногда Тапарамъ, коимъ удавалось завоевать сію страну. Потомки древнихъ повелителей предъуспѣли наконецъ освободить отечество свое отъ посторонняго ига; но повѣствованіе о царствованіи ихъ праотцевъ, преисполнено баснями и покрыто темнотою. Едва со временъ *Чингис-Хана*, жившаго въ половинѣ двенадцатаго вѣка, можно опредѣлить нѣчто точнаго въ лѣтописяхъ здѣшней Монархіи. Сей побѣдитель распространилъ славу имени своего и завоеваній, во всѣхъ частяхъ знаемаго нами свѣта. *Тамерланъ* одинъ изъ его преемниковъ не меньше его прославился звукомъ оружія и своимъ царствованіемъ. Исторія его извѣстна въ Европѣ. Онъ умеръ въ началѣ пятнадесятъ вѣка, когда свергнувъ съ престола *Баязета*, Турецкаго Султана, приуготовлялся перенести войну въ Китай. По

немъ царствовали наслѣдники его; изъ коихъ наиславнѣйшій былъ *Ауренг-Зебъ*, скончавшій жизнь свою въ началѣ нынѣшняго вѣка. Ссоры *Магмуда-Шаха* съ *Тахмасъ-Кулы-Ханомъ* и произшедшія отъ того несчастіи, суть изъ числа пѣхъ произшествій, каковымъ мало находится примѣровъ, даже и въ древностяхъ.

Моголъ, то есть, Имперія Моголская, составлялась предъ паденіемъ своимъ изъ тридцати четырехъ провинцій. *Агра*, прозвана отъ имени города, бывшаго столицею всей Имперіи. Она безъ сомнѣнія есть наилучшій городъ въ Индостанѣ: лежитъ на берегу рѣки *Геменена* на ровной долинѣ *.

---

* Какъ мы не имѣемъ на нашемъ языкѣ исторіи Моголской, то я надѣюсь удовольствіе сдѣлать читателямъ, сообща здѣсь сокращеніе оной, выбранное мною изъ наивѣрнѣйшихъ писателей.

По смерти Ауренг-Зеба, Князья почитающіе себя наслѣдниками, вооружились одинъ противъ другаго, пренебрегая распоряженія, учиненныя симъ самодержавнымъ побѣдителемъ. Набобы, пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, взбунтовались, учинились независимыми, отяготили народъ податьми и перестали дань посылать въ Императорскую казну. Въ семъ состояніи пребывало Моголское Государство до самаго нападенія отъ Тахмасъ-Кулы-Хана, случившагося въ 1738 году при Ханѣ Магмудѣ. Сіе произшествіе описано ниже. Магмудъ будучи въ презрѣніи у побѣдителя, а еще больше, по его отшествіи, у своихъ подданныхъ, лишился и достальныхъ провинцій, въ коихъ Набобы учинились самовластными, и отреклись ему повиноваться даже до того, что

Судите, Государыня моя! сами о величинѣ ея, когда вамъ донесу, что я насилу на ло-

---

война между Государемъ и подданными не почиталась болѣе за бунтъ. Каждый усилившійся вельможа, призывалъ иностранныхъ на помощь, и съ ними разорялъ отечество; земля опустѣвала, ни кто не прилѣжалъ къ хлѣбопашеству; труды рукъ обитателей похищались чужестранными грабителями; бѣдность и голодъ повсюду угнѣтали.

Во время сихъ злоключеній Шахъ-Надиръ умерщвленъ въ Персіи. Ахметъ Абдалла, которой дошелъ до чина Хазанжи или Великаго Казначея, воспользовавшись всеобщимъ унынiемъ, увезъ 3000 верблюдовъ съ разными драгоцѣнными вещами въ Амгистанскія горы; набралъ войско, завладѣлъ Хоросанскими, инако Гератомъ, называемыми горами и провинціями, Тахмасъ-Килы-Хану уступленными, слабымъ Индейскимъ Императоромъ; и симъ образомъ составилъ себѣ особое государство. Не довольствуясь тѣмъ, и полагаясь на слабость Моголскаго правленія, отправился онъ съ 50 тысячами конницы къ столицѣ Индіи. Жители оныя пришли въ крайнее отчаяніе; въ Императорскомъ Совѣтѣ царствовало несогласіе; самъ Государь былъ болѣнъ. Ахметъ сынъ его и Везирь выступили на встрѣчу Абдаллѣ съ 80 тысячами конницы, сошлись; но цѣлой мѣсяцъ препроводили въ пересылкахъ, переговорахъ и небольшихъ сшибкахъ, на коихъ Везирь приобрѣтшій почтеніе и довѣренность въ войскѣ, былъ убитъ ядромъ въ то самое время, какъ отправлялъ молитву. Ахметъ, опасаясь возмущенія въ войскѣ, посадилъ его мертваго на слона, началъ сраженіе и преодолѣлъ уже Персіанъ; но по несчастію въ самой часъ побѣды, одинъ вождь Моголскій, человѣкъ съ природы трусливый, приближась къ Везирю,

шади, въ день объѣхалъ ее кругомъ. Правда, что домы отдалены одинъ отъ другаго, и что

для испрошенія повелѣній, примѣтилъ, что онъ былъ мертвъ, обратился въ бѣгъ съ 20 тысячами, а за нимъ послѣдовали и досталь-ные. Абдалла вошедъ въ городъ, разорялъ жителей, и привелъ до такого отчаянія, что они вооружились. Тогда повелѣлъ онъ всѣхъ предавать мечу. Смертоубійство продолжа-лось въ Дели 7 дней, и смрадъ отъ труповъ, единой принудилъ ихъ выдти изъ города. Многое число домовъ пожжено; нѣсколько тысячъ людей спасшихся отъ Персидской ярости, погибло отъ глада, подъ развалина-ми своихъ жилищъ. Симъ образомъ столичный градъ Имперіи, съ коемъ считалось до 2 милліоновъ жителей, учинился въ ко-роткое время, кучею развалинъ. Бѣдствія обывателей злосчастныхъ еще тѣмъ не окон-чались. Мараты приближались для раздѣле-нія добычи со Абдаллою, и завладѣли окру-жностями города; но Персіане вошли, и ихъ побили. Въ сіе время дошло извѣстіе, что идетъ новое войско Маратовъ изъ Декана, состоящее изъ ста тысячъ конныхъ, для возстановленія прежняго правленія въ Ин-достанѣ.

Всѣ Моголцы Магометанской вѣры, приняли сторону Абдаллы: разные взбунтовавшіеся въ провинціяхъ начальники, отправились также съ не малыми силами къ Дели, такъ, что Маратовъ набралось тогда 200000, а у Абдаллы около полутораста. Вся Индія съ нетерпѣніемъ ожидала произшествія, имѣю-щаго рѣшить жребій между Магометанами и язычниками. Абдалла выступилъ изъ го-рода, а Мараты тотчасъ оной заняли, по-ступая безъ всякаго милосердія съ жителями, и грабя ихъ до того, что снимали съ нихъ платье. Смерть была тогда для нихъ лег-

большіе господа и богатые жители имѣютъ при своихъ обширные сады. Сіи домы, стоя

чайшимъ зломъ. Голодъ принуждалъ другъ друга ѣсть, матери пожирали дѣтей.

Гази, видя, что Абдалла склоннѣе былъ къ его непріятелямъ, сдѣлалъ Маратамъ предложенія, коихъ они не приняли. Онъ обратился въ Раѣ Яповъ, обязалъ его отъ нихъ отстать, и самъ съ нимъ уѣхалъ.

Маратты вошедъ въ Дели, схватили Шаха Іегана, и возвели на его мѣсто, дѣлая угодность Омрамъ Іегана Бухту, сына Алли-Гогарова.

Абдалла, увѣдомясь о обезсиленіи Маратовъ, чрезъ отдѣленіе Раи Япскаго, пошелъ противъ нихъ и принудилъ съ собою вступить въ сраженіе, побѣдилъ, прогналъ, и вошелъ въ столицу, гдѣ утвердилъ на престолѣ Бухту, давъ ему Опекуна и наложивъ подать, отправился въ Кабулъ.

Въ 1762 году Маратты вновь осадили столицу Моголскую, но оная подкупивъ ихъ начальника, спаслась отъ сей новой бѣды, и помирилась съ ними. Послѣ того частые были на нее нападенія отъ Яповъ и Сеиковъ, народовъ живущихъ на западѣ и востокѣ.

Отецъ нынѣшняго Императора Алли-Гогаръ царствуетъ, подъ именемъ Императора Шахъ Аллума, въ небольшой Аллагабатской провинціи и есть тотъ самой, котораго Агличане сдѣлали въ послѣднихъ годахъ Императоромъ Моголскимъ.

Сіе отступленіе, которое уже и такъ долго, кончу я изложеніемъ нынѣшняго состоянія Индіи.

Сія Имперія пала больше отъ внутреннихъ раздоровъ, нежели отъ постороннихъ непріятелей. Несчастной Магмудъ имѣлъ искусныхъ Министровъ, равно какъ и Ахмедъ и молодой Гази, правившій Государствомъ

посреди деревьевъ, всегда зеленѣющихся и украшающихъ дворы и сады, производятъ пре-

---

при Аллумгирѣ, далъ опыты великаго и предприимчиваго духа; но добродѣтелей не было ниже тѣни Имперіи; честность, честь и любовь къ отечеству, совсемъ были незнаемы; великіе дарованіи, производили только великіе преступленіи; всякъ искалъ собственной корысти въ разстройствѣ и изнуреніи всеобщаго добра.

На развалинахъ сей пространной Имперіи, возвысились многіе независимые правленія; провинціи Кандагаръ, Кабулъ, Гизни, Пазгавиръ, часть Мултана и Синда, повинуются Ахмету Абдаллѣ, которой сверьхъ того владѣетъ съ Персидской стороны большею частію Хароссана и Сенстана и областію Балка, лежащею къ Татаріи. Уповательно, что нынѣшній Ханъ Керимъ, владѣющій западною частію Персіи, распространитъ завоеванія свои на востокъ, и принудитъ Абдаллу подвинуться въ Индію, хотя теперь и живетъ съ нимъ въ мирѣ, коимъ пользуясь Абдалла, ходилъ вновь въ 1767 году подъ Дели, и домогаяся отъ всѣхъ Индейскихъ владѣтелей себѣ титула Царя Царей и Подати.

Секки, народъ живущій на востокъ Абдаллова владѣнія, и составляющій родъ республики, владѣютъ провинціею Пуніабъ, частію провинціи Мултана и Синда, обоими берегами Инда отъ Кашемира до Таттры и всею страною отъ Лагора до Сиргинда.

На востокъ отъ республики Секковъ находятся Авганскіе Рогаллы, народъ могущій вывесть въ поле больше ста тысячь конницы и такое же число пѣхоты. На востокъ отъ нихъ обрѣтается небольшое владѣніе Патанцовъ; ихъ столица Ферохабадъ на берегу Гангеса. Городъ Агра съ не малымъ округомъ состоитъ во владѣніи народа Индейскаго, называемаго Яты.

лестной видъ, и пріятное прохлажденіе въ сполъ знойной и сухой землѣ. Главныя улицы

Мараты суть нынѣ народъ наизнатнѣйшій въ Индіи. Столица ихъ есть Суттараръ, а иногда Пуна. Они владѣютъ теперь половиною Гузарата и всею землею между сею провинціею и Деканскою, а Орикса была ими же уступлена Аглинской компаніи. Симъ образомъ владѣніи Маратовъ простираются по всей широтѣ полуострова отъ Бенгалскаго залива до Камбайскаго.

Дабы сократить сіе отступленіе, не войду я въ подробности о прочихъ провинціяхъ, а скажу только окончевая сіе, что сія сильная и пространная Имперія, до того щеперь дошла, что 10 тысячь Европейскаго войска присоединивъ къ себѣ нѣсколько тамошней конницы, не только можетъ завоевать всю Индію, но и на вѣки тамъ сохранить господствованіе Европейцовъ. Абдалла воспользовавшися случаемъ, возвратился на мѣсто сраженія, и ударилъ на Моголцовъ. Онъ былъ вновь прогоняемъ и вновь нападалъ; но наконецъ, умножа сбираемыми съ Могольскихъ областей поборами свое войско, и сдѣлавъ не малой округъ, дабы избѣжать встрѣчу войска пустился прямо на столицу Имперіи. Выслано было противъ него войско, а онъ не находя полезнымъ сраженіе, обратился къ Лагору, и тѣмъ удачнѣе сіе исполнилъ, что Ахметъ не былъ въ состояніи самъ учинить за нимъ погони; ибо отецъ его въ то самое время скончался сидя на тронѣ, а отправилъ за нимъ сына, умершаго Везиря Меерь-Муну, обѣщавъ ему въ награжденіе Лагорскую губернію.

Послѣ Магмута взошелъ на престолъ помянутой Ахметъ Шахъ сынъ его. Между тѣмъ, посланной за Абдаллою Меерь-Муну упалъ съ лошади, и умерь въ 1754 году, вытнавъ его изъ Лагора; но Абдалла опять

въ городѣ широки и изрядно выстроены. Есть по нимъ лавки со всякими товарами и

усилился, и возвратилъ все потерянное. Императоръ Моголской, опасаясь дальнѣйшихъ слѣдствій, отправилъ противъ него старшаго своего сына и Везира Гази, кои ничего не учинивъ, возвратилися въ Дели. Сей Везирь, коего злодѣйствамъ нѣтъ примѣра, заключилъ въ темницу Императора, и лишилъ его зрѣнія; но какъ для исполненія злыхъ его намѣреній, имѣлъ онъ нужду въ новомъ Императорѣ, то и возвелъ на престолъ заключеннаго Князя Фаз-уль-Діена, подъ именемъ Аллумгара; но не надѣясь и на сего, и опасаясь, чтобъ Императоръ не усилился противъ его, заперъ его въ крѣпость, и похитилъ правленіе. Аллумгаръ прибѣгнулъ тогда къ послѣдней крайности. Онъ призвалъ на помощь вышепомянутаго Абдалу. Везирь, видя себя оставленна отъ своихъ, предался въ волю пришельца, которой утвердилъ его въ прежней должности, и принялъ самъ правленіе въ столицѣ, гдѣ Персіане пробыли два мѣсяца, сбирая поборы безъ всякой пощады. Въ сіе время Абдалла получивъ извѣстіе, что на его собственныя области учинили нападеніе Персіане, туда отправился, а Гази, приобрѣвъ всю силу въ свои руки, заперъ въ тюрму Императора и его сына, изъ которыхъ послѣдній, нашедъ случай уйти, набралъ нѣсколько войска, соединился съ Маратами, и разорялъ окружности Дели.

Между тѣмъ Абдалла, успокоивъ свои области, возвратился подъ Моголскую столицу; гдѣ несчастливой Аллумгаръ опять прибѣгнулъ къ его покровительству; но Везирь о томъ свѣдавъ, и видя себя въ опасности, отрубилъ ему голову въ 1760 году, и возвелъ на его мѣсто другаго Князя Императорскаго поколѣнія, подъ именемъ Шаха Іегана.

мастеровыми. Прочія же улицы большею частію узки, не прямы и излучисты. Въ Агрѣ считаютъ пятьнадцать базаровъ, или большихъ рынковъ, изъ которыхъ первой составляетъ передній дворъ замка, и уставленъ многими пушками. При входѣ виденъ превысокой шестъ, въ которой придворные господа, а иногда и самъ Императоръ имѣлъ обыкновеніе стрѣлять для забавы изъ лука.

Императоры часто перемѣняли свое пребываніе, и по сей причинѣ нѣтъ въ Имперіи города, хотя нѣсколько величиною отмѣннаго, гдѣ бы не было дворца. Чаще живали они въ полѣ подъ палатками; ибо мало городовъ могущихъ вмѣстить весь ихъ дворъ, и они любили стоять лагеремъ, лѣтомъ въ прохладныхъ мѣстахъ, а зимою въ тѣхъ странахъ, гдѣ воздухъ бываетъ теплѣе. Когда обыкновенное жилище ихъ было въ Агрѣ, они выѣзжали изъ нее всегда въ концѣ Апрѣля, въ сѣверныя провинціи, а оттуда возвращались, въ началѣ Сентября опять въ столицу: но съ давнаго уже времени предпочтенъ городъ Делли. Я нѣсколько дней употребилъ на осмотрѣніе мечетей. Ихъ здѣсь семдесятъ, а между ими отличаются шесть, въ коихъ всякой день народъ собирается на молитву. Въ одной изъ нихъ стоитъ гробница одного Магометанскаго святаго, называемаго *Скандеръ*, изъ потомства Аліева. Въ другой виденъ гробъ въ тридцать, а шириною въ шестьнадцать футовъ; и сказываютъ, что лежитъ въ немъ одинъ исполинъ. При сей мечетѣ кормятъ великое число нищихъ, милостынями подаваемыми отъ молельщиковъ. Дворы,

ее окружающіе, служатъ убѣжищемъ злодѣямъ и задолжавшимъ: и сіи убѣжища здѣсь такъ почитаются, что ниже самъ Императоръ не имѣетъ власти, взять изъ нихъ скрывшагося преступника.

Есть здѣсь около восьми сотъ народныхъ бань, отъ которыхъ Государь ежегодно получаетъ великіе доходы. Считается также больше восмидесяти караванъ-сераевъ, гдѣ пріѣзжіе живутъ безъ всякой платы. Большая часть сихъ постоялыхъ дворовъ о трехъ ярусахъ, имѣютъ кладовыя со сводами, конюшни, пространныя галлереи и долгія для сообщенія между покоями, переходы. Надзиратели, получающіе плату отъ основателей таковыхъ гостепріимницъ, *обязаны оберегать товары,* и стараться о безопасности пріѣзжихъ, коимъ они же достаютъ и съѣстные припасы.

Зданіи, достойнѣйшія примѣчанія въ Агрѣ, суть дворецъ Императорской и нѣсколько гробницъ великой красоты. Гемене омываетъ стѣны дворца, и течетъ по разнымъ его дворамъ, на коихъ подѣланы великолѣпные портики; а весь дворецъ обнесенъ двойною стѣною съ нѣсколькими изъ рѣдка насыпями или площадками, на коихъ построены домики, для жилища придворныхъ служителей. Укрѣпленіи же состоятъ въ превеликомъ рвѣ и подъемныхъ мостахъ, у каждыхъ воротъ. Первые, служащіе домомъ Губернатору, суть долгой и темной сводъ, ведущій на одинъ дворъ. Галлерея, лежащая напротивъ воротъ, поддерживается тройнымъ рядомъ столбовъ. Посреди сдѣлано въ стѣнѣ мѣсто, куда Императоръ, когда жилъ

въ Агрѣ, приходилъ небольшею потаенною лѣстницею. Его видно было только по поясъ, когда онъ сидѣлъ, и не было при немъ ни одного щѣлохранителя, по тому что ни ошкуда къ сему мѣсту доступить не льзя, а бывалъ съ нимъ только евнухъ, или одинъ изъ сыновъ его, которой его обмахивалъ. Придворные господа стояли въ большой галлереѣ, побочные же галлереи гораздо уже и ниже. Въ нихъ подѣланы покои для караульныхъ. Послѣ всего сего, представляется диванъ, то есть, мѣсто, въ которомъ судятъ. Подлѣ онаго другая зала, гдѣ перьвой Министръ печаталъ указы, и посылалъ оные, куда надлежитъ, а копіи съ нихъ въ ней оставались. Императорскіе покои находятся на другомъ дворѣ, къ воротамъ котораго такое почтеніе имѣютъ, что изключая Князей крови, всѣ вельможи должны слѣзть съ лошади, и взойти на дворъ пѣшкомъ. Въ семъ мѣстѣ жили пѣвицы и танцовщицы Императорскія. Покои внутреннія блистали золотомъ и каменьями. Государь, всякое утро, выходилъ въ Кюскъ, лежащій на рѣку, для поздравленія солнца, а ему на семъ же мѣстѣ всѣ вельможи отдавали свое почтеніе. Изъ сей же самой бесѣдки смотрѣлъ онъ битвы слоновъ, дикихъ воловъ, львовъ и другихъ звѣрей: чѣмъ забавлялся всякой день, кромѣ пятницы, опредѣленной у Магометанъ на молитву. Нарочно при водѣ избрали сіе мѣсто, ибо трудно править побѣдившимъ *слоновъ*, ежелибъ не употребляли хитрости, для вогнанія его въ рѣку, гдѣ тотчасъ бѣшенство его проходитъ, сколь скоро вступитъ онъ въ воду фута на три.

Другія ворота приводятъ въ караульню, а изъ нее на намощеной дворъ, въ нутри котораго при задней стѣнѣ стоитъ серебреная загородка, къ которой не позволено народу приближаться. Чрезъ сіе мѣсто входятъ въ залу трона, надъ коимъ находится галлерея, и изъ сей Императоръ слушивалъ жалобы обиженныхъ. Они звонили въ золотой колокольчикъ, дабы дать знать о себѣ Императору: но должно было имѣть весьма ясныя доказательства въ претерпѣнной обидѣ, ибо въ противномъ случаѣ запрещено дотрогиваться до колокольчика, подъ потеряніемъ жизни.

Большая часть знатныхъ господъ здѣсь, по спеси своей велятъ себя хоронить великолѣпно; а сей обычай умножаетъ чрезвычайно число гробницъ и мовзолеевъ. Въ городѣ и въ окружностяхъ, оныя обыкновенно суть, насыпное возвышеніе, имѣющее на всѣхъ четырехъ углахъ по одной палашкѣ. Между ими отличается особливо гробница одной Императрицы, построенная на большомъ базарѣ, гдѣ собираются чужестранные, а помянутой рынокъ окруженъ шестью обширными дворами съ великолѣпными воротами, надъ коими подѣланы лавки торгующихъ полотнами. Гробница стоитъ въ долѣ по рѣкѣ, на мѣстѣ раздѣленномъ на многія части и окруженномъ стѣнами, при коихъ подѣланы галлереи. Она выстлана бѣлымъ и чернымъ мраморомъ, а входъ въ нее составляетъ прекрасной портикъ. Въ одной галлереѣ на лѣвой рукѣ въ стѣнѣ подѣланы часовни. Посреди мѣста стоятъ три плоскія возвышенія, расположенныя по ярусно, и каждыя имѣютъ по четыре башни. Надъ ними

же возвышается куполъ, убранной въ нутри и съ наружи бѣлымъ мраморомъ. Подъ симъ куполомъ стоитъ гробница Императрицы; но тѣло ея положено въ погребу, находящемся подъ перьвымъ возвышеніемъ. Тутъ всегда видно нѣсколько поповъ молящихся, иногда въ погребу, иногда подъ купо́ломъ, а иногда въ галлереѣ. Двадцать тысячь человѣкъ работали двадцать два года надъ симъ огромнымъ зданіемъ. Одни подмостки стоили столько же денегъ, сколько все строеніе. Въ такой землѣ, гдѣ нѣтъ лѣсу, принуждены дѣлать вмѣсто ихъ кирпичные своды, что умножаетъ чрезмѣрно и расходы у работы. Двѣ тысячи человѣкъ, коими повелѣваетъ одинъ евнухъ, безпрестанно стрегутъ сію гробницу.

Большая часть жителей Агры слѣдуетъ Магометову закону; прочія вѣры здѣсь также терпимы. Городъ такъ великъ, такъ люденъ, что можетъ поставить больше двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, способныхъ дѣйствовать оружіемъ. Власть его, или правленіе простирается надъ сорока другими городами и надъ четырьмя тысячами деревень въ окружности шести сотъ верстъ. Земля хороша и плодоносна. На ней родится Индиго, хлопчатая бумага, селитра и другія произрастенія, коими жители производятъ не малую торговлю. Индиго собираетсѧ особливо въ *Біанесѣ*, въ двухъ дняхъ ѣзды отъ столицы.

Имѣвъ намѣреніе пожить нѣсколько въ Агрѣ я, по обыкновенію, часто выѣзжалъ въ сосѣднія провинціи: началъ же съ провинціи *Делли*, недалеко отъ нее лежащей. Называютъ ее, по городу сего имени, и столицею

всего Индостана. Я избавлю васъ, Государыня моя! какъ и прежде чинилъ, отъ чтенія, какія принималъ я предосторожности для сихъ путешествій. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Агры, видѣли мы наивеличайшее въ Индіи *капище*, и при немъ больницу для *Обезьянъ*. Въ старину оное было въ большемъ почтеніи, нежели нынѣ; а причина тому та, что Гемене, которая прежде омывала его стѣны, взяла другое теченіе, и отняла у Баніановъ способность къ омовенію, чинимому ими прежде вступленія въ капище. Городъ Делли весьма древенъ. Иные думаютъ, что онъ былъ столицею *Порова* Царства. Гробницы Царскія и развалины дворцовъ, доказываютъ по меньшей мѣрѣ, что онъ есть столица великаго государства. Императоры Моголскіе оставляли его чрезъ нѣсколько вѣковъ; но одинъ изъ нихъ возлюбя сіе мѣсто, построилъ новой городъ, которой отъ стараго отдѣленъ одною стѣною, и назвалъ его *Іеган-набатъ*, или *Іегановъ городъ*. Самые Государи Моголскіе, основавшіе пребываніе свое въ Агрѣ, не оставляли бывать иногда въ Делли, а особливо въ большіе жары, по тому, что климатъ въ немъ умѣреннѣе.

Со времени построенія новаго города, старой почти развалился, и населенъ одними бѣдными жителями. Многіе знатные господа, когда дворъ бываетъ въ Іеганнабатѣ, занимаютъ въ немъ пустыри и живутъ подъ палатками. Сіи два города, равно какъ и ихъ провинція, лежатъ почти въ срединѣ Имперіи, близъ источника рѣки *Гемене*, чрезъ нихъ протекающей. Въ новой городъ, которой очень хорошъ, въѣзжаютъ со стороны ста-

раго, по одной долгой и широкой улицѣ, застроенной портиками, у коихъ верьхи сдѣланы площадками: и тутъ живутъ самые богатые купцы. Помянутая улица ведетъ на большую площадь, гдѣ стоитъ Императорскій дворецъ, больше двухъ верстъ въ окружности имѣющій. Стѣны его сдѣланы изъ тесаннаго камня съ зубцами, башнями и широкимъ рвомъ, которой одѣтъ камнемъ, и полонъ воды. Ворота и перьвой дворъ, не представляютъ ничего примѣчанія достойнаго: господа могутъ на него въѣзжать на своихъ слонахъ, оттуда входятъ на площадь, больше долгую нежели широкую, имѣющую по бокамъ портики съ небольшими покоями, для конной гвардіи. Полъ въ оныхъ портикахъ поднятъ на два фута, а на краю онаго подѣланы корыты, изъ коихъ ѣдятъ лошади привязанные съ наружи къ желѣзнымъ кольцамъ. По срединѣ проведенъ каналъ воды, и мѣстами, будучи сдѣланъ округло, составляетъ водоемы.

Потомъ слѣдуетъ другой дворъ, окруженной жилыми покоями, въ коихъ придворные господа сами отправляютъ караулъ. За симъ третій, въ концѣ котораго находится зала дивана. Она возвышена надъ мостовою, на четыре фута, и открыта съ трехъ сторонъ. Сводъ лежитъ на придцати двухъ мраморныхъ пилистрахъ; въ нутри стѣны и сводъ расписанъ золотыми и лазоревыми травами. Посреди залы ставится тронъ, когда Императоръ даетъ аудіенціи. Оной походитъ на кровать съ столбами, осыпанъ дорогими каменьями, а покрывается богатымъ ковромъ, предъ Императоровымъ приходомъ. Всходитъ

же онъ на него по премъ небольшимъ ступенькамъ, длиною въ два фута. На одной сторонѣ становятъ подсолнечникъ взопкнутой на копье, а къ столбамъ трона привѣшиваютъ Государево оружіе: какъ саблю, лукъ, калчанъ и стрѣлы. На краю того же двора, съ стороны дивана оставлено мѣсто четвероугольное, футовъ въ двадцать въ каждомъ боку, и окруженное серебреными перилами. На четырехъ онаго углахъ, стоятъ Спанскіе Секретари, а въ срединѣ придворные господа и музыканты, которые безпрестанно даже и въ самую ауді-енцію играютъ; но такъ тихо, что сей шумъ не перерываетъ и самыхъ важнѣйшихъ и требующихъ крайняго вниманія, дѣлъ.

Когда Великій Моголъ сидитъ на тронѣ, всегда имѣетъ при себѣ нѣсколько вельможей своего двора или своихъ дѣтей. Между одинадцатымъ часомъ и полуднемъ, перьвой Везирь приходитъ къ нему, и отдаетъ отчетъ, что произошло въ его засѣданіи, а по окончаніи доношенія, Императоръ встаетъ и отходитъ къ себѣ; но пока онъ сидитъ на тронѣ, ни кому не позволяется удаляться изъ дворца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ загороженнаго мѣста, о которомъ я упомянулъ, есть, почти посреди самаго двора, ручей, и за онымъ всѣ тѣ, кои хотятъ просить Императора, должны дожидаться, пока позволятъ имъ идти далѣе. Самые Послы не могутъ преступить сей границы, естьли ихъ не позовутъ. Когда они приближатся къ ручью, вводитель Пословъ, обратясь въ ту сторону, гдѣ тронъ, кричитъ, что Министръ, такой-то Державы желаетъ говорить съ Его Величествомъ. Тогда одинъ

изъ Статскихъ Секретарей доноситъ о томъ Императору, а сей иногда притворяется, что не слышитъ. Но спустя минуту, обращаетъ глаза на Посла, и повелѣваетъ, чтобъ допустили его приближиться.

Сераль находится на томъ же дворѣ, гдѣ тронъ. Въ семъ же крылѣ видна небольшая мечеть, изрядно построенная, и коей куполъ покрытой свинцомъ, такъ хорошо вызолоченъ, что можно его почесть за сдѣланной изъ чистаго золота. Въ нее ходитъ Императоръ всякой день на молитву, кромѣ пятницы; ибо тогда бываетъ въ большой мечети. Правой бокъ двора украшенъ портиками, ведущими въ конюшни, гдѣ стоятъ слоны и лучшія лошади Индейскаго Монарха. Я видѣлъ между ими такихъ, за которыхъ заплачено по шести тысячь. Самыя худыя, стоили не меньше тысячи осьми сотъ рублей. По причинѣ недостатка въ сѣнѣ, кормятъ ихъ здѣсь тѣстомъ, составленнымъ изъ муки и масла. Дѣлаютъ изъ него небольшіе хлѣбцы, величиною съ копѣешную булку, и всякой день даютъ каждой лошади по три. Къ сей пищѣ приучаютъ ихъ не безъ труда. Конюхъ держитъ лошади языкъ одною рукою, а другою суетъ въ ротъ помянутое тѣсто. По вечерамъ даютъ имъ мѣрку гороху молотаго, или раздавленнаго между двумя каменьями, и водою намоченнаго. Даютъ имъ также просо и сахарныя тростки, въ то время, когда оныя поспѣваютъ. Постилка для нихъ дѣлается изъ ихъ же калу, которой переминаютъ высуша на солнцѣ. Передъ дверью каждой конюшни, повѣшены рогожки, которыя поднимаются и опускаются,

по востребованію нужды, и которыя препятствуютъ мухамъ кусать лошадей. Въ прочемъ каждая лошадь имѣетъ своего конюха, и онъ безпрестанно ее обмахиваетъ.

Между наилучшими зданіями новой Делли, отличается мечеть стоящая посреди города. Она построена на каменной горѣ, которую должно было уравнивать, и окружена площадью, одинакой съ нею высоты, и на оную проведены четыре улицы, сообщающія четыремъ главнымъ бокамъ мечети. Ходъ въ оную состоитъ изъ двадцати пяти или тридцати ступеней, ведущихъ около всего зданія, кромѣ одной стороны, которая одѣта тесанымъ камнемъ, дабы скрыть неправильность горы. Всѣ три входа весьма великолѣпны. Въ нихъ все сдѣлано изъ мрамора, а двери обиты мѣдными преизрядной работы листами. Главной входъ украшенъ небольшими изъ бѣлаго мрамора башенками, придающими ему не малую красу. Позади мечети, возвышаются три великіе купола изъ такого же мрамора, и средній между ими выше другихъ. Остатокъ зданія не имѣетъ кровли, по причинѣ великихъ жаровъ. Мостовая сдѣлана изъ четвероугольныхъ мраморныхъ плитъ. Весь сей храмъ, изключая башенки и куполовъ, построенъ изъ краснаго, весьма непрочнаго камня.

Въ сію мечеть ѣздитъ Императоръ на молитву всякую пятницу. Въ сіи дни, въ низу лѣстницы, растягиваютъ превеликую сѣтку, чтобъ слоны не приближались и не осквернили мечети. Прежде, нежели Императоръ выѣдетъ изъ дворца, поливаютъ всѣ улицы, чтобъ не было пыли, и чтобъ воздухъ сталъ

свѣжѣе. Двѣсти или триста человѣкъ гвардіи становятся рядомъ, и его ожидаютъ; а другіе въ толикомъ же числѣ располагаются по обѣимъ сторонамъ большой примыкающейся къ мечети улицы. Верьховые на прекрасныхъ лошадяхъ скачутъ предъ нимъ, дабы располкать народъ, но въ весьма далекомъ отъ него разстояніи, чтобъ не поднять пыли. Императоръ сидитъ на слонѣ, богато убранномъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ; а иногда носятъ его на тронѣ, блистающемъ золотомъ и лазорью, поставленномъ на носилкахъ, восемь человѣкъ отобранныхъ и богато одѣтыхъ. Множество вельможъ и придворныхъ господъ, изъ коихъ иные верьхомъ, иные въ каретахъ, придаютъ сему шествію видъ пышной и соотвѣтствующій Царскому Величеству.

Когда Великій Моголъ ѣздитъ гулять за городъ, или на охоту, беретъ съ собою десять тысячь человѣкъ, предъ коими ведутъ сто слоновъ. Сіи животные покрыты богатыми попонами изъ краснаго бархата или изорбата. Первые восемь несутъ на себѣ по одному литаврщику; напротивъ сидятъ по два человѣка, изъ коихъ одинъ правитъ слономъ, вертя у него на лбу желѣзной крюкъ, а другой держитъ шелковое знамя, вышитое серебромъ и золотомъ. Императоръ ѣдетъ или въ каретѣ, запряженной двумя быками, или верьхомъ на прекрасной Персидской лошади, или несутъ люди его въ паланкинѣ. Чиновники слѣдуютъ за нимъ, а за сими пять или шесть сотъ слоновъ, верблюдовъ и телегъ, съ разнымъ богажемъ.

Я вскорѣ, по пріѣздѣ моемъ въ Делли, видѣлъ такое гулянье. Дворъ тогда здѣсь находился, но оной несравненно убавилъ пышности и великолѣпія, послѣ славнаго посѣщенія *Тахмасъ-Кулы-Хана*. Печаль еще видна на лицахъ, и приводитъ на память ужасное опустошеніе, причиненное въ семъ несчастномъ городѣ, войскомъ Персидскаго Шаха. Хотя я и не сумнѣваюсь, что вы конечно читали какое нибудь объ ономъ описаніе; но здѣсь объ немъ разсказываютъ съ такою жалостію, и такъ часто, что я крайне пронутъ, и не могу не сообщить вамъ нѣкоторыхъ сего злополучія подробностей.

Когда Шахъ Персидскій завладѣвъ Кандагаромъ, вступилъ въ Индію съ своимъ войскомъ, то нападали на него Моголцы между Лагоромъ и Делли; но онъ ихъ побилъ, и принудилъ непріятеля своего Магмуда просить о мирѣ. При чемъ онъ такъ хитро поступилъ, что залучилъ его въ свои руки, и вошелъ въ его столицу. Жители города Делли, между коими пронесся ложной слухъ о его смерти, вооружились въ скоростіи и безпорядочно напали на Персіянъ, съ коими встрѣтились, и побили ихъ великое множество. Позорище умерщвленныхъ подданныхъ въ такую привело ярость побѣдоноснаго Монарха, что онъ повелѣлъ тотчасъ всѣхъ Моголцовъ истребить. Воины его немедлѣнно начали кровопролитіе въ главнѣйшихъ частяхъ города, выбивая двери, грабя домы, и не щадя ни кого, кто бы ни попался. Они даровали жизнь однимъ только пригожимъ дѣвицамъ; но и сіи отъ смерти избавились единственно для того, чтобы у до-

вольствовать скотскую похоть сихъ варваровъ. Во время грабежа, солдаты наиболѣе старались о золотѣ, серебрѣ и другихъ каменьяхъ. Домы зажигали, отъ чего многія части города выгорѣли. Меня увѣряли, что въ семъ ужасномъ побоищѣ погибло больше двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. Тѣ, кои могли спастись отъ меча, предались бѣгу. Когда побѣдитель насытилъ мщеніе свое, захватилъ всѣ сокровища Великаго Могола, кои цѣнили больше трехъ сотъ миліоновъ рублей, не считая дорогихъ вещей и богатства всякаго рода, отправленныхъ имъ уже прежде того въ свою землю. Удовольствовавшись своими успѣхами, началъ онъ приуготовляться къ возвратному пути въ Персію. Онъ собралъ во дворецъ всѣхъ Моголскихъ вельможъ, и объявилъ имъ, что возвращаетъ Магмуду его владѣніи, далъ ему многіе совѣты, касательно до правленія, и обратясь къ придворнымъ, сказалъ имъ повелительнымъ голосомъ: „Я соглашаюсь оста„вить васъ въ живыхъ, хотя вы того недо„стойны; но ежели узнаю, что впредь спа„нете бунтовать и возмущать народъ, я „вамъ покажу, какъ бы самъ ни былъ далеко: „каково меня разсердить и переказню васъ „всѣхъ безъ милости.” На другой день выѣхалъ онъ, оставя землю въ унынiи, а Государя подъ опекою одного Министра, преданнаго Персіи.

Вотъ каково было когда, и каково почти и нынѣ состояніе Моголскаго двора. Всѣ богатства, приводившія Имперію въ цвѣтущее состояніе, и о которыхъ большая часть путешествователей говорили съ такимъ вос-

торгомъ, совсемъ изчезли. Въ Делли едва осталисъ слѣды древняго великолѣпія; но великіе государственные доходы скоро бы привели его въ прежнее состояніе, естьлибъ новыя несчастіи не угрожали ему конечнымъ паденіемъ.

Годовыхъ доходовъ считалось здѣсь около ста шестидесяти миліоновъ рублей съ однихъ земель принадлежищихъ Государю. Онъ еще больше получалъ податей, платимыхъ поголовно всѣми Индейскими идолопоклонниками; пошлинъ по пяти на сто со всѣхъ товаровъ продаваемыхъ въ Имперіи, и отъ которыхъ уволены одни Магометане; отъ бѣленія полотенъ; отъ откупа алмазныхъ минъ; отъ пошлинъ съ приморскихъ городовъ; съ наслѣдства Министровъ, Вицероевъ, Губернаторовъ по городамъ; Генераловъ, Офицеровъ, и всѣхъ тѣхъ, кто служитъ, получая жалованье. И такимъ образомъ доходы Великаго Могола простирались до пяти сотъ миліоновъ рублей, а онъ самъ почестся можетъ за наибогатѣйшаго Монарха въ свѣтѣ. Всѣ Азіатскія и Европейскія Державы наперерывъ спаралисъ посылать сюда своихъ купцовъ, а съ ними и несчетное множество денегъ, кои навсегда оставались въ Индіи, и иногда отсюда не вывозились. Правда, что сія земля получаетъ изъ Азіи и Европы товары; но обыкновенно въ промѣнъ на индиго, на хлопчатую бумагу, и на полотны, а денегъ за нихъ не платитъ. Не смотря на всѣ таковые выигрышы, обращеніе денегъ здѣсь посредственное. Всякой копитъ и скрываетъ богатство, дабы не покусился на нихъ кто нибудь изъ чиновныхъ.

Императоры такъ же съ своей стороны копили, когда могли, сокровища, заключали ихъ въ подземныхъ погребахъ. Отъ сего-то накопилось великое множество золота и серебра, найденнаго Тахмасъ-Кулы-Ханомъ въ Делли, и которое было плодомъ собиранія Моголскихъ Государей.

Многочисленныя арміи, кои сіи Государи содержали на своемъ коштѣ, дѣлали ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильными владѣтелями въ Индіи: а какъ я уже зачалъ говорить о сей матеріи, то и войду въ нѣкоторыя подробности о минувшей силѣ и военномъ правленіи сей обширной и могущественной Монархіи. Въ какомъ бы мѣстѣ ни находился Императоръ, онъ всегда имѣлъ на караулѣ пятьдесятъ тысячь человѣкъ конныхъ и столько же пѣшихъ. Сіе множество солдатъ вездѣ за нимъ слѣдовало, и содержало караулъ около дворца, то въ Делли, то въ Агрѣ, въ двухъ обыкновенныхъ мѣстахъ его пребыванія. Когда выѣзжалъ онъ изъ Делли, отъ отсутствія его, городъ становился весьма пустъ, и выключая купеческія улицы, въ которыхъ живутъ Банiаны, походилъ тогда на оставленной лагерь. Въ дорогѣ помянутая армія становилась лагеремъ около Государевыхъ шатровъ, а занимаемое ею мѣсто превосходило въ пространствѣ наиобширнѣйшіе Европейскіе города. Улицы дѣлались, и палатки ставились по веревкѣ. Находились тутъ маркитанты и всякіе мѣлочные купцы. Лавки располагались такъ порядочно, что всякой тотчасъ можетъ достать все нужное. Шатры Императорскіе разбивались въ срединѣ. Ни кто къ нимъ не

могъ подойти ближе ружейнаго выстрѣла. Они составляли нѣкоторой родъ огромнаго дворца, посреди коего площадь, и на ней ставили Императорской тронъ подъ балдахиномъ. Палатки главнѣйшихъ придворныхъ бывали разныхъ видовъ и цвѣтовъ, изъ коихъ иныя, пространствомъ и уборомъ, походили на наилучшіе домы.

Главнѣйшій корпусъ солдатъ составляющихъ караулъ при Государѣ, есть тотъ, коихъ называютъ, *Императорскіе невольники.* Онъ состоитъ изъ четырехъ тысячь человѣкъ. Командуетъ ими весьма знатной вельможа, коему иногда цѣлыя арміи ввѣряются. Всѣ солдаты сего корпуса имѣютъ клеймы на лбу. Изъ нихъ берутся иные въ офицеры, и производятся въ большіе чины, соотвѣтствующіе нашимъ Генераламъ. Другіе при корпуса отборныхъ солдатъ, имѣющіе такъ же на лбу различные клеймы, суть хранители *золотой, серебреной* и *желѣзной булавы.* Плата имъ идетъ больше, или меньше, смотря на металлъ, изъ коего сдѣлана ихъ булава, и по сей платѣ считается старшинство въ чинахъ. Кому тысяча двѣсти рублей жалованья на мѣсяцъ, то беретъ наименованіе *Омры*, что почти соотвѣтствуетъ нашему Генералъ-Порутчику. Онъ обязанъ содержать для воинской службы одного слона и двѣсти пятьдесятъ конныхъ солдатъ; но какъ жалованья стать не можетъ на сей расходъ, по тому что каждой солдатъ долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ двухъ лошадей. Императоръ даетъ ему сверьхъ того, деревню изъ своихъ маетностей. Дабы дойти до штатскихъ

чиновъ, неотмѣнно должно служить и отличиться въ которомъ нибудь изъ сихъ четырехъ корпусовъ: ибо природа здѣсь, какъ у Персіянъ и у Турковъ, не даетъ ни чина, ни отмѣны, а одни добрыя качества и заслуги ведутъ къ онымъ. Часто сынъ Омры служитъ простымъ солдатомъ. Здѣсь ни кого не признаютъ благороднымъ или дворяниномъ, кромѣ Князей крови, и нѣкоторыхъ происходящихъ отъ поколѣнія Магометова, коимъ воздается еще нѣкоторая часть.

Сверьхъ упомянутыхъ войскъ. Императоръ содержалъ въ провинціяхъ корпусы конницы, коей число покажется вамъ невѣроятнымъ; ибо считали оныхъ больше трехъ сотъ тысячь человѣкъ, дѣйствительно на лицѣ находившихся, а пѣхоты до шести сотъ тысячь. Здѣсь всегда должно быть ей въ два раза людне пропивъ конницы. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, сверьхъ войскъ, присылаемыхъ владѣльцами, данниками Великаго Могола, каждая провинція не только удвояла, но и утроила число своихъ рекрутъ. Вся конница раздѣлена была на многіе корпусы, не равнаго числа. Самые большіе имѣли отъ двенадцати до пятьнадцати тысячь, и командовались Князьями крови, или какимъ знатнымъ господиномъ. Роты составлены отъ трехъ тысячь до трехъ сотъ человѣкъ. Лошадей они получаютъ, по большой части изъ Аравіи, Персіи, и особливо изъ Татаріи: ибо Моголскія упрямы, пужливы и безсильны. Лучшія избираются для службы Императорской, а прочія продаются тѣмъ, кои по чину своему, обязаны содержать конницу. Конные вооружены

лукомъ, калчаномъ съ стрѣлами, копьемъ, саблею и кинжаломъ. Имѣютъ небольшой щитъ, которой носятъ всегда на шеѣ, а огнестрѣльнаго оружія не употребляютъ. Пѣхота имѣетъ ружьи, а иногда дѣйствуетъ лукомъ, стрѣлою и копьемъ, длиною отъ десяти до двенадцяти футовъ. Она славится храбростію, какъ конница. Каждой начальникъ одѣваетъ и вооружаетъ своихъ солдатъ; отъ чего въ полкахъ происходитъ великая пестрота. Жалованье солдата зависитъ отъ Капитана, и по скупости командировъ происходятъ великія несправедливости. Скрываютъ, какъ можно, таковые нападки, потому что собираемые ими богатства, идутъ по смерти ихъ, въ Государеву казну.

Артиллерія здѣсь многочисленна, а пушки очень спары, и каждая называется своимъ именемъ. Императоръ имѣетъ свой особенной и весьма великолѣпной арсеналъ. Копьи, сабли, луки, калчаны расположены въ немъ въ наилучшемъ порядкѣ. Повсюду сіяетъ золото, алмазы и драгоцѣнные каменья. Монархъ бываетъ въ немъ иногда на молитвѣ, для испрошенія у Бога войны, побѣды надъ непріятелями.

Изъ всего вышеписаннаго мною, вы видите, что все войско Моголское можно раздѣлить на три класса. Первой составляетъ армію всегда наличную, которая бываетъ на карауліѣ у Императора; второй состоитъ изъ войскъ находящихся въ провинціяхъ; въ третіемъ полагаются вспомогательныя войска, присылаемые владѣльцами, платящими дань Великому Моголу.

Во время пребыванія моего въ Делли, видѣлъ я чудной праздникъ, которой въ великомъ почтеніи у Моголцовъ. Отправляютъ его цѣлые десять дней послѣ новой луны мѣсяца Іюля, а посвященъ онъ на оплакиваніе смерти двухъ знаменитыхъ Мусульмановъ. Разсказываютъ здѣсь, что два брата ревностные послѣдователи Аліевы, пошли проповѣдывать Алкоранъ на Коромандельскіе берега, гдѣ напали на нихъ идолопоклонники. Угнѣтаемы будучи многочисліемъ, и защищавшись нѣсколько времени, погибли они сражаясь за вѣру. Въ память симъ святымъ особамъ, носятъ по городу гробы, покрытые луками, стрѣлами и оружіемъ всякаго рода, за коими народъ слѣдуя, плачетъ и воетъ. Одни пляшутъ, другіе бьются обнаженными мечами, а иные такъ царапаютъ себѣ лице и руки, что кровь течетъ повсюду. Въ вечеру ставятъ, посреди большой площади, соломенные изображенія, представляющіе убійцевъ помянутыхъ святыхъ, и выстрѣливъ въ нихъ множество стрѣлъ, сожигаютъ оные. Все сіе происходитъ съ такимъ сердцемъ и яростію, что язычники, ежели бы случились въ сіе время на улицѣ, были бы въ опасности жизни; но они обыкновенно запираются тогда въ своихъ домахъ.

Я есмь, *и пр.*

ПИСЬМО XXXII.

Продолженіе Имперіи Моголской.

Предъ возвращеніемъ моимъ въ Агру, захотѣлось мнѣ побывать въ *Лагорѣ*, вмѣстѣ съ дворомъ, куда онъ ѣздилъ на охоту. Самъ Императоръ тамъ присутствовалъ, и ничего не щадили, для учиненія сего увеселенія, сколь возможно, пышнымъ и великолѣпнымъ. Отъ Лагора до Агры находится прямая дорога, осаженная финиковыми, пальмовыми и кокосовыми деревьями. Длины она имѣетъ около пяти сотъ верстъ, и тѣнію своею охраняетъ путешествующихъ отъ солнечнаго зноя. Начинается же отъ Агры и идетъ до самыхъ Лагорскихъ воротъ, проходя такъ близко мимо Делли, что мы въ короткое время на оную выѣхали. Прекрасные по обѣимъ сторонамъ домы, павлины, обезьяны, попугаи и всякія другія птицы, много насъ веселили.

Окружность Лагора, есть наиплодоноснѣйшая земля въ сей Имперіи. Городъ лежитъ на рѣкѣ *Рави*, не очень широкой, но имѣющей нужду въ дѣланныхъ берегахъ, кои бы удерживали ее въ своихъ предѣлахъ, по тому что въ водополь перемѣняетъ часто свое теченіе. Положеніе Лагора весьма выгодно; округъ его наполненъ прекрасными садами, а особливо съ стороны рѣки. Дворецъ и многіе домы украшаютъ его въ нутри. Часто случается, что Императоръ со всемъ дворомъ пріѣзжаетъ въ него жить. А какъ онъ населенъ по боль-

шой части Магометанами, то находится въ немъ множество мечетей и бань, кои нужны для обыкновенныхъ ихъ омовеній. Бани построены, по Персидскому обычаю, равно какъ и употребленіе оныхъ почно такое же, и столько же несносно, какъ и то, о коемъ я уже вамъ доносилъ, бывши въ Испаганѣ.

Въ Лагорѣ видѣлъ я Индейской фейерверкъ въ первой разъ, съ прибытія моего въ сію землю. Всѣ окны на большой площади унизаны были плошками, предъ коими стояли стеклянные карафины, наполненные водою разныхъ цвѣтовъ, и составляли наипріятнѣйшую иллюминацію. Фейерверкъ состоялъ изъ ракетъ разныхъ родовъ; было множество колесъ обвѣшеныхъ плошками; но кои казалась неподвижны; хотя колеса вертѣлись безпрестанно и съ великою скоростію.

Ежели судишь о всѣхъ Лагорскихъ женщинахъ, по встрѣчающимся на улицѣ, или въ лавкахъ; то полъ ихъ долженъ быть здѣсь очень пригожъ. Онѣ весьма стройны, тонки, высоки, и наилучшія изъ чернобровыхъ женщинъ въ Индіи.

Охота, о коей я упоминалъ, и которая побѣдила меня ѣхать въ Лагоръ, назначена была въ двадцатой день, послѣ пріѣзда нашего въ сей городъ. Обер-егер-мейстеръ или великій ловчій, бывъ тамъ за мѣсяцъ прежде насъ, для нужнаго распоряженія, собравъ всѣхъ охотниковъ, назначилъ всякому мѣсто, и послалъ оныя замѣтить. Потомъ нарядилъ командировъ разныхъ воинскихъ корпусовъ, слѣдующихъ за Императоромъ, какъ я уже сказалъ, приказавъ имъ ѣхать за охотниками, и

заняшь свои мѣста. Сколь скоро разведены солдаты, ставятъ ихъ въ одну, а иногда и въ двѣ шеренги около всего круга, назначеннаго распоряжающими ловлю. Подъ смертною казнію, запрещено выпускать звѣрей изъ *Нерки*, такъ называютъ Моголцы мѣсто захваченное для травли. Оное занимало ужасное пространство, превеликіе лѣса, и имѣло около двухъ тысячь верстъ въ окружности. Срединою сему кругу назначена была долина, въ которую со всѣхъ сторонъ приказано сгонять звѣрей. Подчиненные тотчасъ отправили куріеровъ къ великому ловчему съ извѣстіемъ, что все готово, и для испрошенія приказанія къ выступленію въ походъ. Сей послѣдній донесъ Императору, и ожидалъ его повелѣнія, которое и послалъ къ нимъ съ куріерами, а они сообщили предводителямъ войскъ.

Вскорѣ литавры, трубы и волторы возвѣстили повсюду вступленіе въ походъ. Начался оной въ одно время, со всѣхъ сторонъ и одинаковымъ образомъ, то есть, что солдаты шли къ срединѣ, сближаясь отъ часу больше, и гоня передъ собою звѣрей. Позади ихъ надсматривали надъ ними Офицеры; и хотя были они вооружены какъ на войнѣ; но заказано имъ было бить и ранить звѣрей, не смотря и на то, ежелибъ и видѣли отъ нихъ нападеніе; а позволялось только кричать, сколько силы станетъ, для устрашенія ихъ и воспрепятствованія уйти изъ округа. Сей походъ продолжался безъ становочно нѣсколько недѣль; но былъ прерванъ рѣкою со стороны Делли, которой войска не могли перейти въ бродъ. Должно было остановиться и дать

*

знать другимъ, дабы сохранить равенство въ шествіи; но напослѣдокъ пришедшіе къ рѣкѣ, перегнали черезъ нее звѣрей, а потомъ сами переправились на превеликихъ круглыхъ и легкихъ кожахъ, связанныхъ веревками, и послѣ никакой уже остановки не было; а все шло равно.

Какъ кругъ отъ часу больше уменьшался, звѣри стали казаться чаще; и какъ бы разумѣя, что хотятъ ихъ загнать, одни бѣжали на горы, другіе бросались по долинамъ, гдѣ видѣли рощи. Иные, оставя обыкновенную дорогу, скрывались въ лѣсахъ; но вскорѣ, почувствовавъ приближеніе охотниковъ, оставляли свои убѣжища, и искали новыхъ. Тщетно скрывались они въ ущелинахъ и ямахъ. Всѣ сіи пещеры были разрываны лопатками, и звѣрей изъ нихъ выгоняли, даже до послѣдняго зайца. Наконецъ, когда уже мѣсто стало гораздо узко и звѣри разныхъ родовъ смѣшались, то нѣкоторые изъ нихъ пришли въ бѣшенство, и не мало причиняли труда. Насилу принудили ихъ, съ помощію инструментовъ, и крикомъ солдатъ, да и то съ великимъ стараніемъ далѣе бѣжать. Въ горы посланы охотники, для выгнанія на нихъ скрывшихся; и сіе не безъ опасности было исполнено. Другіе войска спускались въ самыя пропасти, въ коихъ спряталися дикіе звѣри, и сихъ еще труднѣе было выгнать. Между тѣмъ, куріеры скакали безпрестанно со всѣхъ сторонъ, для донесенія Императору о движеніи звѣрей, и о случающихся трудностяхъ. Онъ часто самъ ѣзжалъ осматривать, всѣ ли его повелѣніи точно исполняемы были.

Округъ, заключающій толикое множество звѣрей, становился часъ отъ часу меньше, и звѣри не могши удалиться, нападали и терзали сильные слабыхъ. Но бѣшенство ихъ не продолжалась; ибо, когда уже согнали ихъ очень близко, великій ловчій велѣлъ бить въ барабаны и литавры, и играть во всякіе инструменты. Сей звукъ соединясь съ крикомъ охотниковъ и солдатъ, произвелъ такой страхъ въ звѣряхъ, что они присмирѣли: львы и тигры утихли, а кабаны уподобились ягнятамъ.

Когда Императоръ увидѣлъ, что уже всѣ они находятся въ назначенномъ округѣ, повелѣлъ готовиться вступить въ оной. Онъ первой въ него въѣхалъ, при звукѣ инструментовъ, держа въ одной рукѣ голой мечь, а въ другой лукъ и имѣя на плечахъ колчанъ, набитой стрѣлами. Отъ руки его пало множество звѣрей. Иные остервенясь, сильно защищались. Послѣ сего Великій Моголъ поднялся на одинъ холмъ; сѣлъ на поставленной тамъ тронъ, и смотрѣлъ на придворныхъ, кои ободряемы будучи его присутствіемъ, нападали на наисвирѣпѣйшихъ звѣрей. Истребя оныхъ не малое число, знатнѣйшіе изъ нихъ приближились къ трону и просили Монарха, даровать жизнь и вольность звѣрямъ, оставшимся въ неркѣ. Онъ снизшелъ на ихъ просьбы, похвалилъ отваги войскъ и распустилъ ихъ. А звѣри спасшіесь отъ сабли и стрѣлы, видя, что ни кто за ними не гонится, и не окружаетъ, ударились бѣжать всякой въ свою сторону. Вотъ какова была охота, во время пребыванія Императорова въ Лагорѣ, продолжавшаяся цѣлые четыре мѣсяца, считая отъ

перьвыхъ приуготовленій, до возвращенія его въ столицу.

Сверьхъ сей всеобщей охоты бывающей только разъ въ годъ, дѣлаются еще, для упражненія и содержанія войскъ, въ движеніи особенныя для Императора. Оныя происходятъ въ окружностяхъ Агры, Делли и Лагоры, гдѣ нарочно стрегутъ, въ великомъ числѣ дикихъ звѣрей. За зайцами, перепелками и мѣлкою дичиною всякому позволяется ходить; а ловятъ ихъ обыкновенно сѣтьми. Охота *Газелей*, всѣхъ веселѣе. Сіи животные бѣгаютъ небольшими стадами, изъ пяти или шести самокъ состоящими, имѣя въ переди самца, котораго узнать можно по шерсти. Ловятъ ихъ приученными *Леопардами*, коихъ возятъ скованыхъ въ небольшихъ телегахъ. На глаза имъ привязываютъ маску, на подобіе очковъ, чтобъ они ничего не видали. Когда появится стадо газелей, снимаютъ съ леопарда помянутую маску, и его развязываютъ. Онъ ихъ стережетъ, нѣкоторое время, дѣлаетъ разные притворства, и нечувствительно приближается къ добычѣ. Сколь скоро подойдетъ такъ близко, что можетъ схватить, бросается и душитъ козу; а ежели ему не удастся, что иногда случается, онъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго движенія, чтобы за нею гнаться; ибо газели бѣгутъ и скорѣе и долѣе леопарда; тигровъ также приучаетъ къ ловлѣ; но въ большемъ обыкновеніи употреблять къ тому гончихъ собакъ, кои меньше нашихъ.

Журавлей ловятъ хищными птицами, нарочно къ тому приученными. Они храбро защищаются; но какъ не могутъ оборачиваться,

рѣдко противятся множеству и силѣ. Для рѣчныхъ птицъ, употребляютъ другую хитрость. Набиваютъ выпотрошенную утку сѣномъ, и одинъ искусной водолазъ пускаетъ ее изъ подъ воды въ стадо утокъ, и послѣ хватаетъ живыхъ за ноги, и уноситъ.

Наилюбопытнѣйшая охота есть, ловля *Львовъ*. Когда объищутъ его пещеру, привязываютъ близъ оной осла, котораго левъ тотчасъ пожираетъ, потомъ идетъ пить, и возвращается въ свое жилище, откуда не выходитъ уже до слѣдующаго дня. Къ нему приводятъ такимъ образомъ другихъословъ, одного послѣ другаго, а послѣдняго кормятъ опіемъ, дабы мясо его усыпило льва. Когда же сей заснетъ, охотники закидываютъ сѣти около его пещеры, и сближаютъ ихъ отъ часу больше. Обыкновенно оставляютъ Императору честь убить его. Онъ садится на слона, покрытаго желѣзною збруею; около его идетъ гвардія вооруженная копьями; и симъ образомъ стрѣляетъ изъ лука сверьхъ тенетъ во льва, пока не ранитъ его смертельно. За доброй знакъ почитается, ежели Императоръ убьетъ льва, а за худой, ежели ему не удается: по чему побѣда бываетъ послѣдуема великимъ веселіемъ, отправляющимся со многими обрядами. Собираютъ всѣхъ придворныхъ вельможъ, и приносятъ предъ нихъ убитаго звѣря. Тутъ его разсматриваютъ, мѣряютъ, записываютъ въ архивахъ Имперіи: что въ такой-то день Императоръ убилъ льва, такой-то величины и шерсти, и не забываютъ ни малѣйшаго обстоятельства сего великаго произшествія.

При самомъ моемъ отъѣздѣ изъ Лагора, отправлялся одинъ Моголской чиновникъ, для вступленія въ должность Губернатора въ *Кизмирѣ*, которой мы называемъ Кашемиромъ. Мнѣ захотѣлось увидѣть сію сторону, и я воспользовался случаемъ. *Кашемиръ*, есть провинція Моголской Имперіи, лежащая на сѣверъ, при подошвѣ горы Каваазы. *Сиракапаръ*, столица оной, построена посреди прекрасной равнины, распещренной множествомъ небольшихъ холмовъ, а въ дали видны горы съ деревьями и лугами, и наполненныя скотомъ и дичиною всякаго рода. За горами возвышаются другіе, коихъ вершины покрыты снѣгомъ. Изъ нихъ истекаетъ премножество ручьевъ, которые жители производятъ съ не малымъ искуствомъ не только на поля, но и на холмы, посредствомъ земляныхъ насыпей. Сіи ручьи, извиваясь многообразно, и составляя пріятные водопады, наконецъ соединяются въ не малую рѣку, которая протекаетъ чрезъ столицу, напояетъ провинцію, принимаетъ въ себя многія рѣчки и впадаетъ наконецъ въ Индъ. Таковое изобиліе хорошей воды, соединяясь съ умѣреннымъ климатомъ, производитъ воздухъ свѣжій и удивительное плодородіе. Пріѣхавъ въ сію прелестную страну, я думалъ, что вижу пространной садъ испещренной деревьями зеленѣющимися лугами, каналами, и представляющій виды наипріятнѣйшіе. Моголцы называютъ ее *земнымъ раемъ Индейскимъ*. Нѣтъ въ ней ни змѣй, ни медвѣдей, ни тигровъ, ни львовъ. Вмѣсто ядовитыхъ и хищныхъ звѣрей, водятся здѣсь пчелы, перепелки, газели, и не-

большое число животныхъ, порождающихъ мускъ. Я повсюду видѣлъ здѣсь травы, плоды, цвѣты Европейскіе. Правда, что они мнѣ не столь хороши показались, какъ у насъ; но сіе можешь быть отъ того происходишъ, что наши садовники лучше здѣшнихъ. По древнему преданію, вся сія страна въ старину была озеро. Ежели сіе правда, то конечно не по молитвамъ одного святаго стекли воды, какъ разсказываютъ набожные люди здѣшняго края; какъ кажется, утверждаетъ гробъ помянутаго святаго, къ которому приходятъ на поклоненіе со всѣхъ сторонъ; но произошло оное, можетъ быть, отъ землетрясеній, чему бываютъ часто подвержены здѣшнія страны.

Столица *Кашемирская*, есть превеликой городъ, лежащій на берегу одного озера, имѣющаго около двадцати верстъ въ окружности, и наполненнаго небольшими островами. Деревa всегда зеленѣющіяся, уподобляютъ ихъ садамъ пріятнаго вида. Рѣка раздѣляетъ городъ на двѣ части, сообщающіяся между собою, посредствомъ деревянныхъ мостовъ. Большая часть домовъ также деревянные; хотя и нѣтъ здѣсь недостатка въ тесаномъ камнѣ, и хотя видны многіе древніе капища, и другіе остатки старыхъ зданій изъ помянутаго камня. Сіи домы имѣютъ по два и по три этажа, и по небольшему саду, въ концѣ котораго находится каналъ, въ озеро впадающій, и на немъ лодка для гулянья. Окружности Сиракапара представляютъ взору множество увеселительныхъ домовъ. Наипріятнѣйшій есть тотъ, которой называется

здѣсь *Царскимъ садомъ*. Приѣзжаютъ въ него по большому каналу, длиною въ пять или шесть сотъ шаговъ, у котораго берега одѣты дерномъ, и осажены деревомъ, тополью. Ведетъ онъ прямо къ бесѣдкѣ посреди самаго сада; а оттуда зачинается другой каналъ, прекраснѣе перьваго, и идетъ до садовой ограды. Берега его сдѣланы косогоромъ, и одѣты камнемъ; да и самое дно также вымощено. По срединѣ выведены, въ нѣкоторомъ между собою разстояніи и въ прямой линіи водомепы, а по сторонамъ многіе круглые водоемы, изъ коихъ также бьетъ вода, и производитъ удивительное въ глазахъ дѣйствіе. При концѣ большаго канала, стоитъ вторая бесѣдка. Онѣ почти всѣ сдѣланы куполомъ, съ галлереею вокругъ и четырмя дверями, однѣ противъ другихъ. Не малая зала посреди и четыре покоя по угламъ, составляющіе помянутыя бесѣдки, которыя въ нутри расписаны, раззолочены, и испещрены стихами Персидскими. У наружныхъ дверей употреблены столбы, взятые изъ древнихъ капищъ идолопоклонническихъ. Я не могъ дойти, изъ какого они камня; но показалось мнѣ, что превосходитъ оной, крѣпостію и мраморъ и порфиръ.

Я еще не видывалъ, сударыня! земли, которая бы въ столь умѣренной обширности заключала толико природныхъ красотъ, какъ провинція Кашемирская. Въ старину была она Королевство, управляемое своими собственными Государями, у коихъ Моголской Императоръ ее отнялъ. Жители сей завидной страны почитаются за остроумнѣйшихъ во всемъ

Индостанѣ. Похваляется въ нихъ дарованіе стихотворства, и они со склонностію къ наукамъ, соединяютъ великую охоту къ трудамъ и работѣ. Въ столярномъ дѣлѣ весьма искусны; золотятъ и лакъ наводятъ съ особливою хитростію. Но главной предметъ ихъ торговли, есть нѣкоторой родъ весьма легкаго шпофа, дѣлаемаго изъ шерсти, или козьихъ волосовъ, превосходящихъ тонкостію бобра. Всякая штука имѣетъ въ длину около трехъ, а въ ширину около двухъ аршинъ. Для тканія оныхъ, употребляютъ они и самыхъ дѣшей. Индейцы обоего пола, зимою носятъ ихъ на головѣ, и распущаютъ на лѣвое плечо, на подобіе плаща. Всѣ прочіе Индейскіе ткачи не умѣютъ дѣлать ихъ ни столь мягкими, ни столь ровными, какъ Кашемирскіе; а по сей причинѣ и предпочитаются послѣдніе во всей Имперіи.

Кашемирцы пригожи и стройны, а женщины прелестны; онѣ не уступаютъ и Лагорскимъ, а напротивъ имѣютъ передъ ними еще нѣчто больше привлекающаго. Чужестранцы, пріѣзжающіе въ Индостанъ, всячески стараются ихъ достать; а приманить ихъ можно помощію небольшихъ подарковъ, деньгами или заѣдками.

Имѣя случай осматривать всю сію провинцію, примѣтилъ я нѣкоторую особливость, которой еще ни гдѣ не видалъ. Въ нѣсколькихъ дняхъ ѣзды, отъ столицы находится источникъ. Во время таянія снѣговъ, случающееся въ мѣсяцѣ Маіѣ, оной течетъ и останавливается обыкновенно три раза на день, поутру, въ полдень и въ вечеру. Сія чрезвычай-

ность продолжается цѣлые пятьнадцать дней. Послѣ вода въ немъ уменьшается, теченіе становится безпорядочнѣе и наконецъ совсемъ онъ изчезаетъ, до будущаго года.

Оставя сіе мѣсто, своротилъ я съ моей дороги, для осмотрѣнія одного увеселительнаго дома старыхъ Королей Кашемирскихъ. Главная его красота состоитъ въ источникѣ ключевой воды, которой обтекаетъ дворецъ кругомъ, и составляетъ множество каналовъ проведенныхъ по саду. Онъ бьетъ съ самаго дна одного колодезя, съ чрезвычайною силою и шумомъ. Вода въ немъ чрезмѣрно свѣтла и такъ холодна, что руки въ ней почти держать не льзя. Садъ наполненъ превеликими аллеями, водомешами, водопадами и водоемами. Я не оставилъ въ другой разъ свернуть съ моей дороги для другаго Королевскаго сада, гдѣ между прочими такогожъ рода пріятностями, видѣлъ каналъ наполненной рыбами, которыя повинуются голосу, и приплываютъ, когда ихъ кликнешь. Иныя изъ нихъ въ ноздряхъ имѣютъ золотыя кольцы съ надписями, показующими ихъ лѣта и имя того, кто надѣлъ кольцо.

По возвращеніи моемъ въ Кашемирскую столицу, услышалъ я, что есть недалеко гробъ одного святаго, отъ котораго безпрестанно происходятъ чудеса, и исцѣляются больные. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, и я поѣхалъ на *Бахамулъ*, имя горы, гдѣ стоитъ помянутой гробъ. Въ мечетѣ нашелъ я камень, которой едва въ силахъ человѣкъ поворотить, и меня увѣряли, что тамошніе попы, помолясь святому, поднимаютъ его

какъ соломинку однимъ концомъ пальца. Въ самомъ дѣлѣ стало ихъ съ двенадцать около камня: но они такъ тѣсно сжались, и платье ихъ было такъ долго, что хотя и дѣйствительно подняли камень, но не могъ я видѣть, какъ его держали. Множество молельщиковъ, коими окружена была мечеть, сказывались больными, и ожидали исцѣленія отъ сего чуда, или, яснѣе сказать, отъ поварни съ превеликими котлами наполненными мясомъ, и заведенными отъ набожныхъ душъ, для пищи приходящимъ на поклоненіе святому. Съ другой стороны видѣлъ я садъ и домъ сихъ поповъ, живущихъ въ блаженномъ изобиліи, подъ тѣнію святаго, коего превозносятъ они чудеса.

Какъ находился я не въ дальнемъ разстояніи отъ провинціи *Кобульской*, то и принялъ намѣреніе, чрезъ нее ѣхать въ Мултанъ, отшуда въ Лагоръ, и наконецъ по большой аллеѣ возвратиться въ Агру. Я не имѣлъ причины быть весьма доволенъ симъ путешествіемъ; ибо ничего не нашелъ, примѣчанія достойнаго. *Кабулъ* былъ въ числѣ провинцій уступленныхъ Тахмасу-Кулы-Хану. Индейцы почитаютъ его за древнюю область своихъ владѣній, и въ стирину такое къ ней имѣли уваженіе, что не признавали своихъ Государей, ежели они тамъ не были коронованы. Сія провинція получила имя свое отъ столицы, которая есть городъ, изрядно построенной, и укрѣпленной двумя замками. Татары пригоняютъ въ него всякой годъ на продажу больше шестидесяти тысячъ *лошадей*; а изъ Персіи получается множество рогатой скотины. Пропитаніе здѣсь весьма не дорого.

Въ сей дорогѣ примѣтилъ я нѣкоторой странной обычай между народомъ, называемымъ *Авганцы*, которыхъ въ окружности очень боятся, по причинѣ чинимыхъ отъ нихъ грабежей. Всякое утро, скоблятъ они себѣ языкъ нѣкакимъ корнемъ, какъ то дѣлаютъ и другіе Индейцы. Но вотъ что особливаго! Они не блюютъ, какъ прочіе, послѣ сего дѣйствія; но садясь обѣдать, лишь положатъ въ ротъ кусокъ или два, то желудокъ извергаетъ все, что можетъ имъ вредить: послѣ чего ѣдятъ уже они съ великою алчностію. Они говорятъ, что ежелибъ не наблюдали сего обыкновенія, не дожили бы до тридцати лѣтъ, и всѣ бы впали въ водяную болѣзнь.

Городъ *Мултанъ*, по которому называется и провинція его, славенъ своимъ пространствомъ, мануфактурами и торговлею. Защищается онъ изрядною крѣпостію, а въ окружностяхъ лежатъ многіе обширные сады и великолѣпные палаты. *Баніаны*, кои составляютъ, большую часть его жителей, ѣздятъ въ Персію, и отправляютъ тамъ нарочитую торговлю; но почитаются не меньше ростовщиками, какъ у насъ Жиды. У нихъ есть законъ, повелѣвающій многимъ братьямъ имѣть общую жену, а дѣти принадлежатъ старшему. Не смотря на то, что вѣрою запрещено употребленіе мяса, есть изключеніе для куриць, кои позволяется имъ ѣсть, нѣкоторые дни въ году. Женщины сей провинціи отважны, дѣйствуютъ оружіемъ, и ѣздятъ верьхомъ, какъ мужчины. Мултанъ ставитъ въ Моголъ и въ Персію шутовъ и скомороховъ обоего пола. Между прочимъ

проворствомъ, кои я видѣлъ, разжигаютъ они на огнѣ желѣзныя цѣпи, и обвиваютъ ими себя по нагому тѣлу, не чувствуя ни малѣйшаго боля. Втыкаютъ въ землю палочку, и разрѣзавъ себѣ подъ мышкою тѣло, мажутъ ее кровью; изъ палочки тотчасъ выходитъ деревцо, которое во мгновеніе ока вырастаетъ и распускаетъ вѣтви; и всѣ сіи хитрости дѣлаются съ великою скоростію.

Въ самой тотъ день, какъ возвратился я въ Лагоръ, отрубили руку одному человѣку, дѣлавшему воровскія деньги. Симъ преступникамъ нѣтъ иной казни во всемъ Индостанѣ. Правда, что мало людей мѣшается въ сіе опасное ремесло, и рѣдко случается видать подложныя деньги; но находятъ средство портить настоящія, обрѣзывая кругомъ монету, ежели она тонка, или просверливая дыру, ежели толста. Воровство дѣлается съ такимъ искуствомъ, что вынявъ изъ монеты нѣсколько металла, закрываютъ совершенно дыру, бія по ней небольшимъ молоткомъ. Одни только *мѣновщики* не могутъ симъ образомъ быть обмануты, и сіе самое чинитъ ихъ необходимо нужными въ землѣ; число ихъ такъ велико, что есть они и по деревнямъ. При большихъ платежахъ, призываютъ оныхъ къ себѣ въ домъ для осматриванія денегъ и за то имъ платятъ по шестьнадцати на сто. Они употребляютъ оселокъ для пробы денегъ; а дабы не потерять частицъ золота и серебра, пристающихъ къ камню, снимаютъ ихъ восковымъ шаромъ и собираютъ симъ способомъ металлъ, въ воску остающійся. Всѣ деньги, приносимыя въ Го-

сударственную казну, бросаются на горящіе уголья; и когда они покраснѣютъ, загашаютъ огонь, и пересматриваютъ монету одну послѣ другой. Ежели найдется какой примѣсь, тутъ же ихъ ломаютъ. Всякой разъ, когда добрыя деньги взносятся въ казну, накалываютъ ихъ поверхности. На иныхъ видно по семи и по восьми ямочекъ; а сіе доказываетъ, что монета была семь или восемь разъ въ казнѣ.

Я не останавливался почти въ Лагорѣ, ѣдучи въ Делли. Прежде моего отъѣзда въ полуденныя провинціи, старался я наипаче познать нравы и бычаи народа Моголскаго. Я былъ на двухъ праздникахъ, отправляющихся всякой годъ, изъ которыхъ одинъ есть, рожденія Императора, а второй торжество перваго дня въ году.

Въ день рожденія, Императоръ убравшись въ самое богатое платье, садится на тронѣ, при коемъ стоятъ всѣ придворные господа на особливомъ возвышеніи, окруженномъ богатыми балясами. Показавшись такимъ образомъ въ великолѣпноубранной залѣ, входитъ онъ въ пребогатой шатеръ, гдѣ приготовлены золотые вѣсы съ драгоцѣнными каменьями, и тутъ его вѣсятъ. Въ одну чашу онъ садится на колѣнахъ, какъ женщина, а въ другую кладутъ золото, серебро, дорогіе каменья, связки разныхъ шелковыхъ штофовъ, бумажныя полотна, перецъ, гвоздику, мушкатной орѣхъ, корицу, хлѣбные зерны, овощи огородные и правы. Разности въ вѣсу съ прошлымъ годомъ держатъ вѣрную записку. Ежели найдется, что Императоръ сталъ тяжелѣе передъ

прежнимъ, нѣсколькими фунтами: всякой оказываетъ радость, и чинятся восклицанія.

Сей обычай, которой наблюдается и между простыми людьми, выдуманъ для оппущенія грѣховъ Индейскими монахами; а они за таковое разрѣшеніе берутъ золото, серебро, и все, что служило вмѣсто гирь. Чѣмъ люди становятся толще, тѣмъ больше попы оппускаютъ грѣховъ.

Послѣ сего обряда, Императоръ раздаетъ самъ нищимъ золотыя и серебреныя деньги, а прочіе Баніанамъ. Потомъ ставятъ передъ него превеликія блюды съ орѣхами, писташами, миндалемъ, и всякаго рода плодами, сдѣланными изъ золота и серебра, и онъ бросаетъ ихъ на своихъ придворныхъ. Самые ближніе ползутъ по землѣ и ихъ поднимаютъ. Помянутые плоды такъ легки, что тысяча насилу стоитъ сорока рублей, и не больше ихъ расходится, какъ рублей сотъ на девять. Вельможи обязаны съ своей стороны, дарить Императора, каждой, смотря по своему богатству. Одни приносятъ къ нему сосудъ съ дорогими каменьями: другіе жемчугъ алмазы или кошельки набитые деньгами. Праздникъ кончится превеликимъ пиромъ, на которомъ проводятъ всю ночь въ пьянствѣ.

Для торжествованія перьваго дни въ году, дѣлается передъ дворцомъ амвонъ, вышиною въ пятьнадцать футовъ, и длиною въ шестьдесятъ; обносится балясами, и покрывается богатыми коврами. Подлѣ него строится другое деревянное возвышеніе, которое расписываютъ и украшаютъ жемчужными раковинами и на немъ собираются придворные господа.

Императоръ приходитъ въ препровожденіи Министровъ на амвонъ, садится на бархатныхъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ подушкахъ, и ожидаетъ подарковъ, кои къ нему приносятся. Сей обрядъ продолжается осмнадцать дней; потомъ онъ самъ раздаетъ вельможамъ и народу милости, состоящія въ чинахъ и достоинствахъ, для тѣхъ, кои наибольше ему подарили. *Ран*, или перьвые въ Государствѣ люди, столь великое имѣютъ почтеніе къ Императору, что съ большимъ подобострастіемъ и покорностію говорятъ передъ нимъ, нежелибъ только передъ самимъ Богомъ. При каждомъ почти словѣ не обходится безъ поклона, а при отпускѣ кланяются весьма низко; подносятъ руку къ глазамъ, потомъ кладутъ на брюхо и опускаютъ до самой земли, въ доказательство, что они передъ нимъ, одна только грязь и пыль. Желаютъ ему всякаго рода благополучій и отходятъ пятясь задомъ.

Часто, во время сихъ праздниковъ, бываетъ особливое увеселеніе въ сералѣ, то есть, ярмонка, отправляемая наипрекраснѣйшими придворными женщинами. Онѣ раскладываютъ куски парчей и шпофовъ, разное шитье, богатыя чалмы и всякіе другіе товары. Императоръ ходитъ по всѣмъ лавкамъ, и торгуетъ, что ему взглянется, какъ бываетъ между простыми людьми. О цѣнѣ споряшъ съ одной и другой стороны, а часто доходитъ и до брани. Иногда допущаются въ сію ярмонку *танцовщицы*, то есть, дѣвки вольной жизни; а между ими есть и такія, на коихъ бываетъ не меньше алмазовъ, какъ

и на Парижскихъ, то есть, тысячь на десять и на двадцать рублей. Большая часть изъ нихъ пригожи и стройны, безъ сихъ двухъ качествъ, рѣдко принимаютъ ихъ въ общество танцовщицъ. Главное ихъ упражненіе состоитъ въ томъ, чтобъ ходить танцовать по домамъ. Онѣ водятъ съ собою мужчинъ, которые играютъ на флейтахъ, гобояхъ и барабанѣ. Пѣсни ихъ и танцы пріятны, но похотливы; а сами онѣ ведутъ жизнь съ лишкомъ вольную. Господа веселятся ими, но поступаютъ гордо и сурово. Свидѣтель тому Амадабашской Губернаторъ, которой, какъ я вамъ доносилъ въ свое время, велѣлъ отрубить головы семи или восьми изъ нихъ, за одно только непослушаніе. Слѣдующая повѣсть, хотя и не столь безчеловѣчная, равнымъ образомъ доказываетъ жалостное состояніе сихъ прелестницъ, которыя во Франціи наслаждаются счастливѣйшею участью.

Одинъ Императоръ имѣлъ любимца, которой остротою разума и веселыми разговорами, въ такую пришелъ у Монарха милость, что призывалъ онъ его къ себѣ всякой день. Однажды принялъ онъ лѣкарство: Императоръ послалъ къ нему цѣлую шайку танцовщицъ, и велѣлъ имъ поднять подолы предъ своимъ любимцомъ. Сей услыша отъ нихъ повелѣніе Монаршее, вздумалъ перевернуть шутку, для увеселенія своего Государя, и спросилъ у нихъ, не приказалъ ли Императоръ съ ними чего больше? Танцовщицы отвѣчали, что не имѣютъ никакого другаго повелѣнія, и начали приготовляться къ исполненію воли Государской. Исполняйте ее точно,

сказалъ имъ больной любимецъ; но берегитесь, чтобъ не превзойти того, что вамъ велѣно. Ежели вы урину испустите, я велю васъ пересѣчь до крови. Послѣ сего объявленія, не было изъ нихъ ни одной, которая бы отважилась подвергнуться сей опасности. И такъ возвратились онѣ ко двору, и донесли Монарху объ отвѣтѣ его любимца. Онъ весьма тому смѣялся, и цѣлой день былъ уже веселъ.

Отецъ Силвеира разсказывалъ мнѣ объ одномъ поступкѣ сего же самаго Императора, которой дастъ вамъ понятіе о нѣкоторомъ родѣ позорища, на коемъ и сами мы были, нѣсколько дней назадъ, то есть, бой звѣрей, отправляющійся здѣсь съ великою пышностію, и сильно любимой во всей Моголской землѣ. „Помянутой Императоръ, говорилъ онъ, лю„билъ смотрѣть сраженіе слоновъ, дикихъ бы„ковъ, леопардовъ, львовъ и тигровъ; а ино„гда доходилъ и до того безчеловѣчія, что „заставлялъ людей биться съ сими дикими „звѣрями. Однажды, какъ давалъ онъ народу „сіе кровопролитное увеселеніе, всталъ одинъ „офицеръ изъ зрителей съ своего мѣста, и „предлагалъ имянемъ Императора награжденіе, „ежели кто захочетъ сразиться съ однимъ „изъ звѣрей; но съ тѣмъ условіемъ, что не „употребитъ другаго оружія, кромѣ сабли. „Награжденіе за побѣду состояло въ Ханскомъ „чинѣ. Между зрителями нашлись трое, кои „приняли предложеніе, и выступили на пло„щадь. Имъ въ другорядь напомнили, что со„изволеніе Монарха было не употреблять „инаго оружія, кромѣ сабли; и что въ про„тивномъ случаѣ, подвергнутъ они себя его

„гнѣву. Выпустили потомъ самаго сердита„го льва, которой пустился прямо на бойца. „Индеецъ храбро защищался; но видя, что „звѣрь къ нему сильно приступаетъ, выхва„тилъ кинжалъ, которой у него былъ спря„танъ въ кушакѣ, воткнулъ онъ въ горло льву, „продолжалъ за нимъ гнаться съ саблею и „повергъ его на землю. Зрители начали ври„чать и выхвалять побѣдителя. Но какъ „шумъ утишился, Великій Моголъ велѣлъ его „передъ себя привесть, и говорилъ: *Должно „признаться, что ты сражался отважно; но „употребилъ въ противность моего запрещенія „кинжалъ. Ты умертвилъ непріятеля своего, „какъ убійца, и тѣмъ заслуживаешь смерть.* „Послѣ чего приказалъ ему разрѣзать брюхо, „что тотчасъ и было исполнено. Впрочемъ „представшій сражаться, ни мало сей казни „не устрашился. Онъ гордо выступилъ про„тивъ выпущеннаго на себя тигра; но звѣрь „вскочилъ къ нему на шею, задавилъ и рас„терзалъ его въ куски. Третій вышелъ на „площадь съ веселымъ видомъ и напалъ на „того же самаго тигра, разъяреннаго еще пре„жнею побѣдою. Оной и на него было бро„сился, ища его повалить, но Индеецъ опру„билъ ему саблею обѣ переднія лапы; и сбивъ „его такимъ образомъ съ ногъ, отнялъ по„томъ у него жизнь. Императоръ призвалъ „сего человѣка передъ себя, и спроса его объ „имяни и состояніи, наградилъ его подарками „и похвалами, и далъ ему заслуженое имъ Хан„ское достоинство.“

Въ прочемъ, таковыя сраженіи у людей со звѣрями бываютъ очень рѣдко въ Моголѣ, и

всегда Индейцы предпринимаютъ оныя изъ доброй воли, а не изъ принужденія. Сіи великіе позорища представляются на ижливеніи Императора, и въ его присутствіи, на нарочно сдѣланной для нихъ площади. Въ звѣринцахъ его для сего кормится множество дикихъ звѣрей. Хотя употребляются иногда и *слоны*; но употребленіе оныхъ благороднѣе, какъ я вамъ то донесу.

Сіи звѣри составляютъ главнѣйшую силу въ Моголскихъ войскахъ. Ихъ считается больше четырнадцати тысячь, изъ коихъ иные содержатся въ Императорскихъ конюшняхъ, иные въ домахъ знатныхъ господъ; нѣтъ ни одного, котораго бы содержаніе не становилось больше шести рублей на день. Кормятъ ихъ хлѣбомъ, то есть, зернами, коровьимъ масломъ, водкою и сахаромъ. При всякомъ служатъ по меньшей мѣрѣ десять невольниковъ: одни изъ нихъ его усмиряютъ и приучаютъ къ огню, зажигая передъ нимъ фейерверки, и спуская его драться со львами и тиграми. Другіе учатъ ихъ проламывать городскіе ворота, и носить на спинѣ ужасныя тяжести; учреждать свои движенія въ воинскихъ походахъ и въ гуляньѣ Великаго Могола. Иные употребляются для оковыванія его цѣпями, для караула, для поливанія его водою, и для отмахиванія мухъ. Иные готовятъ ему пищу и постилку, и всякой имѣетъ назначенное время для своей должности около сего животнаго. Слонъ, на которомъ ѣздитъ Императоръ, покрытъ бываетъ золотомъ и дорогими каменьями: на спинѣ у него ставятъ великолѣпной тронъ, на коемъ Монархъ садится: прочіе придворные

слоны имѣютъ также весьма богатые уборы. Губернаторы въ провинціяхъ стараются подражать пышности Государя; ѣздятъ обыкновенно на слонахъ. Въ гулянье сидитъ одинъ человѣкъ у него на шеѣ безъ всякаго сѣдла; а въ дорогахъ трое, одинъ на хребтѣ, другой на шеѣ, а посреди садится господинъ на покойномъ сѣдалищѣ. Для влѣзанія приставляется лестница, или ставятъ слона на колѣни, которой наклонялсь, протягаетъ ногу и по ней всходятъ ему на брюхо, и наконецъ на спину. Слонъ не поднимается прежде нежели господинъ его совсемъ усядется. Для управленія его употребляется желѣзной крючокъ, и по немъ онъ разумѣетъ всѣ повелѣніи. Шагъ его больше лошадинаго. Онъ не скачетъ, но весьма спорую рысь имѣетъ. Моголцы употребляютъ ихъ вмѣсто окоповъ въ перьвыхъ ошъ непріятеля нападеніяхъ. Всякой слонъ имѣетъ на спинѣ деревянную башню съ превеликими пищалями и съ людьми; но часто случается, что громъ сихъ оружій и ракеты, употребляемыя непріятелями, для устращенія слоновъ, приводятъ ихъ въ такой безпорядокъ, что они дѣлаютъ больше зла своимъ господамъ, нежели тѣмъ, противъ которыхъ выведены.

Вы не повѣрите, сударыня! чтобъ звѣри столь тяжелые и столь огромные, привыкали съ такою удобностію ко всѣмъ играмъ, коимъ ихъ обучаютъ. Въ конюшняхъ Великаго Могола, видалъ я слоновъ, повинующихся наималѣйшимъ хотѣніямъ вожатаго. Онъ заставлялъ ихъ кричать какъ тигры, ржать по лошадиному, передражнивать въ пѣніи птицъ, и подражать звуку трубы; повелѣ-

валъ кланяться стоя на колѣнахъ, ложиться на бокъ, потомъ на другой, и вставать. Все сіе исполняди они по простому словесному повелѣнію: чтобы лечь, протягиваютъ они переднія ноги, потомъ заднія, и послѣ ложатся на брюхо. Иногда употребляютъ, слоновъ для смертной казни. Они на двое человѣка раздѣляютъ рвутъ въ куски, и разбрасываютъ члены. На зубы имъ тогда накладываютъ обострепное желѣзо съ тремя лезвеями, по тому что ученыхъ слоновъ зубы срѣзываются въ концѣ. дабы росли лучше.

Вамъ, надѣюсь, непріятно будетъ, ежели разскажу я, какъ ловятъ сихъ звѣрей въ Индіи и какъ ихъ приучаютъ. Я всѣ сіи обстоятельства знаю отъ отца Силвеиры, которой увѣрялъ меня, что часто бывалъ на ловлѣ слоновъ въ Сіамѣ. „Въ тотъ лѣсъ, гдѣ они обыкно„венно бываютъ, водятъ нѣсколько стадъ „ученыхъ слоновъ, а каждое состоитъ изъ „придцати или сорока, и десяти или двенад„цати вожатыхъ. Когда вожатые увидятъ „дикихъ слоновъ, они приказываютъ слони„хамъ окружить ихъ. (должно при семъ знать, „что онѣ разумѣютъ слова проводинковъ). „Когда въ слѣдствіе того слонихи ихъ обой„дутъ. вожатые сидящіе на слонахъ, къ нимъ „приближаются, и принуждаютъ идти дикихъ „въ круги слонихъ находящихся. Въ нѣкото„ромъ разстояніи отъ лѣсу приготовлена „засѣка, изъ деревьевъ, которыя дикіе слоны „почитая за тотъ же настоящій лѣсъ, идутъ „туда съ прочими одинъ по одному; а какъ „скоро вступятъ, то посреди и съ зади за„кладывается дорога приготовленными для

„того бревнами, и они запираются какъ въ „клѣткѣ, не могши поворотиться ни въ „которую сторону. Бревны къ сему упо„требляемые, такъ толсты, какъ мачты, и „могутъ выдержать всѣ усилія звѣря. „Послѣ связываютъ имъ ноги канатами, но „такъ что могутъ они ступать только, а „уйти не могутъ; и ведутъ ихъ въ одинъ по„крытой домъ, посреди котораго поставлена „толстая мачта, саженъ въ шесть вышины. „Сквозь оную въ верьху идетъ перекладь вер„тящійся какъ воротъ на кораблѣ. Къ сему „перекладу привѣшиваютъ канатами подъ „брюхо пойманныхъ слоновъ, но такъ, что „ногами достаютъ они до земли. Симъ обра„зомъ не могутъ они инаково ворочаться, какъ „вмѣстѣ съ воротомъ. Оставляютъ ихъ въ „семь положеніи два или три дни, въ кото„рые стрегутъ ихъ два слона и двѣ слонихи, „а ѣсть имъ не даютъ. По прошествіи сего „времяни, снимаютъ ихъ съ ворота, и связы„ваютъ съ учеными слонами, съ коими и хо„дятъ они, пока не усмирѣютъ сами собою. „Тогда даютъ имъ своихъ вожатыхъ, и по„ступаютъ съ ними, какъ съ прочими. Иногда „запираютъ ихъ на особливой дворъ, на ко„торомъ построены двѣ четвереугольныя „клетки, обтыканныя полисадникомъ такъ, „чтобы между онымъ могъ пройти человѣкъ. „Изъ за оныхъ люди выходятъ, дразнятъ „слоновъ, и убѣгая за полисадникъ, спасаются „отъ погони сихъ опасныхъ непріятелей.“

„Когда умучатъ такимъ образомъ слона, „вгоняютъ его тогда въ одну клетку, сдѣ„ланную изъ толстыхъ бревенъ, и привязы-

„ваютъ за ноги къ другимъ ученымъ слонамъ, „и оставляютъ въ семъ состояніи до того „времяни, пока примѣръ и голодъ не сдѣлаетъ „его смирнѣе.„

„Есть еще иной способъ ловить ихъ въ „лѣсахъ и по полямъ. Посылаютъ къ нимъ „ученаго слона, на котораго они тотчасъ на„падаютъ, а покамѣсть бьются, связываютъ „имъ заднія ноги, такъ что не могши стоять, „принуждены они бываютъ дать себя весть: „но сіе не можетъ дѣлаться безъ великой „опасности.„

„Въ сихъ ловляхъ попадаются иногда *бѣ„лые слоны*, коихъ родъ очень рѣдокъ, и къ „коимъ Индейцы имѣютъ великое почтеніе. „Они называютъ ихъ царями прочихъ сло„новъ; ставятъ ихъ для житья въ палаты, „даютъ ѣсть на золотой посудѣ; водятъ „подъ *балдахиномъ*; опредѣляютъ къ нимъ „чиновныхъ, слугъ, и цѣлую княжескую свиту; „говорятъ съ почтеніемъ, служатъ съ цере„моніею, и произносятъ передъ ними при„вѣтствіи и рѣчи. Таковая наружная пыш„ность утѣшаетъ слоновъ въ ихъ неволѣ. „Когда они въ чемъ проступятся, обыкно„венно наказываютъ ихъ тѣмъ, что отни„маютъ слугъ, выгоняютъ изъ палатъ и за„пираютъ въ клеткахъ не столь спокойныхъ. „Наказаніе крайне ихъ печалитъ и приводитъ „иногда въ бѣшенство. Случалось, что очень „сильные Государи начинали между собою „кровопролитную войну, для того только, „чтобъ отнять другъ у друга бѣлаго слона. „Побѣдитель почитаетъ себя наисчастливѣй„шимъ Монархомъ въ свѣтѣ, и думаетъ, что

„называясь *Царемъ бѣлаго слона*, имѣетъ „верхъ надъ всѣми своими сосѣдами; въ чемъ „рѣдко ему и спорятъ.„

Есть слоны ужасной величины; меня увѣряли, что видѣли такіе клыки слоновьи, кои имѣли девять футовъ въ длину, толщиною были въ человѣчью бедру, и вѣсили до ста двадцати пяти фунтовъ. Нѣкоторые думаютъ, что слонъ не можетъ гнуть колѣнъ, и что спитъ стоя, по тому что легши однажды, не можетъ встать; но сильно въ томъ ошибаются. Они ходятъ, ложатся, и встаютъ какъ прочіе четвероногіе; а по сему и то не правда, какъ иные увѣряютъ, что для пойманія слона, должно только подрубить дерево, немного повыше корня, и что слонъ прислонясь къ дереву, опрокидаетъ его, самъ съ нимъ падаетъ, и не можетъ потомъ встать.

Сколь ни дики по природѣ своей слоны, они никакого зла не дѣлаютъ, естьли ихъ не раздразнишь; но ежели кто ихъ разсердитъ, защищаются хоботомъ, которой протягиваютъ и сбираютъ по своему желанію. Они схватываютъ имъ человѣка, и бросаютъ отъ себя шаговъ за сто. Бѣгомъ отъ нихъ спастися не льзя; ибо они сами удивительно скоро бѣгаютъ; и чемъ моложе, тѣмъ опаснѣе: обыкновенной ихъ шагъ равняется съ походкою самаго легкаго человѣка, а бѣгъ несравненно превосходитъ, хотя и рѣдко они бѣгаютъ. Когда не стараются ловить ихъ живыхъ, а только доставать, чтобы вынять зубы, то роютъ превеликія ямы, и покрываютъ хворостомъ и листьемъ; а когда онъ упадаетъ, убиваютъ его стрѣлами. Иные со-

бираются во многомъ числѣ, и найдя на слѣдъ звѣря, ждутъ его. Скоро можно узнать, когда онъ идетъ, ибо ломаетъ сучья. Услыша трескъ, гонятся за нимъ въ слѣдъ, и стрѣляютъ въ него изъ луковъ до тѣхъ поръ, пока узнаютъ по истекающей крови и уменьшенію скорости въ ходьбѣ, что онъ обезсилѣлъ. Иногда слонъ уходитъ, не смотря на всѣ полученныя имъ раны; но въ такомъ случаѣ умираетъ онъ, нѣсколько дней спустя, на иномъ мѣстѣ, гдѣ совершенно силъ лишился. По сей причинѣ довольно часто находятъ въ лѣсахъ слоновые зубы; мясо же ѣдятъ другіе звѣри, кости гніютъ, а зубы пропадаютъ самые послѣдніе. Но ежели полежатъ долго на воздухѣ, то портятся и много теряютъ своей цѣны.

Въ иныхъ земляхъ употребляютъ другія хитрости для битья слоновъ. Когда идутъ они спадомъ, охотникъ намазываетъ все себѣ тѣло ихъ каломъ, ползетъ къ нимъ съ копьемъ, старается подойти подъ брюхо, и наровитъ ранить подъ самымъ ухомъ, ибо сіе мѣсто у нихъ всѣхъ нѣжнѣе. Сколь скоро ударитъ, удаляется отъ слона прежде, нежели онъ его увидитъ. Вонь отъ кала обманываетъ прочихъ слоновъ, которые продолжаютъ идти своею дорогою, оставляя товарища въ добычу охотнику. Ежели раненой, не смотря на боль, имѣетъ еще столько силы, что можетъ защищаться, или напасть на своего непріятеля; въ такомъ случаѣ одно остается ему спасеніе, бѣжать виляя изъ стороны въ сторону, въ ожиданіи, пока слонъ ослабѣетъ отъ истекающей крови.

Есть еще иной способъ не столь трудной, и не столь опасной. Слоны обыкновенно къ рѣкамъ ходятъ стадами, веревкою одинъ за другимъ; и слѣдовательно удобно можно примѣтить ихъ слѣды. На дорогѣ копаютъ яму футовъ въ семь или восемь глубины, и около четырехъ въ поперешникѣ, а въ срединѣ оной вбиваютъ преострой колъ. Яму покрываютъ хворостомъ, сучьями, травою и землею, такъ что и человѣкъ могъ бы обмануться. Слонъ, идущій безъ всякаго опасенія, ступаетъ на нее передними ногами, и въ паденіи попадаетъ на колъ, которой пропарываетъ ему шею или грудь; а охотники уже и убиваютъ его тутъ до смерти.

Въ иныхъ земляхъ ѣдятъ слоновое мясо, но оно твердо и непріятнаго вкуса; однакожъ сказываютъ, что ежели хорошо приготвлено и полежало нѣсколько времени, многіе его любятъ. Варятъ его въ водѣ, и готовятъ съ разными соусами. Жаркое не столь хорошо. Хоботъ почитается за наилучшій кусокъ. Въ четырехъ или пяти быкахъ меньше мяса, нежели въ обыкновенномъ слонѣ, которой имѣетъ девять или десять футовъ въ длину, и одиннадцать или двенадцать въ ширину. Слоны, живущіе въ гористыхъ и пустыхъ округахъ, дичѣ и проворнѣе другихъ; ибо имѣютъ часто случаи употреблять свою силу со львами, тиграми и другими подобными звѣрями; а тѣ, кои водятся по полямъ, бываютъ смирнѣе, ибо часто видятъ людей.

Хотя львы и слоны смертельно себя ненавидятъ, и хотя разсказываютъ о смыслѣ сихъ послѣднихъ великія чудеса; не отважусь

я однако выдать вамъ за сущую истинну слѣдующіе примѣры: говорятъ, что одинъ слонъ поймавъ льва, отнесъ его въ лѣсъ, раскололъ дерево, ущемилъ въ него голову своего непріятеля, и оставилъ его издыхать; другой отнесъ льва въ болото, и всунулъ его головою въ грязь, чтобъ задушить. Отецъ Силвеира сказывалъ мнѣ, что Португальцы имѣютъ нѣкоторую дорогую соль, употребляемую противъ дѣйствія яда, которой силу узнали они отъ слоновъ. Они ее называютъ *Нонская соль*, по имяни одной Африканской рѣки, гдѣ она родится. Нѣкоторые, бывъ на слоновой охотѣ, стрѣляли въ нихъ напоенными ядомъ стрѣлами, но съ удивленіемъ видѣли, что слоны ходили и ѣли по прежнему, не чувствуя ранъ своихъ. Они старались узнать причину сей чрезвычайности, и примѣтили, что слоны ходятъ на рѣку, берутъ изъ нея нѣчто хоботомъ и съ жадностію ѣдятъ. Разсматривая, что бы то могло быть, нашли бѣлую соль похожую вкусомъ на квасцы. Португальцы безпрестанно боясь отравы, дѣлали многіе опыты, и увидѣли, что оная соль есть наилучшее лѣкарство противъ яда изо всѣхъ по нынѣ найденныхъ.

Слоны питаются травою; а ежели въ ней недостатокъ, листьями, вѣтвями деревьевъ, тростникомъ и пр. Передними ногами наклоняютъ они вѣтви, а ежели дерево очень высоко, до тѣхъ поръ качаютъ его плечомъ, пока не сломятъ; или пригибаютъ ихъ клыками, чтобы достать до листьевъ. Въ крайней нуждѣ гложутъ они землю и каменье; но отъ сей пищи скоро умираютъ. Правда,

что голодъ могутъ вытерпѣть долгое время и проводятъ не ѣвши дней по десяти; но по сему заключить не можно, чтобъ ѣли они мало, когда находятъ довольную пищу. Одинъ слонъ съѣстъ въ день столько, чего бы стало на недѣлю придцати человѣкамъ. На поляхъ наѣдается онъ до пьяна табакомъ, а иногда тутъ и засыпаетъ. Когда идетъ пить на рѣку, всегда мутитъ прежде воду ногами.

На хвостѣ имѣютъ они нѣкоторой родъ шерсти, или толстой и яснящейся черной щетины: толщина ея и красота умножается съ лѣтами звѣря. Мнѣ сказывали, что въ Африкѣ помянутая щетина превосходитъ иногда цѣну четырехъ невольниковъ, по тому что тамошніе знатные женщины за велико ее ставятъ, и страстно любятъ сіе украшеніе. Никакой человѣкъ не можетъ ее переломить. Дабы достать сію столь уважаемую щетину, Арапы стерегутъ изъ далека слона, и какъ увидятъ, что онъ зашелъ въ какое нибудь тѣсное мѣсто, гдѣ ни оборотиться, ни хоботомъ дѣйствовать не можетъ, то нападаютъ на него и отрѣзываютъ хвостъ. Другіе будучи смѣлѣе, избираютъ время, когда онъ ѣстъ, и опасаются отъ его бѣшенства, бѣгая кругомъ; ибо слонъ по тяжелинѣ своей и по неспособности къ обращенію, не можетъ вертеться съ такою скоростію.

Слоны мало безпокоятся о своей безопасности, ибо надѣются на силу; но какъ съ одной стороны ничего не боятся, такъ и съ другой не ищутъ причинять вреда. Они подходятъ близко къ домамъ, не производя ни-

какого безпорядка, а часто и не уважаютъ, естьли попадается имъ человѣкъ. Иногда поднимаютъ его хоботомъ и держатъ нѣсколько времяни на воздухѣ; но послѣ потихоньку опускаютъ на землю. Правда, что ежели охотникъ его ранитъ, онъ всѣ способы употребляетъ убить своего непріятеля; но по учиненіи отомщенія, не ругается надъ тѣломъ, а напротивъ, первое его тогда попеченіе, вырыть землю клыками, чтобъ приуготовить ему могилу, въ которую кладетъ его весьма опрятно, и загребаетъ пескомъ и листьями. Наконецъ, сіи животные имѣютъ нѣжное чувствованіе, любятъ своихъ господъ, весьма поводливы, и нѣкоторымъ образомъ стыдливы. Они никогда не совокупляются индѣ, какъ въ лѣсахъ, да и тамъ въ самыхъ захолустьяхъ. Не согласаются о времени, сколь долго слониха дѣтей носитъ; одни говорятъ двенадцать, другіе осмнадцать мѣсяцовъ. Утверждаютъ, что сила въ нихъ прирастаетъ отъ самаго рожденія до сорока лѣтъ, и что обыкновенно живутъ они по двѣсти. Ученые слоны никогда не сходятся и дѣтей не родятъ.

Въ семъ мѣстѣ письма моего, помѣшалъ мнѣ звукъ нѣкоторыхъ инструментовъ; что и подало мнѣ случай, предъ окончаніемъ его, сказать вамъ нѣсколько словъ о музыкѣ Могольской. Она вообще очень громка, по тому что инструменты ихъ суть наиболѣе, гобои или рожки, длиною въ девять футовъ, и въ двенадцать дюймовъ въ отверстіи, и звукомъ походятъ на трубы. Съ оными вмѣстѣ и бьютъ въ превеликія мѣдныя или желѣзныя

литавры, имѣющія около шести футовъ въ поперешникѣ. Императорская музыка состоитъ изъ двенадцати помянутыхъ рожковъ, и толикагожъ числа литавръ. Играютъ въ нихъ въ опредѣленные часы днемъ и ночью съ такимъ шумомъ, что я сперва было испужался; но послѣ не только привыкъ, да еще и съ удовольствіемъ слушалъ, особливо въ нѣкоторомъ разстояніи. Сія музыка имѣетъ свои начала въ мелодіи, состоящія въ томъ, чтобъ уменьшить грубой звукъ употребляемыхъ въ ней инструментовъ.

Я есмь, *и пр.*

ПИСЬМО XXXIII.

Продолженіе Моголской Имперіи.

Я пишу къ вамъ, Государыня моя! послѣднее письмо изъ Делли. Чрезъ нѣсколько дней выѣду я отсюда съ корпусомъ войскъ, посылаемыхъ отъ Императора въ Бенгалъ. Я познакомился съ командиромъ, а для насъ сіе не дурно; ибо симъ способомъ достанемъ мы надежныхъ провожатыхъ. Во ожиданіи отъѣзда, донесу я вамъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся до разныхъ провинцій сей Имперіи, но все утверждаясь на словахъ отца Силвеиры. Въ *Награкуйской* провинціи находится капище, привлекающее великое множество молельщиковъ, изъ которыхъ иные, сказываютъ, отрѣзываютъ у себя часть языка, для принесенія на жертву идолу. Утверждаютъ, что потолокъ и полъ капища обитъ золотыми листами. *Канамака*, городъ той же провинціи, есть другое сборное мѣсто для молельщиковъ, въ которое Индейцы приходятъ на поклоненіе пламяни извергаемому изъ огнедышущей горы. Въ небольшой деревнѣ близъ Камбай, но чрезъ которую мы сами не ѣхали по причинѣ отдаленія ея отъ нашей дороги, находится капище славное по особливости чинимыхъ въ немъ набожествъ. Большая часть Индейскихъ прелюбодѣйницъ носятъ въ него дары. Онъ наполненъ обнаженными изображеніями, между коими особливо отличается превеликая статуя мужчины, въ весьма непристойномъ положеніи, которая

въ наибольшемъ почтеніи у престарѣлыхъ женщинъ сего рода жизни. Тѣ изъ нихъ, кои въ цвѣтущихъ лѣтахъ накопили денегъ, покупаютъ на оныя маленькихъ дѣвочекъ, и учатъ ихъ всѣмъ упражненіямъ своего ремесла. Сіи молодыя невольницы, будучи приведены въ капище отъ мастерицъ своихъ на одиннадцатомъ и двенадцатомъ году, почитаютъ за счастіе быть посвящены идолу; и обѣщаютъ ему, по наступленіи своей старости, учить и воспитывать на свое мѣсто молодыхъ, дабы ими продолжить его богочтеніе.

Шиторская провинція была въ старину особое Королевство. Она наименованіе свое береть отъ главнаго города, которой, сказываютъ, имѣлъ тридцать верстъ въ окружности; но нынѣ такъ разоренъ, послѣ взятья его однимъ Императоромъ Моголскимъ, что представляетъ только нѣкоторые остатки своихъ огромныхъ мечетей и великихъ палатъ. Нынѣшній Императоръ и предки его, разорили всѣ старинные города, и запретили ихъ вновь строить; по видимому въ томъ намѣреніи, чтобъ изкоренить память всего, что было больше, и древнѣе ихъ поколѣнія въ Индіи.

Городъ *Годдахъ*, лежащій въ наипрелестнѣйшей странѣ, былъ наипрекраснѣйшій и наилучше выстроенной во всемъ Моголѣ. Онъ окруженъ стѣнами, а домы большею частію въ два жилья, что рѣдко бываетъ въ другихъ городахъ. Многія улицы состоятъ изъ лавокъ съ самыми богатыми товарами. Можно видѣть, что народныя зданіи были въ немъ великолѣпны; а на главныхъ площадяхъ и по

нынѣ осталисъ водохранилищи, окруженныя галлереями, изъ коихъ подѣланы въ нихъ сходы для черпанія воды и для прохлажденія. Положеніе Годдаха превосходитъ и самую красоту города: онъ стоитъ на обширномъ полѣ, украшенномъ многочисленными и порядочными селеніями, и весьма плодоносномъ хлѣбомъ, хлопчатою бумагою, и превосходными пастбами. Повсюду видны небольшія божницы, которыя Индейцы называютъ *лагодами*, и которыя окружены банями, прудами бесѣдками и деревьями разнаго рода, безпорядочно посаженными. Таковое смѣшеніе производитъ весьма пріятное позорище; но городъ находился несравненно въ лучшемъ состояніи, когда принадлежалъ Князю изъ Разбутской породы.

Каллеадъ, небольшой городокъ въ *Мандойской* провинціи, славится по приключенію одного своего Короля. Сей Государь упалъ въ рѣку, что увидѣвъ одинъ невольникъ, бросился вплавь въ воду, и вытащилъ его схватя за волосы. Король пришедши въ себя, хотѣлъ знать, кому онъ обязанъ столь важною услугою; но свѣдавъ, что избавитель его былъ невольникъ, спросилъ у него, какъ онъ отважился наложить руку на голову своего Государя? и тотчасъ велѣлъ его предать смерти. Спустя нѣсколько времяни, сидѣлъ онъ пьяной на краю судна съ своею любовницею, и вдругорядь упалъ въ воду. Помянутая женщина могла его спасти: но вспомнивъ о приключеніи невольника, предпочла дать ему погибнуть, нежели быть подверженной таковой же участи.

Въ Городѣ *Серангѣ* отправляется великой торгъ писанымъ полотномъ, называемымъ *сицъ*, которымъ въ Персіи и Турціи любятъ одѣваться. Дѣлаютъ его и въ другихъ мѣстахъ; но какъ вода тамъ употребляемая хуже, то цвѣты бываютъ не столь живы, и линяютъ скорѣе въ мытьѣ. Въ *Серангѣ* напротивъ того чѣмъ больше моются, тѣмъ становятся лучше. Помянутая вода, дающая живость въ краскахъ, есть рѣчная, и имѣетъ удивительное свойство, что чѣмъ мутнѣе, тѣмъ краски бываютъ живѣе и прочнѣе; и для сей причины фабриканты нарочно избираютъ дни послѣ большихъ дождей, для приготовленія красокъ. Въ томъ же городѣ дѣлаютъ родъ флера, или полотна столь тонкаго, что сквозь его тѣло кажется совсемъ нагое. Купцамъ запрещено его вывозить, а беретъ ихъ всѣ Губернаторъ на Императорской сераль. *Султанши* носятъ изъ него рубашки и платья; ибо Государь, по вкусу Азіатскому, весьма любитъ видѣть ихъ одѣтыхъ въ семъ полотнѣ, и наслаждается всею утѣхою, происходящею отъ наготы, хотя оная и покрыта одеждою.

Я уже сказалъ, что страны, точно подчиненныя здѣшней Монархіи, раздѣляются на тридцать четыре провинціи; изъ коихъ многія предъ симъ составляли особыя Королевства. Главнѣйшія изъ нихъ, послѣ вычисленныхъ мною, суть на востокъ *Iезуатъ*; гдѣ Французы имѣютъ кантору; *Гуалоръ* наилучшее укрѣпленное мѣсто въ Индіи, и въ которомъ построенъ замокъ, для содержанія въ тюрмѣ государственныхъ Моголскихъ колодниковъ. Посылаютъ туда тѣхъ господъ,

коихъ опасаются силы или неспокойства нрава; многіе Князья нашли тамъ и смерть. Въ немъ видна такъ же гробница одного брата *Аурангзебова*, отправленнаго ядомъ отъ сего Монарха.

Патна, названная по имяни своей столицы, славна торгомъ *горючей сѣры*. Городъ въ длину имѣетъ около шести верстъ, одна большая улица наполненная лавками, идетъ чрезъ нее съ конца до конца; домы покрыты соломою и досками; есть однако недурныя капищи, нѣсколько палатъ, и нарочитой замокъ; Голландцы имѣютъ купеческой домъ.

На полдень провинція *Кандисъ*, въ которой столицею *Брампуръ*, отправляетъ не малой торгъ чрезвычайно тонкою кисеею, дѣлаемою по поламъ изъ хлопчатой бумаги и золота. *Соретъ*, небольшой, богатой и многолюдной округъ, лежитъ на западъ равно какъ *Гаяканъ* и *Кандагаръ*: сіи послѣдніе были завоеваны и уступлены Тахмасъ-Кулы-Хану. Сѣверныя провинціи суть *Елба* или *Гелба*, славная своимъ капищемъ, въ которое Банианы ходятъ молиться. *Сиба*, гдѣ рѣка *Гангесъ* вытекаетъ изъ каменной горы, которую жители находятъ похожею на голову коровы, животнаго весьма почитаемаго Банианами; а сіе и привлекаетъ туда купаться великое множество Индейцовъ. Можетъ быть отъ того происходитъ и причина почтенія, кое здѣшніе народы воздаютъ водѣ сей рѣки, во всемъ ея теченіи.

Великій Моголъ имѣетъ надъ сими провинціями, равно какъ и надъ столицею, неограниченную власть деспотизма. Онъ раздѣ-

ляетъ ее съ нѣсколькими Министрами, управляющими Имперіёю подъ его имянемъ. Но достоинство, соотвѣтствующее чину Верховнаго Везиря, часто бываетъ только пустое имя, даемое одному изъ Князей крови, или отцу которой нибудь Султанши. Правда, что получаетъ онь и доходы, кои нарочито велики, но не позволяютъ ему отправлять своей должности. Прочіе государственные чины суть: великій Казначей, который раздаетъ жалованье коронным чиновникамъ, войску, и платитъ государственные долги; главной сборщикъ, который есть начальникомъ надъ сборами податей, даней и обыкновенныхъ доходовъ съ Императорскихъ волостей; начальникъ евнуховъ, котораго можно уподобить Гофъ-маршалу; слоновой Генералъ, или главной Конюшій; Хранитель уборовъ, шатровъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ и пр. и пр. Есть еще чиновникъ, но не столь знатной, коему поручено сбирать на Государя наслѣдство послѣ умершихъ въ службѣ: ибо, какъ всѣ живутъ изъ милости Монарха, то и имѣніе ихъ почитается ему принадлежащимъ. Почти то же дѣлается и въ Оттоманской Имперіи.

Въ городахъ, гдѣ обыкновенно живетъ Великій Моголъ, онъ иногда самъ судитъ своею особою: допускаетъ передъ себя всякаго, въ одной большой залѣ, гдѣ принимаетъ подаваемыя челобитныя и просьбы; а иногда оставляетъ сіе попеченіе Министрамъ. Вицерои провинцій, Губернаторы городовъ, начальники простыхъ селеній, каждой въ своемъ округѣ дѣлаютъ то, что Императоръ въ столицѣ,

и власть ихъ столько же неограниченна. Все то, что я вамъ доносилъ по поводу справедливости и полиціи въ Гузаратской провинціи, наблюдается равнымъ образомъ почти во всѣхъ прочихъ Моголскихъ краяхъ. Главная должность градодержателей состоитъ въ томъ, чтобъ обуздывать пьянство, истреблять корчмы, не допускать до ссоръ, препятствовать ночнымъ собраніямъ, и бдѣть о сохраненіи порядка. Они держатъ во всѣхъ околодкахъ лазутчиковъ: наипаснѣйшіе изъ оныхъ суть нѣкоторой родъ слугъ, или сторожей народныхъ, употребляемыхъ для вымешанія домовъ, и которые чрезъ самую свою работу, могутъ знать о всемъ происходящемъ. Другіе властелины, называемые *Кади* присутствуютъ при свадебныхъ записяхъ, дѣлаютъ разводы, рѣшатъ споры, касающіеся до вѣры. Всякому жителю вольно идти мимо сихъ частныхъ судей, прямо къ Губернатору города, къ Вицерою провинціи, или и къ самому Императору.

Право осуждать на смерть, принадлежитъ однимъ первымъ судьямъ; а они должны подписать приговоръ три раза, въ три разные дни, безъ чего онъ исполненъ быть не можетъ. Но сіе не препятствуетъ имъ быть чрезвычайно строгимъ въ своихъ судахъ. Мнѣ случалось, ѣздя по здѣшнему краю, видѣть по сту казненныхъ разбойниковъ въ одномъ округѣ. Недавно одна дѣвка, которую застали въ объятіяхъ евнуха, казнена слѣдующимъ образомъ: закопали ее живую по самые пахи, руки привязали къ столбу, и въ семъ состояніи должна она была пробыть

трои сутки; ни ѣсть, ни пить ей не давали, голову, плеча и грудь жгло ей солнцемъ. Она вскорѣ умерла; а евнухъ былъ разорванъ на части слонами.

Самые идолопоклонники Индейскіе, подвластны Моголскимъ и Магомепанскимъ судьямъ. Долговременная привычка къ невольничеству, дѣлаетъ ихъ столь покорными, что не жалуются они ни на сей законъ, ни на строгость суда.

Христіанская вѣра терпима въ Моголскомъ государствѣ. Были Императоры, которые, какъ казалось, хотѣли ее принять, и одинъ между прочими, называемой Екбаръ. Вотъ что объ немъ сказывалъ мнѣ отецъ Силвеира, человѣкъ весьма знающій лѣтописи своего ордена. „Сей Государь призвалъ изъ „Гои *Іезуитовъ*, и обязалъ ихъ написать книгу, „*утверждающую* ихъ законъ. Онъ ночи пре„провождалъ въ чтеніи сего сочиненія, и на„конецъ позволилъ Іезуитамъ строить церкви, „проповѣдывать, учить и обращать. При его „наслѣдникѣ были Князья Моголскіе, воспитан„ные въ Христіанской вѣрѣ.“ Отецъ Силвеира думаетъ, что Императоръ, сынъ и наслѣдникъ Екбаровъ, желая имѣть въ своемъ сералѣ Португальскихъ женщинъ, воспользовался симъ случаемъ, чтобъ обязать Іезуитовъ достать ему оныхъ. Онъ требовалъ у нихъ подъ видомъ, что хочетъ на нихъ женить Князей Моголскихъ; но Іезуиты проникнувъ истинное его намѣреніе, не разсудили за благо его удовольствовать. Монархъ сильно за то озлобился; молодые Князья сдѣлались по старому Магомепанами, и надежда Миссіонеровъ изчезла.

Отецъ Силвеира разсказывалъ мнѣ также по поводу книги, сочиненной для Екбара: „что „одинъ Персидской попъ написалъ на нее воз„раженіе; а на оное отвѣчалъ Іезуитъ. и что „сей отвѣтъ былъ напечатанъ въ Римѣ. Онъ „начинался преужаснымъ ругательствомъ про„тивъ Магомета. Сочинителю дали примѣ„чаніе, что симъ образомъ сдѣлаетъ онъ „книгу безполезною для тѣхъ, для кого она „сочинена, по тому что ругательства возпре„пятствуютъ имъ читать ее. И такъ напе„чаталъ онъ другое изданіе, въ которомъ уже „столь хорошо говорилъ о Магометѣ, что „начальники его учинили ему за то строгой „выговоръ."

По всему сказанному, вы можете заключить, что въ Моголѣ мало настоящихъ Христіанъ, и изключая нѣсколько бѣдняковъ, живущихъ подаяніемъ Іезуитовъ, не думаю я, чтобы былъ одинъ Моголецъ исповѣдующій нашу вѣру; да Іезуиты, зная непостоянство сего обманчиваго народа, начинаютъ воздерживаться отъ безполезныхъ расходовъ.

Моголцы слѣдуютъ, какъ Персіане, Аліевой сектѣ, съ нѣкоторою разностію въ толкованіи Алкорана. Во время рамазана, продолжающагося цѣлой мѣсяцъ, строго постятся, Молитву отправляютъ пять разъ въ день, вѣрно дѣлаютъ повелѣнныя омовенія, святятъ пятницу, и наблюдаютъ всѣ обряды Мусулманскихъ сектъ. Мечети ихъ суть четверогольныя и довольно низкія зданія, имѣющія плоскую кровлю и стѣны чрезвычайно бѣлыя. Я, кажется, уже говорилъ, что сей цвѣтъ любятъ сильно Моголцы. Мечети

окружены залами, и имѣютъ иногда домы къ нимъ принадлежащіе, которые отдаются въ наемъ, или въ которыхъ живутъ *Иманъ* и *Мулагъ*. Первой есть приходской попъ, а другой его викарій. Нѣсколько каменныхъ городовъ, и весьма низкая кафедра для проповѣдника, составляютъ всѣ украшенія сихъ храмовъ. Ибо Моголскіе Магометане, какъ и Турецкіе, не терпятъ ни статуй, ни живописи. Подлѣ мечети находится водобой, изъ котораго Мусульмане моютъ себѣ руки и ноги, прежде нежели войдутъ въ мечеть. Здѣсь также наблюдается, какъ вы то видѣли прежде у Турковъ, обычай призывать на молитву съ башни, по пятницамъ ходить въ главную мечеть, для слушанія Алкорана и пр.

Мулаги не имѣютъ опредѣленнаго дохода, а живутъ произвольнымъ подаяніемъ, или отъ своихъ школъ. Большая изъ нихъ часть ведетъ примѣрную жизнь. Иногда попадаются между ими ученые люди: многіе посвящаютъ себя на обученіе юношества, иные совсемъ не женятся, предаются уединенію, проводждаютъ дни въ молитвѣ и размышленіяхъ.

Они бываютъ съ Кадіемъ при свадебныхъ обрядахъ у Индейскихъ Магометанъ. Здѣсь довольно въ обыкновеніи сговариватъ дѣвокъ въ самомъ младенчествѣ; но онѣ не прежде съ мужьями жить начинаютъ, какъ пришедъ въ совершенной возрастъ, и получа позволеніе отъ отца и матери. Когда родители согласны съ обѣихъ сторонъ, и день для свадьбы назначенъ, приводится къ жениховымъ дверямъ лошадь убранная цвѣтками, на которой ѣдетъ онъ по главнымъ улицамъ города, въ прово-

жаніи своихъ сродниковъ, пріятелей, будучи окруженъ музыкантами, шутами и людьми несущими надъ ними зонтики. Онъ останавливается предъ домомъ невѣсты, и забавляетъ ее, потомъ самъ къ ней входитъ. Сажаютъ его на коврахъ, нарочно разостланныхъ для сего обряда. Невѣста, бывшая передъ тѣмъ въ банѣ, приводится сродницами, убранная въ цвѣтахъ, напрысканная благовонными духами, и садится подлѣ жениха. Въ томъ же покоѣ находится Иманъ и мирской судья. Перьвой читаетъ нѣкоторыя молитвы изъ алкорана: и приведши къ присягѣ жениха, что въ случаѣ развода онъ опредѣлитъ ей содержаніе, даетъ имъ свое благословеніе и уходитъ. Судья, которой до того былъ шутъ какъ простой свидѣтель, записываетъ бракосочетаніе въ книгу и можетъ оспаться, ежели хочетъ, на пиру, послѣдующемъ за вѣнчаніемъ.

Оной бываетъ весьма великолѣпенъ; Моголцы ничего на него не жалѣютъ. Случается иногда однакожъ, что все празднество состоитъ въ одномъ ужинѣ; а иногда сродники и пріятели продолжаютъ пиршество чрезъ нѣсколько дней, и особливо въ такомъ случаѣ, когда окажутся знаки совершенія брака. Ежелижъ мужъ найдетъ дорогу пробитую, не дѣлаетъ затрудненія бросить жену. Когда самъ пропуститъ три или четыре дни, не давъ женѣ доказательствъ о своей способности, а она въ томъ откроется пріятельницамъ; тогда одна изъ ея сродницъ, посылаетъ къ нему въ насмѣшку прялицу, какъ бы ища, чрезъ то ему дать знать, что понеже онъ не

годится для исправленія должности мужчины, долженъ лучше приняться за женскую работу.

Браки Магометанъ въ Моголѣ могутъ и разрушиться; мужчины вносятъ точно въ контрактъ, что вольно имъ отпустить жену, не только по причинѣ прелюбодѣйства, или неплодородія, какъ въ Турціи, но и самаго малѣйшаго отвращенія, назначая имъ однако довольное содержаніе; приданаго назадъ не отдаютъ, по тому что онѣ не приносятъ за собою ничего, кромѣ платья и каменьевъ, естьли имѣютъ оные, выходя замужъ.

Одинъ мужчина можетъ жениться на многихъ женщинахъ. Я зналъ купцовъ, кои имѣютъ серали въ главныхъ городахъ, куда дѣла ихъ призываютъ. Они всегда вѣрны, что будутъ приняты хорошо; по тому что въ каждомъ домѣ стараются привлечь ихъ и долѣе удержать ласкою. Женщина не можетъ въ судѣ выпросить развода инако, какъ доказавъ, что мужъ ее билъ, или что не даетъ чѣмъ кормиться. Естьли разводъ воспослѣдуетъ, онѣ берутъ дочерей съ собою, а сыновьевъ оставляютъ мужьямъ. Моголцы воспитываютъ дѣтей съ великимъ стараніемъ, а сіи горячо любятъ родителей. Они лишаютъ себя и самой пищи, чтобы быть въ состояніи удовольствовать нужды тѣхъ, отъ коихъ жизнь получили.

Не смотря на великую подвластность женъ, и строгость брачныхъ законовъ, часто производятъ они безпорядки въ домахъ, и даже въ Императорскомъ сералѣ. Мнѣ сказывали, что во время Ауренгзебово, нашли двухъ мужчинъ, кроющихся въ дворцовыхъ

садахъ; а введены они туда были любимою Султаншею. Продержавъ ихъ тайно нѣсколько дней, и истощивъ ихъ силы, приказала она выпроводить ихъ женщинамъ, участвовавшимъ въ семъ дѣлѣ; но оныя, или думая что ихъ примѣтили, или просто чего испужавшись, ушли, и оставили заключенныхъ однихъ, не могущихъ найти выхода изъ сераля. Они были взяты и приведены предъ Императора, которой между прочимъ спросилъ у одного: какъ онъ вошелъ? но не могши другаго отвѣта добиться, какъ только что перелѣзъ чрезъ стѣну, приказалъ выслать его тою же дорогою; и евнухи исполняя повелѣніе, сбросили его съ стѣны. Другой просто признался, что вошелъ въ ворота. Ну! такъ сказалъ Императоръ безъ гнѣва: „выведите же его въ „ворота;“ но вымѣстилъ онъ сердце свое на евнухахъ, стрегущихъ дворецъ.

Серали богатыхъ людей, Вицероевъ и Губернаторовъ въ большихъ городахъ, составлены изъ многихъ женщинъ, имѣющихъ каждая особые покои, особыхъ невольницъ и всѣ желаемыя выгоды. Вы съ трудомъ тому повѣрите, чтобъ частные люди могли выдержать подобные расходы, ежели не представите себѣ, что здѣсь всѣ богатствы заключены въ небольшемъ числѣ сильныхъ фамилій, и что главная часть слугъ не требуетъ иной награды, кромѣ содержанія, которое едва составитъ на годъ десять или двенадцать рублей; ибо они ѣдятъ одно пшено вареное въ водѣ.

Женщины Моголскія, когда выходятъ изъ дома, что рѣдко случается, ѣздятъ, ежели

богаты, въ открытой каретѣ, или носятъ ихъ въ паланкинѣ; иныя ѣздятъ верьхомъ съ закрытымъ лицемъ. Однѣ только бѣдныя и народныя прелюбодѣйницы ходятъ пѣшкомъ и лица не закрываютъ. *Паланкины*, суть родъ качалокъ, длиною отъ шести до семи футовъ, а шириною въ три, съ небольшими вокругъ балясами. Они придѣланы къ долгому шесту; а носимы бываютъ, смотря по долготѣ дороги, четырмя, шестью и осмью человѣками, идущими гусемъ, половина съ переди, а другая съ зади. Въ нихъ могутъ не только сидѣть, но и лежать нѣсколько человѣкъ. Носильщики идутъ босикомъ и перемѣняются. Музыканты, сторожи, повара, тѣ, кои несутъ палатки, съѣстные припасы и рухлядь, идутъ также пѣшкомъ около качалки; ибо кормъ скота такъ дорогъ, что одни только Князья и самые богатые люди могутъ имѣть за собою лошадей, быковъ или верблюдовъ.

Палеки, другой родъ здѣшнихъ колясокъ, суть превеликіе крытые возки, на двухъ колесахъ; въ кои запряжены быки, а верьхъ походитъ на покатую кровлю. Иные изъ нихъ съ окошками и съ занавѣсками, кои можно опущать и поднимать, а иные съ решетками изъ тростника. Въ сихъ возкахъ ѣздятъ въ дальнія дороги, взявъ съ собою не малое число людей для охраненія, и довольно съѣстныхъ припасовъ; ибо постоялые дворы здѣсь рѣдки и дурны. Главныя надобности путешествующаго въ Индіи состоятъ въ палаткѣ, въ коврѣ, войлокѣ, подушкѣ, двухъ одѣялахъ, изъ которыхъ одно служитъ вмѣсто тюфяка; въ кожѣ, на которой ѣдятъ, нѣсколькихъ ши-

ральникахъ, поваренной посудѣ и блюдахъ, во пшенѣ, водѣ и лимонахъ. Вотъ, сударыня! въ чемъ съ давнаго времяни состоитъ мое походное имущество. Въ одномъ чемоданѣ лежитъ все мое бѣлье, платье и другія вещи. Тѣ, кои не принимаютъ таковыхъ предосторожностей, подвержены бываютъ разнымъ болѣзнямъ. Есть особливо одна, отъ коей безъ великаго труда спастись не можно: въ ногахъ зараждаются черви, причиняющіе опасное запаленіе. Обыкновенно они сами выходятъ по окончаніи пути, но иные не скоро иногда покидаютъ. Они такъ долги и тонки, что можно ихъ почесть за самыя тонкія жилки. Избавляются иногда отъ нихъ пѣмъ, что намотываютъ ихъ какъ нитку около палки, и тянутъ весьма осторожно, чтобъ онъ не перервался. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Россіи водятся сіи или подобные имъ черви, и тамъ ихъ называютъ *волосатиками*.

Я уже сказалъ, кажется, что Императоръ путешествуетъ съ чрезвычайною пышностію и великолѣпіемъ. Онъ всегда имѣетъ двойные шатры и палатки, изъ коихъ одни посылаются въ передъ, дабы пріѣхавъ, было все въ готовности. Возятъ ихъ со всемъ къ нимъ принадлежащимъ на слонахъ, верблюдахъ, лошакахъ и на невольникахъ. Все, что ни есть драгоцѣннаго въ уборахъ, посудѣ и украшеніяхъ, входитъ въ дорожной снарядъ. Берутъ въ таковые походы даже и звѣрей изъ Императорскаго звѣринца: ибо сіи сластолюбивые Монархи, не обходятся и въ дорогѣ безъ всѣхъ тѣхъ выгодъ и удовольствій, коими

пользуются посреди городовъ. Сего еще не довольно: они требуютъ, чтобы лагери ихъ походили сколь возможно больше, на ихъ дворцы. Маршалъ двора выбираетъ мѣсто и назначаетъ: лопатники оное чистятъ, сравниваютъ, раздѣляютъ на разныя части, соображаясь моделѣ, на которую смотрятъ, и на разные покои, кои въ нутри всегда богато убираются. Для женщинъ и для придворныхъ ставятся особые. Съ наружи палатки росписаны кистью; а весь округъ обносится заборомъ изъ толстаго холста, подбитаго другимъ тонкимъ полотномъ.

Когда Императоръ въ дорогѣ, носятъ передъ нимъ многія серебреныя фигуры, представляющія животныхъ, руки, вѣсы и другія разныя вещи, придѣланныя къ долгимъ шестамъ. Султанши ѣдутъ въ каретахъ, запряженныхъ малыми слонами, верблюдами или *быками*. Послѣдніе служатъ и для верьховой ѣзды въ дорогѣ. Шагъ ихъ покоенъ, управляютъ ими свободно безъ всякой узды, а продѣтъ только въ ноздри снурокъ. На ровныхъ мѣстахъ ихъ не куютъ, а только въ каменистыхъ и трудныхъ. Сильные идутъ, сказываютъ, два мѣсяца, версть по семидесяти на всякой день. Пища ихъ состоитъ въ трехъ комахъ муки, замѣшанной на коровьемъ маслѣ и сахарномъ пескѣ по утру; а въ мѣркѣ растолченнаго и моченаго гороха, по вечерамъ.

Въ Моголѣ довольно въ обыкновеніи отдавать въ наемъ быковъ, водить ихъ, перевозить на нихъ всячину изъ мѣста въ мѣсто; словомъ, быть извозщикомъ. Въ Индіи есть цѣлыя *касты* или колѣны, которые не

имѣютъ другаго ремесла. Одни возятъ хлѣбъ, другіе пшено, иные огородные овощи, иные соль. Перьвые имѣютъ на лбу красной знакъ шириною въ палецъ и полосу въ доль носа, на которой наклеиваютъ нѣсколько зеренъ хлѣба; вторые означены жолтымъ, и наклеиваютъ на носъ пшено; третьи имѣютъ знакъ сѣрой и просовые зерны; у четвертыхъ всегда виситъ на шеѣ мѣшокъ съ солью. Ни одни изъ нихъ не имѣютъ постояннаго жилища, а живутъ въ палаткахъ. Жены и дѣти слѣдуютъ за ними по дорогамъ. Какъ они всегда ѣздятъ караванами, то съ собою возятъ и жрецовъ своихъ и идоловъ. Быкъ везущій ихъ божество, въ великомъ у нихъ почтеніи. Извозщики каждаго колѣна имѣютъ своего начальника, которому даютъ великую надъ собою власть, и котораго узнать можно по жемчужной нитки. Женщины снимаютъ и связываютъ палатки, я мужчины вьючатъ скотовъ. Онѣ на себѣ имѣютъ одинъ только лоскутъ полотна, которымъ обвиваются отъ пояса до ногъ; прочее все наго, и кожа на тѣлѣ росписана цвѣтами.

Въ Индіи часто попадаются таковые караваны, и иногда такъ случается тѣсно на дорогѣ, что принужденъ бываешь остановиться, пока они не очистятъ проѣзда, что продолжается часто по цѣлому дню, а особливо на такихъ узкихъ дорогахъ, каковы суть въ Моголѣ. Не рѣдко бываетъ, что увидишь вдругъ тысячь двенадцать быковъ, коихъ ведутъ половина мужчинъ, половина женщинъ, кои нагружены пшенонъ, или. солью, перевозимою изъ одной провинціи въ другую.

Ежели одна каста съ хлѣбомъ, а другая съ овощами, ѣдутъ по той же дорогѣ, и отъ того учинится остановка, то доходитъ между ими до кровопролитной ссоры, кому ѣхать прежде; ибо имѣютъ они ужасную одна къ другой зависть и ненависть, производящую всегдашній споръ. Счастіе еще, что начальники могутъ имъ приказывать, а между сими Императоръ учредилъ, совершенное равенство, пожаловавъ имъ жемчужныя нитки; по чему они взаимно сами себя почитаютъ. Караваны, изъ возовъ состоящіе, не столь многочисленны, какъ изъ вьючнаго скота. Рѣдко встрѣтишь ихъ больше двухъ сотъ вдругъ. Возы тянутъ десять и двенадцать быковъ и при всякомъ по четыре человѣка, идущіе по два на каждой сторонѣ телеги: они держутъ каждой за конецъ двѣ веревки, коею телега поперегъ связана, дабы поддержать, ежели станетъ валиться на бокъ.....

Отецъ Силвеира пришелъ ко мнѣ, и зоветъ съ собою на похороны, куда онъ приглашенъ. Сей обрядъ такъ, какъ онъ отправляется у Моголскихъ Магометанъ, есть членъ ихъ вѣры, о которой я еще вамъ не доносилъ; но вскорѣ буду въ состояніи то исполнить.

Нѣтъ ничего печальнѣе и ничего благопристойнѣе зрѣлища, на которомъ я былъ. Оно обыкновенно бываетъ преслѣдуемо плачемъ и рыданіемъ, продолжающимся нѣлые три дни. Жены, дѣти, сродники и сосѣди воютъ. Попомъ омываютъ тѣло, напираютъ его разными благовоніями, и завертываютъ въ крѣпкое полотно, зашивая его тол-

стыми нитками. Попы ходятъ нѣсколько разъ кругъ мертвеца, и читаютъ молитвы изъ алкорана. Восемь или десять человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи, кладутъ его во гробъ, и несутъ въ могилу. Сродники и друзья также въ бѣломъ: (ибо сей цвѣтъ здѣсь траурной) идутъ по два въ рядъ, съ великимъ порядкомъ и благочиніемъ. Тѣло кладутъ въ могилу на правой бокъ, ногами къ полдню, а лицемъ къ востоку, въ сторону Мекки. Покрываютъ его досками, и бросаютъ на нихъ землю; потомъ всѣ присутствующіе идутъ мыть руки въ близъ лежащее водохранилище, нарочно для сего употребленія сдѣланное; оттуда возвращаются они съ попами къ могилѣ, читаютъ небольшую молитву, съ откровенною главою, сжавъ руки, и поднявъ очи къ небу, становятся въ прежній порядокъ, и провожаютъ сродниковъ до самаго покойникова дома, откуда всѣ расходятся съ важнымъ и скромнымъ видомъ.

Болѣзни, отъ которыхъ здѣсь наибольше умираютъ, суть кровавые поносы и горячки. Нѣтъ здѣсь недостатка въ докторахъ, а еще меньше въ лѣкаряхъ, кои за одно почитаются съ цирюльниками. Они умѣютъ кровь пускать и горшки накидывать, въ чемъ и состоитъ все ихъ знаніе. Моголцы живутъ однако не совсемъ въ крайнемъ невѣжествѣ: сверхъ духовныхъ книгъ и своихъ собственныхъ философическихъ сочиненій, имѣютъ они на Арабскомъ языкѣ *Аристотеля*, знаютъ *Авиценновы* книги; и хотя нѣтъ у нихъ нарочныхъ писателей, какъ у насъ, но хранятъ они въ архивахъ записку всему произшедшему и при-

мѣчанія достойному въ Имперіи. Бывшіе при дѣлахъ, по большой части оставляютъ частныя записки, кои служить могутъ ко всеобщей исторіи. Образъ ихъ писанія, хотъ не столь цвѣтистъ и силенъ, какъ у Арабовъ и Персіанъ, не имѣетъ однако недостатка въ краснорѣчіи. Языкъ ихъ раздѣляется на многія нарѣчіи, но когда одинъ твердо знаешь, другіе скоро будешь понимать, и чужестранцы безъ труда имъ обучаются. Въ прочемъ нѣтъ человѣка между знатными, которой бы не говорилъ по Персидски и по Арабски. Я не имѣлъ трудности дать себя выразумѣть, и съ самаго начала, когда учился еще Моголскому языку. Правда, что здѣсь не насмѣхаются, какъ у насъ надъ чужестранцомъ, которому случится сдѣлать погрѣшность въ языкѣ; а напротивъ въ большихъ городахъ, такъ учтиво въ сихъ случаяхъ поступаютъ, что не только не смѣются худо произнесенному слову, но напротивъ и не заставляютъ вдругорядь переговорить то, что худо выразумѣли; зная, что чужестранной не въ состояніи лучше изъясниться.

По сему вы можете судить, сударыня! о нравѣ Моголцовъ. Они имѣютъ благородную душу, тихой нравъ, учтивые пріемы, разумной и пріятной разговоръ. Хотя деспотизмъ ихъ изнурилъ, но они сохранили еще нѣсколько той храбрости, которую получили отъ Татаръ, своихъ предковъ; и Тамерланова слава оживотворяетъ въ сердцахъ ихъ остатки древняго мужества, чрезъ которое учинились они наиспрастнѣйшимъ народовъ въ Азіи. Народы здѣшніе вообще имѣютъ стройное тѣло, ростомъ высоки, сложеніемъ

сильны, великолѣпны въ одеждѣ, въ убранствѣ домовъ, въ пирахъ и праздникахъ; но о наружномъ украшеніи домовъ своихъ нерадятъ. Изключая нѣсколько палатъ, о коихъ я вамъ доносилъ, домы самыхъ большихъ господъ построены изъ глины смѣшанной съ простою землею и связанной известію, въ которую кладутъ коровій калъ, дабы не завелись насѣкомые; бѣлятъ ихъ составомъ изъ правы, молока, сахару и нѣкоторой смолы, отъ чего домы очень свѣтятся. Въ прочемъ они пространны и раздѣлены на большія и покойныя горницы. Къ сему прибавить должно хорошіе сады, цвѣтники, прекрасныя алеи, рощицы, пруды, бесѣдки изъ деревьевъ сплетенныя, портики, бани, пирамиды, и все то, что можетъ служить къ наружному украшенію зданія. При входѣ дома, а особливо у купцовъ, строится родъ сарая, или сѣней, въ которыхъ раскладываютъ товары, и принимаютъ гостей. То же почти видно и предъ Губернаторскими домами: превеликой навѣсъ на четырехъ столбахъ, представляетъ залу, гдѣ они допускаютъ къ себѣ просителей; въ торжественные дни убираютъ ихъ великолѣпно и въ вечеру освѣщаютъ множествомъ свѣчь; въ прочіе же дни можно ихъ уподобить рыношнымъ лавкамъ. У простыхъ людей домы построены изъ земли и соломы, и обмазаны коровьимъ каломъ, кровли плоскія, низкія и покрыты просинникомъ. Нѣтъ въ нихъ ни погребовъ, ни высокихъ свѣтлицъ, а у дверей ни замковъ, ни засовокъ, ниже оконъ на улицу, отъ чего всѣ они невеселы и темны; продушины по бокамъ сдѣланныя не имѣютъ оконницъ. Вы

уже видѣли, что ежели Моголцы не пышны въ украшеніи домовъ съ наружи, то напротивъ убираютъ ихъ въ нутри съ великимъ вкусомъ и великолѣпіемъ: повсюду видны богатые ковры, драгоцѣнной лакъ, насѣчки, или лучше, наклейки фарфоровыя и перламутовыя, золотая и серебреная посуда, и все то, что роскошь и нѣга Азіатская, могутъ вымыслить рѣдкаго и великолѣпнаго.

Въ одеждѣ ихъ есть нѣчто благороднаго, но оная различествуетъ по провинціямъ: въ тѣхъ, кои лежатъ больше на востокъ, мужчины носятъ платья до половины икры съ завязками съ верьху до низу. Подъ симъ перьвымъ имѣютъ они камзолъ полотняной, или шелковой, которой служитъ вмѣсто рубашки, и покрываетъ бедры; порпки широкіе съ верьху, а узкіе въ низу набранные на ногахъ, и спадающіе по самыя лодыжки, съ ихъ башмаками, составляютъ единственную обувь; башмаки сдѣланы изъ красной позолоченой кожи, широки, не привязаны, дабы легче ихъ снимать; что Моголы и дѣлаютъ прежде нежели войдутъ въ покой, дабы не замарать ковра. Въ странахъ сосѣднихъ съ Персіею, платье у нихъ открыто съ переди, но они его запахиваютъ подъ лѣвую руку, а кушакъ завязанъ съ переди и концы его висятъ. Сіи послѣдніе обыкновенно бываютъ красные шелковые съ бѣлыми полосами и золотомъ. За него затыкаютъ они кинжалъ, у котораго ручка сдѣлана или изъ какого дорогаго металла, или изъ рѣдкаго камня; ножны также богатыя. Чалмы свиваются изъ долгаго куска кисеи, которыми опутываютъ голову нѣсколько разъ. Чернь одѣта

простѣе, но благопристойно. Попы носятъ широкія бѣлыя рясы изъ бумажнаго полотна.

Юпка у женщинъ состоитъ изъ куска кисеи, которой обвертываютъ онѣ три или четыре раза около себя, отъ самаго пояса до ногъ. Подъ нимъ носятъ портки, похожіе на мужскіе. Такъ бываютъ онѣ одѣты дома, гдѣ ничего не носятъ на головѣ, ни на ногахъ, имѣя нагое тѣло до пояса. Когда же выходятъ, надѣваютъ платье, подпоясываются кушакомъ, и берутъ покрывало; но все сіе такъ тонко и широко, что часто видны у нихъ плеча и груди наружи. Я не упоминаю объ ожерельяхъ, перстняхъ, кольцахъ, жемчугѣ, о золотыхъ, серебреныхъ, хрустальныхъ, лаковыхъ, костяныхъ обручахъ, которыми украшаютъ онѣ шею, уши, пальцы, руки, ноги и ноздри; ибо помнится, сказалъ уже, сколько Азіатскія женщины страстны къ симъ нарядамъ. Моголки вяжутъ волосы кудрями, и распущаютъ ихъ по плечамъ.

Хотя музыка не учинила великихъ успѣховъ у сихъ народовъ, любятъ они ее однако всѣ вообще; страстно же привязаны къ игрѣ, и особливо въ шашки. Законъ, запрещающій употребленіе вина, чернью свято наблюдается, за пьянство наказываютъ строго, и рѣдко виноватой избавляется отъ плети; у Князей же Моголскихъ оное есть обыкновеннымъ упражненіемъ. Пришло мнѣ теперь, по случаю сего, на мысль одно приключеніе, которое я вамъ опишу: одинъ Императоръ позвалъ къ себѣ ужинать Португальскаго Посла, съ главнѣйшими вельможами своего Двора, и пиръ продолжался до самой глубокой ночи. Государь напился пьянъ прежде всѣхъ, и позво-

лилъ сотрапезникамъ слѣдовать своему примѣру. На другой день, нѣкто не подумавши, сказалъ, что многіе изъ придворныхъ пили вино. Монархъ, которой въ пьянствѣ позабылъ о своемъ повелѣніи, хотѣлъ знать, кто принесъ оное. Онъ свѣдалъ, что подавалъ его подчашій, но ни кто не осмѣлился примолвить, что самъ Государь позволилъ пить. Тогда велѣлъ призвать виноватыхъ, осудилъ однихъ на денежной штрафъ, а другимъ велѣлъ дать по тридцати ударовъ плетью; не удовольствуясь симъ, приказалъ онъ топтать ихъ, и далъ знакъ придверникамъ, чтобъ они изломали объ нихъ палки. По окончаніи сего безчеловѣчнаго наказанія, отнесли ихъ всѣхъ избитыхъ изо дворца, и одинъ изъ нихъ тутъ же умеръ. Моголцы оказываютъ великое отвращеніе къ грубымъ порокамъ, но дома предаются пьянству и самымъ безчеловѣчнымъ распутностямъ.

Я пишу то, что случится при моихъ глазахъ, не наблюдая порядка. По сей причинѣ и донесу вамъ теперь, о пріемѣ Посла Турецкаго, недавно прибывшаго въ сію столицу. Онъ сдѣлалъ въѣздъ съ многочисленною свитою, состоящею по большой части изъ Моголцовъ, посланныхъ къ нему для почести съ придворною музыкою и сто слонами. Самъ онъ имѣлъ множество лошадей богато убранныхъ; а богажъ его везли шестьдесятъ человѣкъ. Онъ былъ введенъ въ покой на переднемъ дворѣ, а оттуда въ залу аудіенціи. При первыхъ перилахъ учинилъ онъ унижающій обрядъ *сицелы*, которой въ томъ состоитъ, чтобъ пасть ницъ, и бить нѣсколько разъ лбомъ въ землю. Подалъ потомъ грамату своего

Государя, и Великій Моголъ принялъ оную, уклоняясь нѣсколько, и спрашивая, какъ находится Императоръ его братъ? По коротком отвѣтѣ, котораго я не слыхалъ, ибо стоялъ далеко, посадили Посла на седьмомъ ряду, противъ дверей; ибо вышнія мѣста заняты были вельможами. Мнѣ не жаль было, что поступали съ нимъ такъ съ малою отличностію; ибо признаюсь, что съ негодованіемъ видѣлъ я Министра, присланнаго отъ столь Великаго Государя, согласившагося подлымъ образомъ на исполненіе обряда сицеды, отъ котораго большая часть прежде бывшихъ Турецкихъ Пословъ умѣли отговориться. Великій Моголъ по обыкновенію подарилъ ему кафтанъ и кушакъ, а Посолъ благодарилъ *сицедою*, или земнымъ поклономъ. Съ своей стороны подводилъ онъ Императору прижды въ различное время, двадцать семь Персидскихъ и Арабскихъ лошадей: всякой разъ приводили ихъ по девяти, по тому что сіе число есть таинственное у Турковъ; за оными слѣдовали девять лошаковъ и девять верблюдовъ навьюченныхъ богатыми штофами, оружіемъ, уборами домовыми, и пр. Сіи подарки не были на перьвой аудіенціи; но Посолъ подалъ имъ реэстръ, а отнесены были они къ Императору, нѣсколько дней спустя.

Мнѣ пришли сказать сію минуту, что отправленіе войскъ посылаемыхъ въ Бенгалъ, назначено черезъ недѣлю, мнѣ едва станетъ времяни на мои приуготовленіи; ибо какъ мы пойдемъ тихо, то должно и больше заготовить съѣстныхъ припасовъ.

Я есмь, *и пр.*

ПИСЬМО XXXIV.

Продолженіе Имлеріи Моголской.

Наконецъ, Государыня моя! по долговремянномъ путешествіи, пріѣхали мы въ Бенгалъ, котораго видъ заставилъ отца Силвеиру пролить слезы. Я у него спросилъ о причинѣ его печали, и свѣдалъ, что близъ сего города одинъ молодой человѣкъ, а ему съ материной стороны сродственникъ, былъ жертвою безчеловѣчій учиненныхъ въ Индіи Португальцами. Спасшись отъ преужасной бури съ нѣсколькими товарищами, своими земляками, пристали они въ шлюпкѣ къ здѣшнему берегу. Жители, раздраженные претерпѣнными насильствіями, учинили обѣтъ приносить на жертву своимъ идоламъ наипрекраснѣйшаго изо всѣхъ могущихъ попасться имъ въ руки Португальцовъ. Сіе нещастіе имѣлъ дѣдъ отца Силвеиры по матери, которой съ прелестнымъ видомъ былъ тогда въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и на котораго палъ жребій. Сіе произшествіе, коего память сохраняется въ его родѣ, живо представилося ему въ памяти при видѣ мѣста, гдѣ совершилось.

Прежде нежели опишу вамъ сей славной городъ, въ которомъ трудолюбіе, мануфактуры, торговля жителей производятъ изобиліе и роскошь во всякомъ состояніи людей, долженъ я, дабы ничего не оставить назади, упомянуть о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нашего пути: мы почти не отдалялись отъ береговъ рѣки *Гемене*, отъ самой Агры до ея устья; оттуда ѣхали мы въ доль *Гангеса*, надъ

которымъ лежитъ городъ *Бенарецъ* илъ *Бенару*, гдѣ, говоря о наукахъ Баніановъ, упомянулъ я, что сіи Индейцы имѣютъ главныя свои школы. Домы въ немъ почти всѣ изъ кирпича, или тесанаго камня, и выше нежели въ другихъ Индейскихъ городахъ, а улицы уже. Я тутъ видѣлъ караванъ-серай, примѣчанія достойной своею огромностію и красотою строенія. Дворъ раздѣленъ двумя переходами, въ которыхъ продаютъ полотны, шелковые и другіе товары дѣлающіеся въ здѣшнемъ краю. Покупаютъ ихъ отъ самихъ мастеровъ; но прежде нежели начнутъ они продавать, должны, подъ великимъ наказаніемъ, заклеймить ихъ Государевымъ клеймомъ у начальника откупа.

Сверьхъ школъ и торговли, городъ *Бенарецъ* славится своими идолами. Баніаны имѣютъ въ немъ главное свое капище, которое осмотрѣлъ я съ прилѣжностію. Оно построено крестомъ, какъ и всѣ храмы Индейскіе, всѣ четыре конца ровны. Въ срединѣ возвышается куполъ, на подобіе башни, а каждой конецъ креста кончится также башенкою служащею вмѣсто лѣстницы. На верьху подѣланы въ разныхъ етажахъ балконы для прохлажденія. Съ наружи украшено капище выпуклыми изображеніями всякихъ животныхъ весьма дурно сдѣланными. Подъ большимъ куполомъ въ срединѣ капища, стоитъ продолговатой столъ, которой накрываютъ, соображаясь празднику дня; но всегда употребляемые на оной шпофы или полотны бываютъ дорогой цѣны. Когда стоишь внѣ капища, представляется оно взору со всѣми

поставленными на немъ идолами: ибо какъ женщинамъ и дѣвкамъ; да и нѣкоторымъ колѣнамъ входъ туда запрещенъ, то должны они бываютъ молиться внѣ онаго.

Между идолами, поставленными на помянутомъ столѣ, одинъ величиною больше другихъ, и представляетъ одного стараго мужа, прославившагося своими добродѣтелями, называютъ его *Банмаду*, и Банiаны рѣдко спускаютъ съ языка сіе имя. Подлѣ него стоитъ изображеніе его лошади, или большее чудовище, называемое *переворотень*, на которомъ онъ ѣздилъ. Оное представляетъ отъ части слона, лошадь и лошачиху. Мнѣ оно показалось изъ литаго золота. Недалеко отъ капища находится преизрядное училище основанное однимъ Княземъ идолопоклонникомъ, для наставленія юношества. Ходятъ въ него чрезъ широкой дворъ, окруженной двойною галлереею. На лѣвой сторонѣ стоитъ капище училища; а какъ главной въ немъ идолъ представляетъ женщину, то и призывается она наибольше отъ женскаго пола, какъ его заступница. Насъ увѣряли, что основатель, дабы вынести ее изъ большаго капища, гдѣ она прежде стояла, и поставить въ своемъ, долженъ былъ заплатить Браминамъ около ста шестидесяти тысячь рублей. Онъ ей вставилъ два алмазныя зрачка посреди глазъ, надѣлъ жемчужное ожерелье на шею, и сдѣлалъ балдахинъ надъ головою, на четырехъ серебреныхъ столбахъ.

Есть другія богатыя капища и нѣсколько изрядныхъ мечетей въ семъ округѣ, орошае-

момъ водами *Гангеса*, къ которому, какъ вамъ извѣстно, Баніаны имѣютъ свое почтеніе. Я не стану ихъ описывать, дабы не наскучить подробностями почти повсюду одинаковыми; но не долженъ скрыть удивленія моего при видѣ сей славной рѣки, которая за нѣсколько миль выше Бенареца, не шире Москвы рѣки. Воды въ ней столь мало бываетъ, что прежде обыкновеннаго времяни дождей, не льзя по ней ѣхать въ верьхъ на судахъ. Прибывъ къ берегу, хотѣлъ я изъ нее напиться, но отецъ Силвеира, зная ея свойство, не допустилъ меня, увѣряя, что она производитъ ужасной рѣзь, прежде нежели привыкнешь. Чужестранные, имѣющіе конторы на берегахъ сея рѣки, отваріваютъ воду: что и отнимаетъ у нее сіе опасное качество. Привычка дѣлаетъ ее столь здоровою для жителей, что самъ Императоръ и весь Дворъ не употребляютъ другой воды; не малое число верблюдовъ опредѣлено къ ея воженію и никакой другой работы не отправляютъ. Великолѣпныя капища украшающія берега сей рѣки, суть плодъ щедраго суевѣрія Индейцовъ, которые воображаютъ, что чемъ богатѣе приносятъ дары богамъ, тѣмъ больше оказываютъ имъ почтенія. Можно судить о доходахъ ихъ по великому числу каравановъ, которые безпрерывно ходятъ круглой годъ. Въ нѣкоторые праздники, продолжающіеся нѣсколько дней, видали вдругъ по сту тысячь человѣкъ купающихся въ рѣкѣ; но главная сила Гангеса, и единая могущая привесть ее въ почтеніе, есть та, что несетъ онъ золотой песокъ, выбрасываетъ его

на берега, и произращаетъ драгоцѣнные каменья.

Слѣдуя въ низъ по теченію сей рѣки, проѣзжали мы многіе города, смотрѣли многія капища, мечети, гробницы, дворцы, сады, отъ описанія которыхъ вы меня уволите.

Въ нѣсколькихъ дняхъ отъ города *Монгера*, попалась намъ ватага *Магометанскихъ Дервишей*, похожихъ въ нѣкоторыхъ вещахъ на Баніанскихъ Факировъ, о коихъ я прежде говорилъ, а въ нѣкоторыхъ совсемъ съ ними разнящихся. Сіи Дервиши шествовали караваномъ, и напереди имѣли своего начальника, къ которому оказывали великое почтеніе. Одѣяніе его состояло аршинахъ въ десяти полотна, котораго одинъ конецъ былъ протянутъ между ногъ на спину, и закрывалъ его наготу; а остаткомъ обвито было тѣло, какъ кушакомъ. На плечахъ лежала пигровая кожа привязанная подъ бородою. Прочіе Дервиши подпоясаны были только простою веревкою, не имѣя другаго покрывала на той части тѣла, которую стыдъ требуетъ не показывать, кромѣ лоскута холста, или шелковой матеріи, ни другой шапки, кромѣ волосъ связанныхъ около головы, на подобіе чалмы. Они были вооружены луками и стрѣлами, и нѣкоторымъ родомъ орудія, о которомъ я никогда не слыхивалъ, то есть обручами, или кругами желѣзными, острыми и похожими на край блюда, у котораго середка вырѣзана. Они имѣютъ ихъ по восьми и по десяти на шеѣ какъ брыжи, и снимая, когда придетъ нужда, бросаютъ съ такою силою (какъ обыкновенно бросаются

тарелки) что на двое человѣка перерѣзываютъ. Есть у нихъ еще другое орудіе, для дороги, сдѣлано оно на подобіе каменщиковой лопатки. Они употребляютъ его для скребенія и чищенія земли, гдѣ захотятъ остановиться. Землю собираютъ въ кучу, и ложатся на нее какъ на пуховикѣ, чтобъ хотя нѣсколько спать помягче. Имѣютъ они обыкновеніе въ походахъ своихъ посылать въ города и деревни нѣсколькихъ товарищей, для собиранія милостыни. Оная дѣлится между всѣми, а ежели что останется, тѣмъ пользуются нищіе; ибо правило имъ запрещаетъ оставлять что либо до другаго дни.

По прибытіи нашемъ въ Монгеръ, видѣли мы другаго рода позорище, въ коемъ не было людей убѣгающихъ отъ подобныхъ себѣ, и живущихъ по полямъ и лѣсамъ, какъ дикіе звѣри; но были дикіе и кровожаждущіе звѣри *львы*, однимъ словомъ, коихъ усмиряли и приучали къ людямъ. Привели ихъ пятерыхъ на одну большую площадь, и привязали за заднія ноги каждаго къ особому столбу; на шеѣ была у нихъ веревка, которую учитель держалъ рукою за конецъ. Столбы врыты были рядомъ, шагахъ въ десяти одинъ отъ другаго; веревка привязанная къ ногамъ, позволяла имъ бросаться на пятнадцать или двадцать шаговъ на людей, кои ихъ дразнили. Учитель притягивалъ ихъ назадъ къ столбу, помощію веревки, которую держалъ въ рукахъ. Львы, будучи такимъ образомъ часто разсержаемы, и испытывая безполезность своихъ усиленій, нечувствительно становятся смирнѣе и даютъ себя водить какъ овцы. Народъ

стекается на сіе позорище толпами, привыкнетъ къ нему и смотритъ безъ страха; но меня дрожь проняла, когда я его увидѣлъ.

Изъ Монгера ѣхали мы, ни гдѣ не останавливаясь, до самаго Рагимогола, и всегда по берегу Гангеса. Я не знаю, почитать ли мнѣ за щастіе, что вступили мы въ сей городъ въ такой день, въ которой хотѣли жечь одну Баніанскую женщину съ тѣломъ ея мужа. Я еще не видалъ сего обряда; и признаюсь, что не смотря на отвращеніе, кое имѣемъ мы при погибели человѣка, предался любопытству, и хотѣлъ быть зрителемъ сего позорища. Великій Моголъ, Вицерой, Губернаторы, исповѣдующіе Магометовъ законъ, стараются сколько можно, искоренить въ Индіи сіе языческое и варварское обыкновеніе; но предразсужденіе столь сильно овладѣло нѣкоторыми Баніанскими сектами, что очень часто еще видимы бываютъ тому примѣры. Многія женщины скорѣе соглашаются удалиться въ другую землю, гдѣ вѣра идолопоклонническая свободнѣе отправляется, нежели отречись отъ сего жертвованія. Естьли онѣ не послѣдуютъ сему безчеловѣчному обыкновенію, бываютъ подвержены тысячамъ поруганій: должно имъ остричь себѣ волосы, что почитается за наибезчестнѣйшее наказаніе; должно отправлять самыя подлыя работы; должно одѣться въ красное платье особливаго покроя, и вымышленное нарочно для посмѣянія.

Многіе приписываютъ начало сего обыкновенія одному закону, которой, дабы воспрепятствовать женамъ окармливать ядомъ мужей, повелѣлъ имъ сожигаться съ ихъ

тѣлами. Другіе утверждаютъ, что жены Брамы, столь были опечалены его лишеніемъ, что не хотѣли послѣ него жить. Брамины объявили тогда, что духи сихъ героинь, окончили тѣмъ свои опыты, или мученіи. Всѣ женщины приняли намѣреніе имъ послѣдовать, и болѣзнь вскорѣ всѣми овладѣла. Героической поступокъ превратился въ обычай: попы сдѣлали изъ него догматъ вѣры, и выдумали обрядъ. Одна женщина, завидующая таковому щастію, испросила за немалыя деньги, у Рагимогольскаго Губернатора позволеніе, сгорѣть съ тѣломъ своего мужа, за нѣсколько дней умершаго. Она была изъ самаго знатнаго рода въ сей землѣ; сродственники ничего не щадили, чтобъ ее отвратить; но ни что поколебать ее не могло. Когда описывали ей ужасъ избраннаго ею рода смерти, она, дабы доказать свое презрѣніе, положила въ огонь палецъ, и долго его держала; потомъ наклала раскаленныхъ угольевъ на руку, бросила на нихъ ладану, и кадила ею Браминовъ. Представляли ей бѣдное состояніе, оставляемыхъ ею въ сиротствѣ дѣтей; она отвѣчала, что тотъ, кто ихъ сотворилъ, будетъ объ нихъ и пещися.

На другой день, рано по утру, тѣло покойника перенесено было на берегъ рѣки, гдѣ построили изъ дровъ и соломы четвероугольную хижину въ шесть футовъ во всякую сторону; въ нутри оной складенъ былъ костеръ, вышиною въ обыкновенной стулъ. Между тѣмъ, какъ разсматривалъ я сіи приуготовленіи, приближилась жена умершаго, лѣтъ двадцати осми, покрытая полотномъ.

Передъ нею шла музыка состоящая изъ гобоевъ и литавръ, а за нею великое множество народа. Дѣвки и бабы пѣли и плясали передъ вдовою, которая убрана была въ наилучшее свое платье, а на пальцахъ, у рукъ и ногъ имѣла перстни, кольцы, запястьи и другія драгоцѣнныя украшенія. Когда была она за сто шаговъ отъ мѣста, гдѣ я стоялъ, вошла въ воду со многими своими сродницами и пріятельницами; тутъ онѣ молились, что вдругорядь повторили въ пятидесяти шагахъ оттуда. Какъ скоро начала она приближаться къ тѣлу мужа, подняли его и понесли на костеръ, надъ которымъ была сдѣлана, какъ я уже сказалъ, хижина покрытая сухими вѣтвями. Въ сіе время вдова вошла въ воду въ третій разъ, и пробыла въ ней долѣе двухъ первыхъ; потомъ приближилась къ хижинѣ, и обошла ее кругомъ три раза. Сродницы и пріятельницы ее обняли, поздравили и простились, а она имъ раздала всѣ свои драгоцѣнные уборы. Тогда вдругъ появился одинъ мальчикъ лѣтъ двенадцати, которой бросясь къ ногамъ, изъявлялъ слезами и рыданіемъ, сколь горестно ему лишиться на одномъ кострѣ двухъ особъ, кои дали ему жизнь, и кои были ему милѣе всего на свѣтѣ. Но мать пребыла непоколебимою, и не показывая ни малѣйшей жалости, вошла въ хижину, сѣла, и положила тѣло мужа своего къ себѣ на колѣни. Послѣ сего подали ей факалъ, и она приняла его, дабы самой костеръ зажечь. Брамины пали ницъ передъ нею, она ихъ благословила, и они отошли проливая слезы. Тогда она взошла по двумъ

ступенькамъ на верьхъ, поклонилась мужу, и сѣла у него въ головахъ. Посмотря на него пристально съ минуту, зажгла въ трехъ разныхъ мѣстахъ косперъ; но примѣтя, что вѣперъ былъ противной, перенесла факалъ на другую сторону, зажгла и сѣла опять на прежнее мѣсто. Я не могу вамъ, государыня моя! описать важной видъ и твердость духа, съ каковою зажгла она въ другой разъ. Входъ въ хижину былъ почтъ часъ закладенъ дровами и соломой; а потомъ предстали восемь или десять человѣкъ почти нагіе, скверньe видомъ, нежели угольники или кузнецы, и подложили съ наружи огонь со всѣхъ сторонъ, дабы способствовать внутреннему. Они лили пуда деревянное масло, и ревѣли ужаснымъ образомъ, дабы по видимому не допустить предстоящихъ слышать женщины, ежели бы страданіе принудило ее кричать. Я вамъ признаюсь, что сіе позорище привело меня въ такой ужасъ, что возобновляется оной во мнѣ всякой разъ, когда о томъ помышляю. Я очень дорого плачу за мое любопытство.

Короткое время, препровожденное нами въ *Рагимоголѣ*, было употреблено на разсмотрѣніе укрѣпленій, капищъ, а особливо дворца, въ старину великолѣпнаго; но нынѣ запущеннаго. Видъ его есть совершенной четвероугольникъ, въ длину съ каждой стороны около пяти сотъ шаговъ. Онъ раздѣляется на пять корпусовъ, и въ каждомъ изъ нихъ покои были пространные, своды и дуги изящной работы писаные, золоченые, или украшенные рѣзьбою, и утвержденные на деревянныхъ, каменныхъ и мѣдныхъ столбахъ. Каждыя

палапы имѣли свой садъ, съ мраморными водометами, изъ которыхъ вода била чрезъ многія трубки, и пресѣкалась пріятнымъ образомъ. Въ семъ городѣ плавятъ серебро Бенгальское и бьютъ Рупіи.

Намѣреніе мое было отстать въ Рагимоголѣ отъ военнаго каравана, и взять въ право на полдень дорогу, ведущую къ *Судмельлурской* минѣ, почитаемой за древнѣйшую изо всѣхъ алмазныхъ минъ; но мнѣ отсовѣтовали, увѣривъ, что оная очень опасна, и что нѣтъ по ней инаго, кромѣ лѣсовъ, наполненныхъ ворами, кои зная, что ни кто не ѣздитъ туда безъ денегъ, стерегутъ и рѣжутъ проѣзжихъ. Въ прочемъ, какъ мнѣ должно было ѣхать въ Голконду, то сдѣлали мнѣ примѣчаніе, что удовольствую я и тамъ любопытство, какъ въ краю изобилующемъ подобными минами. И такъ перемѣнилъ я намѣреніе, и не оставлялъ я ни войска, ни Гангеса до самаго *Бенгала*, лежащаго на берегу оной рѣки.

Сей городъ весьма знатенъ по тому, что даетъ имя наивеличайшему въ Азіи заливу, раздѣляющему два Индейскіе полуострова. На зависящей отъ Бенгала землѣ, Гангесъ раздѣляется на многіе протоки, и впадаетъ въ заливъ четырмя устьями. Провинція Бенгальская, есть безъ противорѣчія, самая богатая страна въ Индіи, и прежде присоединенія своего къ Моголу, составляла нарочитое Королевство. Климатъ въ ней пріятной и умѣренной; дожди падаютъ часто, дѣлаютъ землю плодоносною, и наводняютъ ее сполько сильно, что жители бываютъ принуждены

ѣздить на лодкахъ, когда хотятъ идти со двора. Шелкъ, хлопчатая бумага, пшено, сахаръ, перецъ и опій, суть главнѣйшія въ ней произрастѣніи. Полотны ткутъ здѣсь столь тонкіе, что кусокъ въ сорокъ четыре аршина, можно держать въ рукѣ, и продѣть сквозь кольцо. Здѣшніе Индейцы великіе мастера вышивать и расписывать сіи полотны. Они знаютъ искуство печатать золотомъ и красками на стеклѣ; не худо также приуготовляютъ киноварь и ртуть, и раздробляютъ свойство металловъ всякаго рода. Сверьхъ обыкновенной извести, которую употребляютъ на строеніе, дѣлаютъ они изъ раковинъ пережженыхъ особливой составъ для бѣленія стѣнъ. Самыя лучшія получаемыя въ Европѣ трости вывозятся отсюда. Растетъ здѣсь нѣкоторой родъ тростника весьма гибкаго, изъ коего жители плетутъ посуду, и изъ нутри покрываютъ лакомъ. Въ оныхъ держатся разныя питья столь же хорошо, какъ въ серебреныхъ, или стекляныхъ сосудахъ.

Торжища Бенгальскія не уступаютъ никакимъ въ Индіи, а многихъ и превышаютъ великимъ стеченіемъ людей изо всѣхъ странъ. Ни гдѣ нѣтъ такихъ богатыхъ магазейновъ: привозится сюда съ острѣвовъ и изъ городовъ все, что имѣютъ они драгоцѣннаго. Лакъ самъ собою, или доски имъ покрытыя, муръ, всякія благовоніи, мускъ, сѣра, камаринская амвра и пр. Здѣсь находится прекрасная Индейская кисея, богатые ковры, шитыя одѣялы и канифасы, шитые круглымъ шелкомъ, коихъ рисунку, чистотѣ и живости цвѣтовъ столь несовершенно подражаютъ

въ Европѣ. Дѣлаютъ изъ него обои, подушки, камзолы, колпаки, корсеты и пр. по присылаемымъ образцамъ къ Баніанамъ, кои управляютъ сими мануфактурами. Есть также въ Бенгалѣ полотно чуднаго рода, изъ котораго дѣлаются ковры и одѣялы, и которое есть ни шелковое, ни нитяное, ни шерстяное, ни бумажное. Называютъ его просто *трава:* матерія, изъ которой оно состављется, родится на одномъ произрастѣніи. Оное выпускаетъ сперьва довольно высокой стебель толщиною въ палецъ, потомъ листья, а сверьхъ оныхъ шишку, на подобіе хохла, и его-то прядутъ женщины. Холстъ можно почесть за шелковой, но онъ ломается въ складкахъ.

Баніаны отправляютъ наибольшую торговлю въ нутри сей провинціи. Главнѣйшія дѣла Европейцовъ идутъ чрезъ ихъ руки. Директоръ Голландской въ Бенгалѣ живетъ и почитается какъ Король, получаетъ отъ торгу, какъ для компаніи, такъ и для себя, неисчетныя богатства. Изъ одной Батавіи каждой годъ присылается сюда больше пятьнадцати кораблей съ полнымъ грузомъ, и рѣдко бываетъ, чтобъ не возвращались они назадъ въ толикомъ же числѣ. Сколь скоро бросятъ они якорь передъ Голландскимъ домомъ, посылается тотчасъ фискалъ, съ нѣсколкими депутатами, осмотрѣть ихъ; дабы не допустить потаенной продажи. Запрещается всенароднымъ объявленіемъ морскимъ офицерамъ и матросамъ, перевозить на землю, или на корабль тюки, ящики, связки, принадлежащія частнымъ людямъ, подъ опасеніемъ

опнящія товаровъ и другихъ наказаній. Но сколь скоро фискалъ сошель съ корабля, Капитанъ, кормчій, писарь, главной купецъ и всѣ прочіе служители, посылаютъ вещи свои въ наняпые ими домы, и весь день торгуютъ съ жителями. Нѣсколько рупій розданныхъ караульнымъ въ портѣ, а можетъ быть и нарочитая сумма обѣщанная фискалу, имѣютъ даръ заслѣплять имъ глаза, такъ что они совсемъ не видятъ сего запрещеннаго торгу. Случается иногда и то, какъ мнѣ сказывали, что прежде объявленія запрещенія, фискалъ запирается въ каюту съ главными на кораблѣ, и выпивъ здоровье щастливаго успѣха въ тайномъ торгу, разсуждаютъ вмѣстѣ съ ними о способѣ, перевезти изъ корабля товары часпныхъ людей. Вы можете судить о прибыли отъ сего запрещеннаго торгу по одному *олію*, которой въ Бенгалѣ покупается за семдесять или за семдесять пять, а въ Батавіи продается за двѣсти двадцать, и за двѣсти двадцать пять рупій.

Голландцы имѣютъ семь или восемь конторъ въ одной Бенгальской провинціи, изъ которыхъ главнѣйшая находится въ *Угли*. Компанія Французская имѣетъ также свою контору, и чрезъ нее получаетъ разныхъ родовъ кисею. Употребляемое во Франціи прекрасное шитье золотомъ, серебромъ и шелками, привозится изъ *Даки*, лежащей въ здѣшней же провинціи. *Шандер-Нагоръ* и *Шинкора*, недалеко отъ Угли, торговлею также знатны, и большая часть Европейскихъ народовъ имѣютъ въ нихъ конторы, равно какъ въ *Шишигарѣ*, въ *Монгерѣ*, въ *Фи-*

лилатанѣ и другихъ торговыхъ городахъ Бенгальскихъ.

Я нашелъ жителей здѣшнихъ весьма услужливыми для чужестранныхъ; правда, что и дорого они заставляютъ за то себѣ платишь. Воровство, которое они весьма проворно и искусно отправляютъ, также умножаетъ ихъ приходъ. Меня не мало удивила строгость, съ каковою наказываютъ они за прелюбодѣйство, хотя въ прочемъ и очень мало ревнуютъ. Они не сердятся, ежели чужестранцы берутъ при нихъ нѣкоторыя вольности съ ихъ женами; но ежели доведется на жену невѣрность, то рѣжутъ нось и ей и тому, съ кѣмъ согрѣшила.

Богатые имѣютъ множество невольниковъ, коихъ не купя продавать могутъ, по тому что оные не иное что суть, какъ бѣдные уступившіе имъ, входя въ службу, надъ собою и надъ своею жизнію всевозможное право. По истиннѣ съ того времяни, какъ сіе Королевство учинилось Моголскою провинцігю, Губернаторы, будучи Магометанской вѣры, сопротивляются сему ненавистному тиранству, и не позволяютъ даже и того, чтобъ таковые невольники продавали своихъ женъ и дѣтей, какъ то прежде въ обыкновеніи было: иные нанимаютъ ихъ за тридцать копѣекъ на мѣсяцъ. За сію толь умѣренную цѣну, чужестранной можетъ взять Индейскую женщину, которая служитъ ему вмѣсто жены и служанки, и за щастіе почитаетъ родить ему дѣтей. Сказываютъ, въ родахъ онѣ такъ мало терпятъ, что че-

шверть часа спустя, работаютъ какъ бы ни въ чемъ не бывали.

Въ Бенгалѣ разсказывали мнѣ о славномъ капищѣ *Ярганатскомъ* въ провинціи *Орикс*ѣ. Въ немъ почитаются четыре идола, изъ которыхъ перьвой представляетъ Бога *Резору*, а прочіе его жену, брата и сестру. Кумиръ *Резорова* весь золотой и осыпанъ каменьями; жены его золотой безъ всякаго украшенія; а остальные два изъ сандалнаго дерева. Меня увѣряли, что капище имѣетъ столько дохода, что можетъ прокормить двадцать тысячь человѣкъ. Провинція Орикса смежная съ Бенгальскою, была часто причиною войны между Великимъ Моголомъ и Королемъ Голкондскимъ. Нынѣ Государемъ ея есть перьвой изъ нихъ, хотя и оставляетъ ее подъ правленіемъ одного Раія. Въ ней отправляется великій торгъ алмазами и дорогими каменьями.

Сандалъ, о которомъ я упомянулъ, есть дерево похожее на сосну; пень его прямъ и гладокъ, но не очень толстъ; дерево крѣпко, тяжело и красновато, особливо къ сердцу. Плодъ его довольно походитъ на вишни, но становится черенъ, и никакого вкуса не имѣетъ. Сіе дерево уважается въ Индіи, его мелютъ или толкутъ съ водою, чтобъ сдѣлалось тѣстомъ, а симъ натираютъ себѣ тѣло. Въ иныхъ мѣстахъ дѣлаютъ изъ него мазь съ пальмовымъ масломъ, которое, сказываютъ, весьма полезно въ оспѣ. Португальцы настаиваютъ его въ уксусѣ, и трутся имъ вмѣсто ртути въ венерическихъ болѣзняхъ. Употребляютъ его также въ зубныхъ болѣзняхъ, бросая на уголья, и сидя надъ

дымомъ; сердце и внутреннія части дерева одни только берутся для составленія лѣкарствъ. Считается три рода сандала: красной, желтой и бѣлой; послѣдніе два предпочитаются перьвому. Изъ нихъ дѣлаютъ благовонной порошокъ; жгутъ его также небольшими кусочками въ покояхъ, какъ весьма здоровую вещь. Индейцы не уважаютъ краснаго сандала, по тому что въ немъ меньше силы; но возятъ въ другіе земли, гдѣ употребляется онъ въ медицынѣ.

Невѣроятно, сколь много находится во владѣніяхъ Великаго Могола деревьевъ, произрасшѣній, цвѣтовъ и плодовъ всякаго рода. Деревцо, приносящее *хлопчатую бумагу*, которое по получаемой отъ него пользѣ, должно занимать первое мѣсто: вырастаетъ оно величиною съ розовой кустъ, и любитъ высокія мѣста, кои могутъ его спасти отъ наводненія. Кора на немъ тонка, часта и сѣроватаго цвѣта; вѣтви прямыя, а листья мягкіе, волосастые, и раздѣленные на пять частей какъ виноградные, но гораздо меньше; цвѣты выходятъ почками, какъ розовые. Когда цвѣтъ опадетъ, то начинаетъ расти шишка, лопается и оказываетъ бумагу. Смотря по качеству земли и добротѣ дерева, спѣютъ они въ четыре и пять мѣсяцовъ, по прошествіи коихъ надуваются больше прежняго и лопаются, имѣя маленькія зерны. Ежелибъ во время спѣлости не смотрѣли за ними прилѣжно, все бы пропало. Плодъ его есть зерно величиною съ горошинку, но поверьхность имѣетъ неровную: каждая шишка приноситъ пять или шесть зеренъ, отъ

которыхъ, когда посадишь, родятся новыя деревья, могущія принести плодъ черезъ годъ или черезъ пятьнадцать мѣсяцовъ. Для отдѣленія бумаги отъ сѣмяни, одни употребляютъ нарочно для того сдѣланныя махины; а другіе исправляютъ сію работу простыми руками; и она оставлена старанію женщинъ и ребятъ. Хлопчатая бумага привозимая въ Европу уже пряденая, не есть самая лучшая. Отсюда въ нитькахъ отправляется почти только та, изъ которой дѣлаютъ свѣтильны и чулки, или которую можно мѣшать въ основу шелковыхъ штофовъ. Самая тонкая и хорошая бумага въ нашихъ климатахъ ни на что бы не годилась.

Въ Моголѣ также дѣлаются самые лучшіе шелковые товары. Кажется, что жители сей пространной Имперіи предпочтительно одарены способностію и охотою къ труду. Одна деревня въ Бенгалѣ *Казам-Базаръ*, ставитъ всякой годъ до двадцати двухъ тысячь кипъ шолку, вѣсомъ каждая во сто фунтовъ. Сей шолкъ желтоватъ, но жители умѣютъ его бѣлить щолокомъ, и дѣлать похожимъ на Палеспинской, единой въ свѣтѣ, какъ сказываютъ, которой родится самъ собою бѣлъ.

Въ Бенгалѣ и во многихъ другихъ провинціяхъ, находится нѣкоторая секта людей, о коей я еще ничего не упоминалъ. Называютъ ихъ *Теехы*. Они ни Язычники, ни Жиды, ни Христіане, ни Магометане, ни Пифагорцы. У нихъ непримѣтно никакой вѣры, а составляютъ они между собою сообщество, которое почитается за проклятой и изгнанной родъ. Упражненіе ихъ повсюду, гдѣ они поселились,

есть чистить колодези, нужники, стоки, каналы; обдирать палую скотину, которую они ѣдятъ; водить осужденныхъ на казнь, а иногда заставляютъ ихъ и казнить. Ежели случится Индейцу до нихъ дотронуться, онъ почитаетъ за долгъ очиститься съ головы до ногъ. Жить имъ не позволяютъ въ городахъ, а выгоняютъ на самой край предмѣстья, и удаляютъ отъ всякаго сообщества съ другими людьми.

Жители Бенгала и округовъ, лежащихъ по берегамъ Гангеса, такую имѣютъ вѣру къ ея водѣ, что цѣлыми семьями купаются въ ней разъ по шести на день, будучи увѣрены, что она очищаетъ тѣло и душу: и большая часть изъ нихъ приказываютъ бросать себя въ нее по смерти.

Въ Бенгалѣ дожди бываютъ чаще и сильнѣе, нежели въ другихъ провинціяхъ Имперіи. Вообще во всемъ Моголѣ дуетъ сѣверной вѣтръ цѣлые шесть мѣсяцовъ, а другіе шесть полуденной. Самые жаркіе мѣсяцы суть Апрѣль, Май и Іюнь; и зной бы былъ нестерпимъ, ежелибъ безпрестанной вѣтръ не охлаждалъ воздуха, хотя оной въ прочемъ и не весьма самъ пріятенъ; ибо поднимаетъ такую пыль, что затмѣваетъ солнце. Дожди начинаются и кончатся ужасными бурями; но громъ бываетъ рѣдко. Сколь скоро пройдетъ дождливое время, воздухъ становится такъ чистъ, небо такъ ясно, что цѣлые девять мѣсяцовъ не видно ни одного облака. При концѣ сего долгаго и прекраснаго времяни, изсохшая земля повсюду разсѣдается и походитъ на дикую степь. Но лишь только

пять дней дождь пойдетъ, то покрывается зеленью, и получаетъ прежнюю красу. Хлѣбъ сѣютъ въ Маіѣ или Іюнѣ, собираютъ въ Ноябрѣ или Декабрѣ, въ два наиумѣреннѣйшіе мѣсяца въ году. Земля приноситъ все нужное для жизни, выключая сѣверныя провинціи, гдѣ она не столь награждаетъ труды земледѣлателей.

Кажется, говорилъ я уже о всѣхъ странахъ, составляющихъ Моголскую Имперію. Въ великомъ числѣ ея провинцій, находятся такія, кои не совсемъ зависятъ отъ Императора; но жители оныхъ сочиняютъ особыя владѣніи, и живутъ подъ управленіемъ Князей, называемыхъ *Раія*, или подъ нѣкоторымъ родомъ республиканскаго правительства. И тѣ и другіе суть просто подданные, или данники Моголскіе. Со времянъ *Пора*, царствовало въ сихъ провинціяхъ великое число Королей въ мирѣ и со славою на тронѣ своихъ родителей, хотя и зависили они нѣсколько отъ вышняго Монарха, которой былъ больше ихъ покровитель, нежели Государь; но послѣ Татарскаго нападенія, Великій Моголъ всѣ захватилъ: и чѣмъ кто сильнѣе былъ въ его Имперіи, тѣмъ большую возбуждалъ въ немъ зависть, ненависть и жадность.

Теперь уже не можно познать здѣсь тѣхъ прекрасныхъ странъ, покоренныхъ Греками, сражавшимися подъ знаменами *Александра*: все перемѣнило образъ; вѣра, правленіе, даже и города и рѣки приняли другія имяна. Я спрашивалъ, гдѣ были Царства *Пора*, *Таксиловъ*? мнѣ отвѣчали *Камбуломъ*, *Буккеромъ*, *Татою*, *Соретомъ*, и другими столь же вар-

варскими имянами. На мѣсто *Гидасла*, явилася *Шантру*, на мѣсто *Аказины*, *Рави*, на мѣсто *Гифаса*, *Шауль* и пр. Какъ Александръ не простеръ завоеваній своихъ далѣе сей рѣки; то Греки, и послѣ нихъ Римляне имѣли только темное понятіе о той странѣ, которую мы нынѣ называемъ Моголскою Имперіею. Около двухъ вѣковъ назадъ, Португальцы, Гишпанцы, Голландцы, Агличане и Французы начали много по ней странствовать. Каждой изъ сихъ народовъ открылъ особливыя подробности. Теперь она весьма знаема Европейцами, и посѣщаема тѣми, кои по старанію о прибыли, или по любопытству, преодолѣваютъ скуку, труды и опасности долгаго пути. Богатства привлекаютъ нашихъ купцовъ, ученые ищутъ въ ней произрастѣній, дабы въ нихъ удивляться особливостямъ естества, гораздо изобильнѣйшаго и больше различествующаго, нежели въ нашихъ климатахъ. Здѣшними сокровищами украшаютъ жилища нашихъ Царей, и ихъ Діадимы.

Я есмь, и пр.

ПИСЬМО XXXV.

Голконда.

Способность сѣсть на корабль въ Бенгальскомъ заливѣ, побудила меня предпріять путешествіе въ Голкондское Королевство. Отецъ Силвейра разстался со мною, уже тому нѣсколько времяни, и поѣхалъ, куда призывала его должность. Я отправился на одномъ Французскомъ кораблѣ, котораго Капитанъ, имѣя наложенное на себя нѣкоторое важное для компаніи Французской дѣло, оказывалъ ко мнѣ всякое уваженіе; и зналъ сверьхъ того обстоятельно всѣ случавшіяся на Индейскомъ полуостровѣ произшествіи. Во время пути нашего изъ Бенгала до *Мазули-патана*, разсказалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ Королевство Голкондское досталось въ началѣ прошедшаго вѣка, въ руки Арабскихъ Князей. Сіе Государство составилось изъ разрушенной *Имперіи Деканской*, которая занимала большую часть полуострова. Какъ послѣдній Императоръ умеръ бездѣтенъ, то четверо изъ большихъ господъ, имѣющихъ каждой въ своихъ повелѣніяхъ особое войско, раздѣлили между собою Царство, на подобіе наслѣдниковъ Александровыхъ. Одинъ взялъ область составляющую нынѣ Голкондскую губернію, а прочіе сдѣлали себѣ по Королевству изъ сосѣднихъ къ ней земель. Сіи три владѣнія были разрушены скорѣе ста лѣтъ, могуществомъ Моголцовъ; да и Голкондской Король только тѣмъ удержался, что согласился платить имъ дань.

Преемники его владѣли около ста лѣтъ. Послѣдній изъ нихъ *Абдулъ*, не имѣя дѣтей мужеска пола, выдалъ одну изъ дочерей своихъ за нѣкоего знатнаго Араба, называемаго *Абдалла*. Чтобы узнать исторію его въ коротких словахъ, говорилъ Капитанъ: прочтите сами въ той книгѣ мѣсто, гдѣ объ немъ упоминается. Она разгонитъ скуку вашу. Онъ мнѣ дѣйствительно далъ книгу привезенную имъ изъ Франціи, и изъ которой выписалъ я для васъ слѣдующее:

„Одинъ Арабъ знатной породы, будучи „лишенъ въ своей землѣ имѣнія, соотвѣт„ствующаго его происхожденію, пріѣхалъ „искать щастія при Голкондскомъ Дворѣ. „Абдулъ, примѣтя въ немъ отмѣнныя каче„ства, возвелъ его по малу до самыхъ первыхъ „достоинствъ въ государствѣ; но хотя былъ „доволенъ услугами его, не преминулъ однако „по смерти его, воспользоваться правомъ, „по которому Голкондскіе Короли наслѣдники „въ имѣніи всего дворянства. Забравъ богат„ство своего любимца, опредѣлилъ онъ сыну „его Абдаллѣ умѣренное жалованье, и совсемъ „объ немъ позабылъ. Король намѣрялся тогда „отдать дочь свою за одного знатнаго, ко„торой былъ ненавидимъ его Министрами. „Сіи послѣдніе, стараясь помѣшать въ бракѣ, „привели онаго Королю въ подозрѣніе, и совѣ„товали подумать объ Абдаллѣ, выхваляя до„брые его качества и достоинства. Абдулъ „согласился и велѣлъ его привести въ такое „мѣсто, гдѣ могъ его видѣть, и самъ не быть „познанъ. Сперьва видъ его не полюбился „Королю, которой далъ выразумѣть, что

„желаетъ избрать зятя попригожее Абдалла. „Министры отвѣтствовали, что по истиннѣ „нещастіе обезобразило его нѣсколько, и кра„сота его пострадала отъ бѣдности; но „что, давъ ему чѣмъ жить, соотвѣтственно „его природѣ, онъ конечно придетъ въ пре„жнее состояніе, и пригожство его вскорѣ „поправится. Абдулъ вошелъ въ ихъ разсу„жденіи и согласился на сей второй опытъ. „Придворнымъ банкирамъ повелѣно было идти „тайно къ молодому Арабу, и дать ему не „малыя суммы, не открывая о источникѣ „сей щедрости. Абдалла съ начала не хотѣлъ „принять, опасаясь не безъ справедливости, „что не будетъ въ состояніи заплатить, и „тѣмъ въ худшее еще придти положеніе. „Они возобновили свои просьбы, и наконецъ „уговорили его принять три тысячи *Пагодовъ*, „кои онъ употребилъ на приобрѣтеніе хоро„шаго дома, слугъ, лошадей и другихъ ну„жныхъ вещей. Довольство, въ которомъ на„чалъ жить, произвело скорую перемѣну въ „его лицѣ. Тогда показали его Королю въ дру„гой разъ. Онъ его полюбилъ, и вознамѣ„рился выдать за него дочь свою. Въ одинъ „день какъ Абдалла веселился съ своими прія„телями, пришли ему сказать, что у двора „его стоятъ нѣсколько дворцовыхъ чиновни„ковъ и конная гвардія. Сія вѣсть привела „его въ смущеніе; онъ отпустилъ тотчасъ „друзей и танцовщицъ чрезъ однѣ потаенныя „двери, и вышелъ къ *Омрамъ*, коимъ говорилъ „дрожащимъ голосомъ, что онъ ни чѣмъ не „огорчилъ Государя; и ежели преступленіе „его въ томъ состоитъ, что живетъ онъ

„великолѣпнѣе, нежели позволяетъ ему имѣ-„ніе; то головъ отдастъ отчетъ о тайныхъ „и невинныхъ способахъ имъ къ тому найден-„ныхъ. Омры не отвѣчая ни слова, надѣли „на него пребогатой кафтанъ, и дѣлали ему „пренизкіе поклоны. Наконецъ одинъ изъ нихъ, „прервавъ молчаніе, увѣряль его, что онъ не „услышитъ никакихъ непріятностей; а на-„противъ получитъ наивеличайшую честь, „о какой только подданной помыслить мо-„жетъ. Посадили его на пребогатоубранную „лошадь, и повезли во дворецъ, гдѣ Король „тотчасъ обвѣнчалъ его съ своею дочерью, „а потомъ и наслѣдникомъ своимъ объявилъ.„

Симъ образомъ престолъ Голкондскій перешелъ въ Арабское поколѣніе. Славной *Ауренгъ Зебъ*, завладѣлъ имъ, равно какъ и Королевствами *Визалурскимъ* и *Карнатскимъ*, и составилъ изъ нихъ Губерніи, которыя роздалъ своимъ придворнымъ. Тридцать лѣтъ спустя по смерти его, то есть въ 1737 году, *Низал-ел-Мулукъ*, великій Канцлеръ Моголской Имперіи, сдѣлался чрезъ бракъ съ Императорскою дочерью, *Суба* или Вицерой всего Декана, въ которомъ заключаются сіи три Королевства, и большая часть полуострова по ту сторону Гангеса. Со времяни Персидскаго нападенія при *Тахмасъ-Кули-Ханѣ*, *Субы* удерживаютъ въ своемъ правленіи, противъ воли Императора. Они по своей собственной власти надѣлали *Набабовъ*, названіе значущее почти то же, что *Суба*; а иные Набабы остались Вицероями, не смотря ни на Императора, ни на *Субу*. И тѣ и другіе назначили сами себѣ преемниковъ, кои по смерти ихъ вступу-

пили въ правленіе, столь мало видя сопротивленія, какъ бы были дѣйствительные наслѣдники по Государѣ.

Мы пристали въ *Мазулипатанѣ*, главномъ въ старину приморскомъ городѣ Голкондскаго Королевства. Онъ достался недавно во власть Великому Мололу; но какъ выгодной его портъ привлекъ множество купцовъ изо всѣхъ частей Европы; то онъ меньше принадлежитъ сему Монарху, нежели Французамъ, Голландцамъ и другимъ Европейцамъ, кои предписываютъ законъ природнымъ жителямъ. Они вывозятъ отсюда *ситцы*, наилучшіе изо всѣхъ дѣлаемыхъ въ Индіи. Сколь ни велики отправляются торги, городъ по нынѣ посредственной, но очень людной. Щастіе наше было, что мы не въ Маіѣ сюда пріѣхали; ибо жары тогда такъ чрезвычайны, что вы не повѣрите всему объ нихъ разсказываемому. Утверждаютъ, что всякой годъ въ семъ мѣсяцѣ западной вѣтеръ, дующій семь или восемь дней, разжигаетъ больше воздухъ, нежели самое палящее солнце, и до наступленія ночи вспотѣть не льзя, а ночью напротивъ потъ бываетъ пресильной. Днемъ ни кто не выходитъ изъ дому; ибо задохнуться можно. Наконецъ, ежели правду намъ сказывали, человѣка со всѣхъ сторонъ, кажется, огонь окружаетъ и дышетъ онъ распаленнымъ воздухомъ. Горницы наилучшія закутанныя не могутъ сохранить ни половъ, ни уборовъ, кои такъ разгорячаются, что принуждены безпрестанно ихъ поливать, дабы не вспыхнули. Отваживающіеся пуститься въ дорогу, бываютъ задушаемы въ паланкинахъ. Правда,

что таковой жаръ продолжается только отъ девяти часовъ утра, до четырехъ по полудни, и тогда воздухъ охлаждается сырымъ вѣтромъ. За жарами слѣдуютъ дожди, и причиняющіе наводненіи, отъ коихъ земля, какъ отъ Ниловыхъ, бываетъ плодородна. Сѣютъ здѣсь пшено и другой хлѣбъ, и собираютъ жатвы раза по два и по три въ годъ. Таковое изобиліе и суевѣріе Индейцовъ, воспящающее имъ ѣсть мясо, причиняютъ великую дешевизну въ живности. Баранъ продается въ городѣ по десяти и по двенадцати копѣекъ, а въ деревняхъ и того дешевлѣ.

Вообще славятъ много плодородіе въ Голкондскомъ Королевствѣ. Въ немъ находится великое число озеръ и прудовъ, изъ коихъ иные выкопаны Индейцами. Нѣкоторые изъ нихъ находятся на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ навалены со стороны долинъ плотины для удержанія водъ. Слюзы, отпираемые во время суши, напояютъ и плодоносными чинятъ поля, деревья всегда зелены, и приносятъ плоды во всѣ годичные времяна.

Я употребилъ не малое время на посѣщеніе Французовъ, живущихъ въ Мазулипатанѣ, коихъ число очень велико; но сколь скоро отъ оныхъ освободился, то старался увидѣть все заслуживающее здѣсь примѣчаніе. Началъ я столицею, называемою отъ Европейцовъ *Голконда;* хотя настоящее ея имя есть *Багъ-Нагаръ*. Сей городъ съ начала былъ толькo увеселительной садъ, лежащій на томъ мѣстѣ, гдѣ первой Голкондской Король построилъ крѣпость. Онъ послѣ основалъ тутъ городъ, назвавъ его по имяни одной изъ женъ

своихъ, которую любилъ страстно. Имя ей было *Нагаръ*, а *багъ* значитъ садъ; и такъ сіи два слова соединенныя вмѣстѣ, знаменуютъ *Нагарины сады.* Широкая рѣка омываетъ стѣны города, и впадаетъ въ Бенгальской заливъ близъ Мазулипатана. Чрезъ нее въ *Багъ-Нагарѣ* сдѣланъ каменной мостъ не уступающій самымъ большимъ и великолѣпнымъ въ Европѣ. Столица изрядно выстроена и можетъ сравняться съ Французскими городами втораго степени. Улицы большія и широкія, но будучи худо вымощены, всегда наполнены пылью. Передъ городомъ лежитъ предмѣстье, которое показалось мнѣ длиною версты на три. Жители въ немъ суть купцы, маспперовые и маклеры. Ни кто изъ нихъ не можетъ жить въ городѣ, а только приходитъ для своихъ дѣлъ днемъ, и выдти предъ захожденіемъ солнца. Городъ населенъ одними почти чиновными, придворными, военными и спапскими людьми. Въ вышепомянутомъ предмѣстьи находятся многіе изрядные храмы, или мечети; служащія вмѣсто постоялыхъ дворовъ проѣзжимъ.

Въ пяти верстахъ отъ *Багъ-Нагара* видна крѣпость, называемая *Голконда:* симъ именемъ Европейцы назвали столицу и все Королевство. Въ ней обыкновенно живетъ Вицерой, и ни что сравниться не можетъ въ великолѣпіи съ его дворцомъ. Крѣпость сія почесться можетъ за большой городъ, ибо имѣетъ около пяти верстъ въ окружности. Не одинъ *Суба* занимаетъ все сіе пространство; вельможи его двора имѣютъ въ ней свои домы, попы мечети; чужестранные

караванъ-сераи, прежніе Короли гробницы, и всѣ привязанные ко двору свои жилища. Изъ *Багъ-Нагара* въѣзжаютъ въ нее по одной великой улицѣ ведущей на площадь, гдѣ стоитъ дворецъ Вицероевъ. Все то, что въ другихъ мѣстахъ дѣлано изъ желѣза, въ семъ замкѣ золотое или позолоченное, и богатствомъ онъ превосходитъ наилучшіе восточные замки. На площадкахъ, служащихъ кровлями домамъ, видны здѣсь превеликія деревья уподобляющія оныя тѣмъ садамъ, каковы описываютъ намъ Семирамидины. Посреди фасады дворца сдѣланъ балконъ, съ котораго *Суба* даетъ аудіенціи, судитъ и чинитъ осмотръ войску. Тѣ, коихъ привлекаетъ любопытство, становятся противъ балкона въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ дворца; ибо тутъ набиты три ряда кольевъ и перепутаны веревками, за которые никто ходить безъ позволенія не можетъ. Они простираются во всю широту площади, а противъ балкона въ срединѣ сдѣлано отверстіе. У онаго приставлены два человѣка, держащіе веревку, и опускающіе ее для тѣхъ, кого позовутъ предъ Субу. Секретарь, стоящій подъ балкономъ, принимаетъ челобитныя, а какъ наберетъ ихъ довольное число, кладетъ въ мѣшокъ привязанной къ снурку спущенному съ балкона. Евнухъ, находящійся при Вицероѣ, тянетъ къ себѣ помянутой мѣшокъ, и подаетъ ему бумаги.

Мнѣ показывали въ одномъ мѣстѣ въ городѣ капище, заложенное лѣтъ сто назадъ, и которое, по видимому, никогда не совершится. Примѣчанія достойно въ немъ только то, что захвачено преобширное мѣсто, и что

каменья, употребляемые на строеніе, чрезмѣрной величины. Камень молитвы, есть цѣлая гора; для выняшія его изъ ломки и привезенія къ капищу, употреблено было больше шести сотъ человѣкъ и тысяча четыре ста быковъ. Ежели сіе зданіе окончится, будетъ оно наичудеснѣйшее во всей Азіи.

На другой сторонѣ города видѣли мы великіе пруды и весьма украшенныя шлюпки, на коихъ Суба ѣздитъ гулять. Знатные господа имѣютъ тутъ свои загородные домы, составляющіе весьма пріятной видъ. Въ пятьнадцати верстахъ отъ столицы находится мечеть съ нѣсколькими гробами Голкондскихъ Королей. Въ ней раздаютъ всякой день нѣкоторое количество хлѣба и пшена всѣмъ приходящимъ нищимъ.

Земли сего Королевства раздѣлены на Губерніи. Губернаторы нанимаютъ ихъ отъ двора, и сами отдаютъ другимъ по конпрактамъ; а сіи послѣдніе, раздробляя на малыя части, пускаютъ ихъ другимъ въ наемъ, и таковыми раздѣленіями доходятъ земли до самыхъ простыхъ мужиковъ. Ежели Губернаторъ, или кто изъ нижнихъ наемщиковъ не заплатитъ денегъ на срокъ, наказывается палочными ударами, и семья его за долгъ отвѣчаетъ. Одинъ Мазулипатанской Губернаторъ, не имѣя чѣмъ заплатить, умеръ подъ палками. Конпракты возобновляются всякой годъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ: а какъ Губерніи продаются способомъ аукціона, и отдаются тому, кто дастъ больше; то и нѣтъ въ свѣтѣ придирокъ и насильствія, котораго бы Губернаторы не употребляли, въ теченіе сего времяни, для умноженія своихъ доходовъ.

Индейцы *Пифагоровой Секты*, составляютъ наилюднѣйшую часть жителей Королевства Голкондскаго; но въ большіе чины придворные, военные и статскіе допускаются одни Магометане исповѣдующіе вѣру своего Государя. Одни изъ нихъ происходятъ отъ Арабовъ, завоевавшихъ Индію, или привлеченныхъ Королями Голкондскими; другіе отъ Моголцовъ основавшихъ Имперію въ Делли.

Индейцы раздѣлены на безчисленное множество *кастъ* или колѣнъ, по коимъ учреждаются степени и предсѣданіи. Первое есть колѣно *Браминовъ*, кои суть какъ и въ Моголѣ, попы и ученые о званіи ихъ и о святости высокія здѣсь имѣютъ мысли. Они хвалятся, что изъ колѣна ихъ были два Короля: одинъ въ *Каликутѣ*, другой въ *Кохин-Хинѣ*. Другой родъ поповъ ниже перьваго, называемыхъ *Фралгамы*, составляетъ второй степень, и отмѣняются строгою ихъ жизнію; питаются они однимъ молокомъ и зеленью, и скорѣе согласятся умереть, нежели наѣсться мяса. Третье колѣно суть купцы, торгующіе оптомъ, банкиры и *мѣновщики*. Сіи послѣдніе столь искусны, что, посмотря только на деньги, узнаютъ, какъ въ томъ жители увѣряютъ, внутреннюю ея цѣну; четвертое состоитъ изъ солдатъ и земледѣлателей. Пятое изъ женщинъ непотребной жизни. Сіе ремесло, почитаемое ими не безъ причины за самое безчестное, отправляется безъ всякаго зазора въ землѣ, гдѣ женщинъ воспитываютъ для одной только ушѣхи нашего пола. Однѣ изъ нихъ удѣляютъ свои благосклонности мужчинамъ вышнихъ колѣнъ;

другія ни кому не отказываютъ: дурныя выходятъ замужъ въ своемъ колѣнѣ, надѣясь народить дочерей, кои наградятъ ихъ нещастіе: учатъ ихъ пѣть, танцовать и всему тому что можетъ сдѣлать тѣло гибкимъ. Я видѣлъ между ими такихъ, которыя, стоя на одной ногѣ, поднимали другую выше головы и держали такъ прямо, какъ бы другой поднялъ руку. Женщины сего колѣна не платятъ никакой подати, а обязаны только приходить всякую пятницу въ нѣкоторомъ числѣ на площадь передъ дворецъ, и плясать предъ Вицероемъ, когда онъ явится на балконѣ; а ежели онъ не выйдетъ, то евнухъ даетъ имъ знать рукою, что могутъ онѣ идти по домамъ. Въ вечеру споятъ онѣ передъ своими домами, а при наступленіи ночи, зажигаютъ плошку или свѣчу, которая служитъ знакомъ зова: тогда отпираются всѣ лавки съ пари, которую съ ними пьютъ, и которой расходится чрезвычайно много. Пошлина, налагаемая на сіе питье, приноситъ Государю не малой доходъ; и для сей самой причины терпитъ онъ въ своихъ владѣніяхъ толикое множество непотребныхъ женщинъ. Въ однихъ городахъ Голкондѣ и Багъ-Нагарѣ съ предмѣстіями считается ихъ больше двадцати тысячь.

Вотъ одно произшествіе, которое вамъ окажетъ, сколь проворны сіи женщины. Мнѣ разсказывалъ оное Французъ, бывшій тому самовидцемъ. Одинъ Король, изъ бывшихъ передъ Субами, сбирался ѣхать въ Мазулипатанъ: девять помянутыхъ женщинъ вздумали его везти на себѣ: онѣ сдѣлали изъ

тѣлъ своихъ слона; четыре составляли ноги, четыре туловище, а послѣдняя хоботъ. Король сидя на сей смѣшной и непристойной громадѣ, какъ на тронѣ, учинилъ свой въѣздъ въ городъ.

Сверьхъ пяти упомянутыхъ мною колѣнъ, считаются оныхъ въ семъ государствѣ столько, сколько есть разныхъ художествъ и ремеслъ. Мѣлочные купцы, золотари, плотники, каменьщики, и пр. Мастеровые одного города, хотя и разнаго ремесла, работаютъ всѣ за одинаковую цѣну. Золотарь не больше выработываетъ кузнеца; столяръ не больше плотника. Всѣ они получаютъ въ день одну плату, а она не превосходитъ пяти или шести копѣекъ. Чужестраннымъ служатъ здѣшніе слуги за умѣренную цѣну. Я своему даю всего навсе на мѣсяцъ пятьдесятъ копѣекъ, на которыя долженъ онъ и кормиться, но я плачу еще дорого. Сію дешевизну приписать можно природной трезвости жителей и изобилію въ съѣстныхъ припасахъ.

Самое послѣднее изо всѣхъ колѣно составляютъ кожевники, сапожники, бочары и купорщики. Оно въ такомъ презрѣніи, что не позволяется имъ и жить въ городахъ, а на самыхъ краяхъ въ предмѣстіяхъ, какъ Моголскіе Тееры, о коихъ я вамъ доносилъ. Не смотря на таковое ненавистное различеніе, всѣ колѣны имѣютъ одну вѣру, одни храмы, и наблюдаютъ почти одни обыкновеніи въ своихъ обрядахъ; мертвыхъ вольно жечь или погребать: въ перьвомъ случаѣ пепелъ бросается въ рѣку, а въ другомъ покойники

хоронятся поджавши ноги, какъ они сиживали живые.

Набожность, фанатизмъ, или лучше, безумное, тщеславіе вперяетъ въ сіи народы вещи невѣроятныя, о коихъ я по тому только доношу, что слышалъ отъ людей надежныхъ и самовидцовъ. Индеецъ клянется у ногъ своего идола, что дастъ себѣ разрѣзать на плечахъ ножемъ въ двухъ мѣстахъ кожу, и пропуститъ въ оныя два желѣзные крюка. Сіи крючья придѣланы къ концу переклада положеннаго на одну ось вертящуюся на двухъ колесахъ такъ, что бревно имѣетъ свое движеніе; Индеецъ держитъ въ одной рукѣ саблю, въ другой кинжалъ; поднимаютъ его на воздухъ, и въ семъ состояніи везутъ съ версту, а онъ вися, дѣлаетъ безчисленныя и смѣшныя кривляньи съ своими двумя оружіями. Тотъ, кто мнѣ сіе разсказывалъ, видѣлъ ихъ четырнадцать съ ряду прицепленныхъ такимъ образомъ крючьями къ перекладу, и ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ знака, что ему больно. Послѣ перевязываютъ имъ раны, и они идутъ домой, надувшись отъ похвалы зрителей.

Свадебные обряды мало рознятся отъ тѣхъ, кои въ употребленіи у Моголскихъ Индейцовъ. Въ Голкондѣ возятъ жениха и невѣсту въ паланкинѣ, по большимъ улицамъ и площадямъ; потомъ Браминъ разстилаетъ сукно, подъ которое женихъ кладетъ босую ногу, и дотрогивается до невѣстиной ноги такъ же разутой. Природа столь въ сихъ климатахъ скоро дѣйствуетъ, что не рѣдко случается видать матерьми дѣвочекъ, коимъ самимъ нѣтъ еще десяти лѣтъ отъ роду. По

смерти мужа не позволяется имъ посягать въ другой разъ, и онѣ возвращаются въ домъ къ отцу, и тамъ сидятъ въ заперти, употребляютъ ихъ въ самыя трудныя работы, и лишаютъ всѣхъ удовольствій, утѣхъ и нарядовъ. Многія, дабы избавиться отъ таковой неволи, убѣгаютъ изъ дома. Правда, что должны онѣ бываютъ удалиться и изъ земли; ибо не могутъ оставаясь въ ней, спастись отъ мщенія родительскаго, въ которомъ наислабѣйшее наказаніе бываетъ ядъ. Законъ не позволяетъ имъ, какъ было прежде, сожигаться съ тѣлами мужей, чтобы иныя предпочли ужасному своему вдовству.

Здѣсь каждой женится въ своемъ колѣнѣ, а чаще въ своемъ родѣ. Имена младенцамъ даютъ тотчасъ по рожденіи; а берутъ ихъ изъ какого нибудь порока на его тѣлѣ, или присвояютъ имя какого знатнаго человѣка въ ихъ колѣнѣ. Родины не трудны: въ третій день женщина встаетъ, а иныя и тотчасъ по разрѣшеніи. Ребяты ходятъ нагіе до семи лѣтъ. Я видалъ, что они катаются по землѣ, ползаютъ и лазятъ, и всякой день ихъ моютъ. Сказываютъ, что чрезъ сей способъ бываютъ они стройны, сильны и здоровы.

Индейцы здѣшніе ростомъ высоки, цвѣтомъ больше оливковы, нежели черны; нравомъ тихи и обходительны, слѣпо привязаны къ суевѣрію и своимъ обычаямъ; трезвы и очень боязливы. Одежда ихъ состоитъ въ передникѣ бумажнаго полотна, покрывающаго тѣло отъ поясницы до колѣнъ, и другомъ кускѣ, которой носятъ они на плечахъ и на крестцѣ. Волосовъ не стригутъ, а зачесыва-

ютъ; на шеѣ носятъ жемчужныя ожерелья, а въ ушахъ золотыя кольцы. Солдаты, вмѣсто одежды, имѣютъ нѣсколько аршинъ холста, которымъ покрываютъ себя съ зади и съ переди. Волосы у нихъ собраны на темѣ и привязаны подъ лоскутомъ холстины о трехъ углахъ, изъ которыхъ одинъ лежитъ на лбу, а другіе два подвязаны подъ бородою; предолгая сабля виситъ на поясѣ, а на плечахъ держатъ ружье, у котораго стволъ толще нашихъ.

Въ Голкондѣ, какъ и въ другихъ Азіатскихъ земляхъ, не признаютъ благородства, какъ только въ тѣхъ, кто имѣетъ большой военной или гражданской чинъ. Гвардію у Государя составляютъ самые знатные господа, и живутъ они около его дворца. Они въ своихъ повелѣніяхъ имѣютъ корпусы войскъ, больше или меньше людные, смотря по чину. Въ праздничные дни сбираются на дворѣ во дворцѣ, предслѣдуемы будучи множествомъ людей, слоновъ, верблюдовъ и танцовщицъ, передъ ними прыгающихъ. Конница и пѣхота замыкаетъ таковое шествіе, которое часто видѣть можно въ *Багъ-Нагарѣ*.

Прочіе главные города Королевства Голкондскаго, суть *Гекара*, *Маделоллонъ*, *Насціалоръ*, *Визигалатанъ* и *Бимилилатанъ*; не считая множества крѣпостей, лежащихъ по большой части на неприступныхъ горахъ. Показывать оныя запрещено весьма строго, не только чужестраннымъ, но и жителямъ, безъ особаго позволенія отъ Субы, а онъ почти никогда его не даетъ. Въ городѣ *Генарѣ* отмѣннаго есть только четыре караванъ-

серая, изъ коихъ наибольшій оставляется для двора. Они всѣ имѣютъ свои сады, и составлены изъ большихъ галлерей, изъ пространныхъ залъ и другихъ выгодныхъ и пріятныхъ покоевъ. Предъ каждымъ находится великая площадь, и около ее построены не большія хижины, въ коихъ живутъ приѣзжіе. Имъ безъ платы дается хлѣбъ, пшено и зелень; и сіи убѣжища отворены для всякаго.

Королевство Голкондское наибольше отличается отъ прочихъ Азіатскихъ странъ своими богатыми алмазными минами. Будучи равно любопытенъ, увидѣть мѣсто, въ коемъ родятся алмазы, и порядокъ въ немъ наблюдаемой, пустился я въ сей путь тѣмъ охотнѣе, что не весьма отдалялся отъ столицы; ибо мина, находящаяся въ *Кулурѣ*, отстоитъ отъ нее только на нѣсколко дней ѣзды. Обрѣтеніе ея приписываютъ нечаянному случаю. Имѣющій надъ нею надзираніе, разсказывалъ намъ, что одинъ пастухъ гоня стадо, увидѣлъ свѣтящійся камень. Онъ его поднялъ, и продалъ за малое количество пшена такому человѣку, которой самъ не лучше зналъ его цѣну. Симъ образомъ переходилъ камень въ разныя руки, и наконецъ достался одному знающему купцу, которой получилъ отъ него не малой прибытокъ. Находка сія повсюду разгласилась; и каждой началъ рыть въ томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ алмазъ. Изыскания были не безплодны, ибо найдены изобильныя мины, учинившіяся потомъ источникомъ богатствъ и главнѣйшею отраслью доходовъ государственныхъ. Мы пріѣхали къ нимъ чрезъ дикую, пустую и наполненную каменными

горами землю. Самое сухое и ни къ чему не способное мѣсто было то, въ которомъ природа произвела наивеличайшія сокровища. Алмазы ищутся въ жилахъ помянутыхъ горъ, гдѣ они смѣшаны съ песчаною землею, обыкновенно красною, имѣющею бѣлыя и желтыя пѣни. Когда таковая жила изчезаетъ, то ломаютъ гору ломами и ищутъ ея слѣдовъ: но иногда портятъ тѣмъ алмазы.

Число работниковъ, употребляемыхъ въ минѣ, простирается тысячь до придцати человѣкъ. Осмотря мѣсто, гдѣ находятся алмазы, ровняютъ подлѣ почти такой же округъ земли, и обносятъ его каменною стѣною, вышиною въ два фута. Въ основаніи стѣны дѣлаютъ небольшія дыры для спущенія воды; но не прежде ихъ открываютъ, какъ когда надобно водѣ течь. Потомъ всѣ работники собираются съ своимъ хозяиномъ, его родственниками и пріятелями. Онъ приноситъ съ собою идола, которому каждой покланяется по три раза, а между тѣмъ попъ читаетъ молитвы. По окончаніи сего обряда всѣ моются и зачинается пиръ. Послѣ обѣда принимаются за работу: одни роютъ землю, другіе кладутъ ее въ бочки, носятъ въ приуготовленную загородку, отпираютъ дыры для спущенія воды, съ которою сбѣгаетъ земля или грязь, а остается одинъ песокъ. Они его разравниваютъ, толщиною въ нѣсколько дюймовъ и сушатъ на солнцѣ; а ежели осталось въ немъ еще земли, перетираютъ его руками или толкутъ деревянными пестами, а очистивъ такимъ образомъ отъ пыли, вѣютъ его какъ хлѣбъ: тогда

земля отдѣляется, а въ остаткахъ ищутъ алмазовъ. Прежде, вмѣсто пестовъ, для битья земли, употребляли большіе кремни, отъкуда и происходило, что въ каменьяхъ дѣлались щербины. Знатоки по виду и запаху отгадываютъ мѣста, въ коихъ больше надежды. Въ иныхъ только скобляютъ немного землю, не разбивая глыбъ, ни кремней; въ другихъ копаютъ до десяти и двенадцати саженъ. Голкондскія мины отдаются на откупъ сообществамъ, или богатымъ людямъ, и Король получаетъ отъ того не малые доходы, сверхъ того, что выговариваетъ для себя всѣ камни превосходящія вѣсъ десяти кратъ. Откупщики раздѣляютъ землю на многія четвероугольныя части, и отдаютъ ихъ на откупъ другимъ. И хотя положено весьма жестокое наказаніе на тѣхъ, кто бы покусился украсть заповѣдной камень; но сей страхъ не препятствуетъ утаивать весьма хорошіе алмазы. Копатели ихъ глотаютъ, не имѣя инаго способа спрятать, по тому что они почти наги, и продаютъ очень дорого, не уважая опасности, коей подвергаются, показывая ихъ другимъ.

Когда найдутъ чистой камень, то слегка только гранятъ на колесѣ, не стараясь дать ему совершенной видъ; ибо опасаются уменьшить его вѣсъ. Ежелижъ алмазъ имѣетъ какой порокъ, то прилагаютъ попеченіе скрыть оной при граненіи. Есть два способа гранить алмазы: или дѣлаютъ на немъ множество угловъ и боковъ, конча ихъ небольшою плоскою поверхностію; и тогда называютъ ихъ *бриліанты;* или даютъ ему видъ почти розо-

ваго цвѣтка, пока онъ еще не распустился, и въ семъ случаѣ зовутъ ихъ *розами*. Качество, отличающее хорошій алмазъ, есть, когда походитъ онъ на каплю самой чистой воды, и ежели камень порядочной формы, не имѣетъ ни пятенъ, ни жилъ, ни щербинъ, ни другихъ сего рода недостатковъ, то можетъ изъ него выдти самой совершенной алмазъ. Ежели напротивъ онъ желтоватъ, зеленоватъ, голубоватъ, или красноватъ, и ежели сей цвѣтъ нѣсколько густъ; то считается во вторыхъ; наконецъ, ежели цвѣтъ блѣденъ, то меньше стоитъ и сего послѣдняго. Говорится объ алмазѣ, что онъ перьвой воды, когда камень во всемъ совершенствѣ; ежели же не достаетъ въ немъ чего къ помянутому совершенству, то называется второй или третьей воды, до тѣхъ поръ, пока назвать его можно цвѣтнымъ. Большіе каменья рѣдко бываютъ чисты; и обыкновенно взаимствуютъ отъ качества грунта. Ежели онъ мокръ и болотистъ, алмазы больше бываютъ черны, а по свойству земли, красны, желты, зелены и пр. На поверхности ихъ виденъ нѣкоторой родъ жирности, которую безпрестанно надобно отирать. Небесной воды каменья почитаются всѣхъ хуже. Индейцы смотрятъ на граненые каменья при лампадѣ, а наши гранильщики не могутъ узнавать ихъ хорошо, какъ только днемъ.

Въ Голкондскихъ минахъ, то есть, въ *Каолкондѣ* и *Кулурѣ* отправляется великой торгъ алмазами. Купцы туда пріѣзжаютъ изо всѣхъ частей Индіи, и образъ ихъ торга заслуживаетъ, чтобъ я его описалъ. Дѣло

отправляется съ самымъ глубокимъ молчаніемъ. Купецъ и продавецъ сидятъ другъ противъ друга на пятахъ, одинъ изъ нихъ развязываетъ свой кушакъ, продавецъ береть правую руку у купца и покрываетъ вмѣстѣ съ своею концомъ кушака. Ежели онъ возметъ всю руку, означаетъ тысячу, и сколько разъ ее пожметъ, столько должно разумѣть тысячь рупій, продавецъ жметъ руку десять разъ; но ежели возметъ только пять пальцовъ у купца: сіе значитъ пять сотъ; половина пальца стоитъ пятьдесятъ и пр. Симъ способомъ договаривающіеся не изъясняются ни языкомъ, ни глазами, а только руками: и случается часто, что въ томъ же мѣстѣ и въ присутствіи множества свидѣтелей, одинъ алмазъ бываетъ проданъ нѣсколько разъ; а ни кто кромѣ продавца, и купца сказать не можетъ, за какую цѣну.

Когда торгъ дѣлается открытымъ образомъ, то всегда находится при немъ для отвращенія обмана въ вѣсу, одинъ Королевской надзиратель, которой не береть ничего за труды отъ торгующихъ. Должность его вѣситъ всѣ алмазы, и купцы обязаны въ томъ полагаться на его слово. Индейцы имѣютъ правило мало извѣстное въ Европѣ, дабы точно узнать цѣну всякаго камня. Сперьва они вѣсятъ, потомъ смотрятъ, совершенной ли онъ доброты. Я уже сказалъ, что здѣсь разумѣется чрезъ совершенство; на примѣръ: алмазъ сего рода имѣющій вѣсу одну кратту, стоитъ тридцати рублей; а вы желаете знать, чего бы онъ стоилъ, ежелибъ вѣсилъ двенадцать краттъ: должно умножать 12 12ю

и будетъ 144, потомъ умножить 144 цѣною крапнаго камня, что составитъ сумму четыре тысячи триста двадцать рублей.

Но не довольно знать цѣну совершеннаго алмаза: нужно быть свѣдущимъ также и въ цѣнѣ прочихъ каменьевъ. Что дѣлается тѣмъ же правиломъ, начиная цѣною крапнаго камня. Возмите алмазъ несовершенной доброты въ пятьнадцать кратъ, и положите первую кратy въ двенадцать или наибольше въ двадцать рублей, смотря на степень его доброты. Умножте всѣсъ его пятьнадцатью, а произшедшее изъ того число цѣною одной краты. Сіе умноженіе даетъ вамъ цѣну алмаза въ пятьнадцать кратъ несовершенной доброты.

Слѣдуя сему правилу, вы можете легко узнать, чего стоютъ два наилучшіе изо всѣхъ знаемыхъ алмазовъ, одинъ въ Азіи, а другой въ Европѣ. Первой былъ въ сокровищахъ Великаго Могола, и думаютъ, что перешелъ къ Тахмасъ-Кулы-Хану. Онъ вѣсилъ двѣсти восемдесятъ кратъ, былъ совершенно хорошей воды, и имѣлъ небольшую щербину, безъ которой можно бы первую кратy положить въ тридцать два рубли; но полагая въ тридцать рублей, долженъ стоить два милiона триста пятьдесятъ двѣ тысячи. Второй принадлежитъ Великому Герцогу Тосканскому, вѣситъ сто тридцать девять кратъ, и оцѣненъ въ пять сотъ двадцать одну тысячу шесть сотъ шестьдесятъ семь рублей. Онъ чистъ и хорошей формы, ограненъ со всѣхъ сторонъ фацетами; но какъ вода его сдается

на лимонной цвѣтъ, по крату полагаютъ въ двадцать семь рублей.

Я много разспрашивалъ у здѣшнихъ купцовъ о Бенгалской минѣ, не могши самъ въ ней быть. Каменья ея находятся въ рѣкѣ *Гуелѣ*. Послѣ разлитія водъ, которыя несутъ много съ собою песку, рѣка становится чиста и во многихъ мѣстахъ оставляетъ песокъ наружѣ. Оные мѣста окружаются фашинами и землею, воду выливаютъ, и ихъ совсемъ осушаютъ. Помянутой песокъ, котораго никогда больше двухъ фунтовъ не снимаютъ, переносится на одно мѣсто ровное и окруженное стѣною, какъ въ Голкондѣ, и тамъ съ нимъ поступаютъ, какъ я уже выше описалъ. Изъ сей же рѣки Гуеля получаются тѣ прекрасные каменья, коихъ называютъ *Пантъ-Наивъ*. *

Сверьхъ алмазовъ, составляющихъ главное богатство Королевства Голкондскаго, родится много въ немъ хрусталей и другихъ прозрачныхъ каменьевъ, какъ гренаты, сафиры, аметисты, топазы и агаты. Особливо въ здѣшнихъ краяхъ находятъ наилучшій *безоаръ*. Вы знаете, сударыня! что сіе превосходное лѣкарство противъ яду, ни что иное есть, какъ камень, родящійся во многихъ мѣстахъ въ Азіи, въ нѣкоторыхъ животныхъ, какъ въ коровахъ, козахъ и обезьянахъ особливаго рода. Находимой въ коровахъ вѣситъ до осмнадцати

* Сіе имя даютъ ювелиры нѣкоторымъ неограненнымъ и необычайнаго вида алмазамъ, наибольше находящимся въ рѣкѣ Гуелѣ въ Бенгалѣ.

унцій, но не уважается; и шесть скрупуловъ обыкновеннаго безоара, произведетъ больше дѣйствія, нежели придцать коровьяго. Тотъ напротивъ, которой родится въ обезьянахъ, въ трое сильнѣе козьяго обыкновенно употребляемаго; но онъ рѣдокъ, по рѣдкости породы обезьянъ, въ которыхъ его находятъ. Сіи безоары невелики и продолговаты, но бываютъ разныхъ фигуръ и цвѣта; есть черные, сѣрые, желтоватые; но обыкновенно темносѣрые или темнозеленые. Камень состоитъ изъ рядовъ или пленокъ гладкихъ и свѣтящихся, лежащихъ одни на другихъ какъ въ луковицахъ, и кончащихся ямкою, въ которой находятъ нѣсколько порошка изъ той же матеріи что и камень; а иногда соломинки, кусочки травы, зерны, щепки и маленькіе кремешки, кои служатъ сердцемъ безоару: то есть, что они подали мѣсто къ произрастенію камня, и служили ему основаніемъ.

Есть люди имѣющіе увеличивать безоаръ съ помощію тѣста, составленнаго изъ смолы и другой нѣкакой матеріи, похожей цвѣтомъ на сіе драгоцѣнное лѣкарство: они даютъ ему то же число пленокъ, какое отъ природы долженъ онъ имѣть. Можно узнать обманъ, взвѣсивъ камень и положа его въ воду: ежели вода перемѣнитъ цвѣтъ, и въ камнѣ тяжести убудетъ, то онъ поддѣланной. Другіе употребляютъ острое и раскаленое желѣзо, которымъ колютъ безоаръ: ежели желѣзо войдетъ и камень зашипитъ, то сіе значитъ что онъ не самородной, а мѣшаной. Сіи опыты тѣмъ нужнѣе, что и въ самой Индіи продаютъ премножество ложныхъ безоаровъ.

Король Голкондской получаетъ отъ него не малой доходъ въ своей землѣ. Животное, въ которомъ онъ здѣсь родится, называется *Пазанъ*, и есть родъ козла или козы водящагося въ горахъ къ границѣ Ориксы. Жители узнаютъ щупая козла, сколько въ немъ безоаровъ, и продаютъ его смотря на число каменьевъ. Они подложивъ ему подъ брюхо руки, щолкаютъ его по бокамъ, и всѣ безоары спадаютъ на средину, гдѣ они сквозь кожу ихъ счищаютъ. Что касается до цѣны камня, то оной какъ и въ алмазахъ умножается по величинѣ. Шесть безоаровъ, кои всѣ не больше унціи вѣсятъ, продаются за четыре рубли, а одинъ въ томъ же вѣсѣ стоитъ двадцать рублей. У Португальцовъ въ Гоѣ, кои безпрестанно опасаются быть отравлены, въ великомъ употребленіи сей камень.

Я есмь, *и пр.*

ПИСЬМО XXXVI.

Коромандель

или

Берегъ Коромандельской.

Уголъ Индейскаго полуострова, отъ самаго Голкондскаго Королевства, до Комаринскаго мыса, составишъ содержаніе нѣсколькихъ отъ меня къ вамъ писемъ. Я начинаю Коромандельскимъ берегомъ. Доброта гаваней побудила Европейскихъ купцовъ прибрать его въ свои руки, и Индейцы не имѣютъ на немъ ни малой власши. Здѣсь однако всѣ приходящіе изъ Бенгала, Китая, Японіи, съ острововъ Борико, Сумашры, *Явы*, *Цейлона* и пр. для торгу съ Голкондою, Карнашою, Визапуромъ и Моголомъ корабли, становятся на якорѣ, и слѣдовашельно находятся здѣсь товары всякаго рода.

По осмошрѣніи алмазныхъ минъ, бывшіе со мною шамъ Французы, привезли меня назадъ въ Мазулипашанъ, и дожидались опшравленія одного корабля компаніи въ Пондишери. Во время пребыванія моего, дали они мнѣ нѣсколько праздниковъ, въ садахъ внѣ города лежащихъ; осшальное время употреблено было на ѣзду по Королевству *Карнатскому*, въ коемъ *Бисангаръ* есть сполица: она посшроена на вершинѣ высокой горы, и обнесена шройною спѣною, коя въ округѣ своемъ захвашываешъ версшъ пяшнадцашь. Въ ней

живетъ главной Суба (ибо ихъ много въ сей землѣ) въ пространномъ и великолѣпно украшенномъ дворцѣ. Сей владѣлецъ въ старину присвоялъ себѣ наименованіе *Короля Королей* и *мужа тысячи женъ*, и имѣлъ войны, защищая сіи странные типулы. Европейцы старались снискать его дружбу, дабы получить свободу торговать въ его землѣ, приносящей золото, серебро и драгоцѣнные каменья. Онъ позволяетъ имъ жить въ ней по нѣскольку дней, какъ просто проѣзжимъ; но предписалъ себѣ законъ не допускать ихъ селиться. Въ крѣпости ни кому не вольно войти, безъ особливаго отъ него позволенія. Онъ имѣетъ много укрѣпленныхъ городовъ, и можетъ вывесть въ поле сто тысячь конницы, и семь или восемь сотъ слоновъ. Народы почитаютъ его какъ бога. Выхваляется особливо исправность, съ каковою дѣлается правосудіе въ его владѣніяхъ. Вѣра здѣсь есть идолопоклонническая, а божество солнце.

Въ нутри государства находили мы множество городовъ, и наскоро ихъ осмотрѣли. *Гандикотъ*, *Безоаръ* и *Трилети* славятся числомъ, страшностію и великолѣпіемъ капищъ. Первой есть крѣпость въ Королевствѣ, лежитъ онъ на самой вершинѣ высокой горы, и входъ въ него идетъ по весьма трудной дорогѣ, съ которой видны только пропасти. Главное капище въ Безоарѣ украшено обронными изображеніями ужасныхъ дьяволовъ и страшныхъ животныхъ. Индейцы, приходящіе имъ молиться, складываютъ руки вмѣстѣ, вступая въ капище, и подносятъ ихъ ко лбу. Потомъ приближаясь къ идолу,

нѣсколько разъ повторяютъ *Рамъ-Рамъ*, то есть *Богъ-Богъ*. Приступивъ къ идолу, звонятъ три раза въ колокольчикъ на немъ повѣшенной; прежде еще расписываютъ себѣ нѣкоторыя части лица и тѣла разными маленіями, или намазываются масломъ и благовоніями. Тутъ дѣлаютъ ему приношеніи деньгами, пшеномъ, сахаромъ и другими припасами. Для служенія сему идолу находится шестьдесятъ жрецовъ, кои живутъ помянутыми подаяніями съ женами и дѣтьми; обязаны однакожъ оставлять ихъ передъ идоломъ цѣлые два дни; ибо не позволено имъ уносить приношеніе прежде третьяго. Просящій божество о исцѣленіи какой болѣзни, долженъ посвятить ему изображеніе больнаго члена золотаго, серебренаго или мѣднаго по своему достатку.

Чѣмъ скверне идолъ, тѣмъ больше его почитаютъ, и больше дѣлаютъ приношеній. Молельщики приходятъ изъ весьма дальнихъ мѣстъ. Бѣдныхъ кормятъ жрецы изъ подаянія чинимаго богатыми. Мы видѣли одну женщину, у которой умеръ мужъ: она цѣлые три дни спрашивала у *Рамъ-Рама*, какъ ей вскормить и воспитать дѣтей своихъ? Богъ при насъ ничего не отвѣчалъ. Мы спросили у одного жреца о причинѣ его молчанія. Божеской отвѣтъ, сказалъ онъ намъ, стоитъ того, чтобъ его подождать. Думая, что есть тутъ обманъ отъ сихъ господъ, вошелъ я въ капище, когда они разошлись, и за спатуею увидѣлъ скважину, въ которую человѣкъ можетъ помѣститься, и изъ которой заставляютъ они говорить идола, язы-

комъ его служителей. Между тѣмъ, какъ я разсматривалъ, пришелъ туда жрецъ и укорялъ меня, что я осквернилъ святость мѣста; но не трудно мнѣ было его успокоить, положивъ ему нѣсколько рупій въ руку.

Тримлетское капище въ такомъ же у идолопоклонниковъ почтеніи, какъ Мекка у Магометанъ. Въ немъ ежегодно отправляется праздникъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, привлекающій великое число молельщиковъ, коихъ дары умножаютъ доходы Набаба. Позволено однимъ только идолопоклонникамъ всходить на мѣсто, гдѣ стоитъ капище.

Мадуре, есть одинъ изъ главнѣйшихъ округовъ древняго Королевства Карнатскаго; *Тишералали* его столица, не имѣетъ ничего примѣчанія достойнаго: дворецъ владѣтеля гораздо хуже Мадурскаго, гдѣ жилъ Король, и отъ котораго провинція получила свое имя. Прочіе въ ней города суть *Алкатилъ*, *Тарколанъ* и проч. Богочтеніе жителей Алкатилскихъ есть вѣрьхъ срамопы. Жрецы ихъ торжественно боготворятъ Пріапа, называя его *Линганъ*. Представленъ онъ подъ изображеніемъ дѣтородныхъ частей мужескихъ, или обоего пола соединенныхъ вмѣстѣ. Сіе странное божество имѣетъ много послѣдователей въ Индіи. Они его почитаютъ, какъ источникъ рожденія живущихъ существъ, и носятъ на шеѣ его изображеніе, называя оное тѣмъ же самымъ имянемъ, и принося ему повсядневную жертву.

Въ Алкатилѣ нашли мы одного Французскаго Іезуита, Миссіонера Мадурскаго. Онъ сильно старался обратить одного здѣшняго

учителя, приобрѣтшаго не малую славу, и коего примѣръ могъ бы многихъ привлечь къ Христіанской вѣрѣ. Сей идолопоклонникъ, человѣкъ разумной, и больше другихъ Индейскихъ наставниковъ ученой, говорилъ съ похвалою о нашемъ законѣ. „Для чего же увѣ„щавалъ его Миссіонеръ, не пособляете вы „мнѣ втолковать познаніе Вышняго Существа „вашимъ одноземцамъ?“ „Нашъ прудъ былъ бы „безполезенъ, ошвѣтствовалъ онъ; разумъ „въ здѣшнемъ народѣ весьма ограниченъ, онъ „не въ состояніи понять вещь столь тонкую.“ Іезуитъ возражалъ: „Богъ подобенъ морю, „хотя не видно все его пространство, и не„извѣстна вся его глубина; однакожъ знаютъ „оныхъ столько, чтобъ предпринимать дол„гія путешествіи, и переѣзжать въ мѣста, „куда кто желаетъ. Равнымъ образомъ, хотя „Вышнее Существо есть и непонимаемое; „но нѣтъ ни кого, кто бы не могъ его по„знать столько, сколько нужно для своего „спасенія.“ Сіе сравненіе полюбилось учителю, но не могло его склонить къ принятію ученія, имъ самимъ почитаемаго. Превеликой линганъ, котораго носилъ онъ на шеѣ, былъ такъ сказать, печатію его оприновенія. Въ силу одного закона, установленнаго жрецами, молодыя дѣвки посвящаютъ имъ свои первоначатки.

Мы пробыли два дни въ Алкатилѣ, большемъ и людномъ, но нечистомъ и худо построенномъ городѣ. каковы суть и всѣ почти Индейскіе города. Жители по большей части *Линганисты*, и тѣмъ малую подаютъ для Миссіонеровъ надежду. Жизнь, препровождаемая

сими монахами, для обращенія душъ, можетъ привести васъ въ благоговѣніе. Они будучи увѣрены, что ни что такой силы для склоненія невѣрныхъ не имѣетъ, какъ строгое и постное житіе, вздумали надѣть на себя платье *браминовъ санїасовъ*, и слѣдовать сей Индейской сектѣ кающихся монаховъ, то есть, принять на себя страшное обязательство; ибо сверьхъ воздержанія отъ мяса, рыбы и яицъ, помянутые идолопоклонническіе монахи имѣютъ тягостные обряды. Они моются всякой день въ одномъ всенародномъ прудѣ, не смотря ни на стужу, ни на жаръ, и повторяютъ купанье предъ обѣдомъ, а ѣдятъ одинъ разъ на день. По должности обязаны пребывать въ наивеличайшемъ уединеніи все то время, которое не употребляютъ на услуги ближнему. Пища ихъ состоитъ въ зелени и небольшемъ количествѣ пшена варенаго въ водѣ. Индейцы за правило имѣютъ, что тотъ, кто думаетъ ихъ сдѣлать лучшими или разумнѣйшими, долженъ вести жизнь согласную съ своими наставленіями, что Миссіонеры строго и наблюдаютъ; они не сами своею властію одѣлись Брамінами; одинъ начальникъ сей Миссіи, размышляя о привязанности Индейцовъ къ своимъ жрецамъ и монахамъ, думалъ, что возложивъ ихъ платье, и живучи по ихъ обычаю, можетъ скорѣе снискать у нихъ довѣренность. Сіе намѣреніе было представлено Папѣ, которой повелѣлъ его разсмотрѣть Консисторіи о *размноженіи вѣры*. Тамъ исполковано было, что браминское платье есть больше знакъ дворянства, нежели Вѣры; и въ слѣд-

ствіе того, позволено Миссіонерамъ испытать сей способъ обращенія, которой и дѣйствительно имъ удался. Съ того времяни начали они съ непокрытою головою и босыми ногами ходить по разженному отъ солнца песку, подвергать себя безпрестанно солнечному зною, препровождать нѣсколько дней не вкушая пищи, и дожидаясь на дорогѣ или подъ деревомъ, чтобъ какой идолопоклонникъ, тронутой таковымъ терпѣніемъ, пришелъ слушать ихъ проповѣдей.

Мы ѣхали съ Французскимъ Іезуитомъ до самой *Тарколаны*, нарочитаго въ старину, но нынѣ весьма упадшаго и въ величествѣ и въ богатствѣ города. По баснословнымъ идолопоклонническимъ преданіямъ, онъ такъ былъ хорошъ въ старину, что боги здѣшней земли въ немъ держали свои совѣты, когда сходили на землю. Отъ Королей Голкондскихъ перешелъ онъ къ Великому Моголу; но какъ пространство земель, не позволяло ему содержать гарнизоны Магометанскіе, во всѣхъ завоеванныхъ городахъ; онъ ввѣрилъ ихъ стражу идолопоклонникамъ, кои сдѣлались въ нихъ Государями: отъ сего-то источника произошло столько Королей въ Индіи, хотя управляющихъ весьма малыми округами земли.

Повсюду, гдѣ мы проѣзжали съ Миссіонеромъ, народъ собирался смотрѣть Христіанскаго Соніаса, такъ его называли добросердечные жители. Къ нему приходили многія Браминовы жены, которыя между прочимъ спрашивали у него, возвратятся ли благополучно ихъ мужья, предпріявшіе дальныя путешествіи? Іезуитъ отвѣчалъ имъ, что

онъ не пришелъ ихъ обманывать, какъ ихъ учители, но наставить ихъ на истинный путь къ небу. Онѣ слушали его со вниманіемъ, и простясь съ нимъ учтиво, ушли. Другія вняли его наставленіямъ и крестились. Мы его оставили въ семъ упражненіи и приближаясь къ берегу, пріѣхали въ *Палїакатъ*. Голландцы, завладѣвшіе симъ городомъ, имѣютъ въ немъ кантору, и крѣпостцу о четырехъ бастіонахъ, называющуюся *Гелдрская крѣпость*. Между ею и городомъ, лежитъ ровное мѣсто, а въ крѣпости содержится небольшой гарнизонъ. Голландцы привлекли въ Паліакатъ множество мастеровыхъ, отъ коихъ фабрики ихъ находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Положеніе его пріятно, домы хорошо выстроены, и почти всѣ улицы осажены двойнымъ рядомъ деревьевъ, кои и охлаждаютъ и составляютъ пріятныя гульбища.

Мы недолго останавливались въ семъ городѣ, и поѣхали въ *Мадрасъ*, славное Аглинское селеніе, составленное изъ остатковъ селенія *Св. Фомы*, лежащаго отсюда въ нѣсколькихъ миляхъ. Мадрасъ раздѣляется на два города какъ Лондонъ, *Бѣлой*, которой довольно хорошо выстроенъ; и *Черной*, въ коемъ большая часть домовъ есть не что иное какъ хижины, сдѣланныя изъ глины и покрытыя соломою. Первой населенъ Европейцами, второй Индейцами, коихъ цвѣтъ даетъ имена городамъ. Въ домахъ ихъ нѣтъ оконъ ни другихъ мебелей, кромѣ рогожекъ, служащихъ для сидѣчья и спанья. Семь или восемь человѣкъ спятъ на одной рогожкѣ; а бываетъ ихъ по тридцати въ каждомъ жилищѣ, хотя оное

низко и тѣсно. Домы самыхъ богатыхъ купцовъ, вмѣсто окна имѣютъ дыру, и въ той нѣтъ оконницы. Черной городъ больше и людиѣе Бѣлаго; ибо сверьхъ Индейцовъ, находятся въ немъ Португальцы, Армяне, Арабы и Жиды пользующіеся великою вольностію. Каждая вѣра имѣетъ свой храмъ или капище. Индейцы сохранили свои старинныя Пагоды или божницы, въ коихъ прислуживаютъ Брамины и молодыя дѣвицы; а должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ пѣть хвалы богамъ, и предавать себя всѣмъ приходящимъ, не различая земли. Мадрасскіе Губернаторы прежде содержали на своемъ жалованьѣ не малое число пѣвицъ, кои ходили передъ ними, когда они показывались предъ народомъ. Сіе обыкновеніе уничтожено.

Считаютъ въ Мадрасѣ больше ста тысячь жителей. Торги его въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что мало городовъ, гдѣ бы было столько богатства и денегъ. Крѣпость *Св. Георгія* находится въ Бѣломъ городѣ, гдѣ стоятъ также и Губернаторскія палаты. Сіе зданіе огромно и богато. Оно служитъ также жилищемъ директору Аглинской компаніи и другимъ чиновнымъ. Португальцы имѣютъ въ немъ церкви, равно какъ и Агличане, на другой сторонѣ, гдѣ они собираются два раза въ день при восхожденіи и захожденіи солнца. Они должны тогда одѣты быть въ благопристойномъ платьѣ, что ни мало непріятно въ жаркомъ краю, гдѣ одѣваются очень легко. Сверьхъ народныхъ зданій, каковы казармы, больница, оружейница и пр.

есть здѣсь денежной дворъ, на которомъ Агличане бьютъ золотыя и серебреныя рупіи, подъ чеканомъ Великаго Могола. *Голландцы* дѣлаютъ также деньги въ Паліакатѣ, *Португальцы* въ Гоѣ, *Французы* въ Пондишери, а *Датчане* въ Транкебарѣ. Укрѣпленіи въ Мадрасѣ были посредственныя; но какъ французы въ 1746 году завладѣли городомъ съ малымъ числомъ людей, и не поперявъ ни человѣка, то Агличане привели его въ такое состояніе обороны, что перьвые принуждены были снять осаду въ послѣднюю войну. Съ гарнизонными солдатами поступаютъ весьма строго, и за малую проступку наказываютъ немилосердно. Тѣхъ, кои вздумаютъ заводить бунтъ, запираютъ въ темныя и жаркія тюрмы, и не даютъ имъ ничего, кромѣ пшена и воды: ни кто не можетъ ихъ видѣть, ни помочь имъ: и сіе заключеніе кажется имъ несноснѣе самой смерти. Въ прочемъ, плата имъ идетъ великая и многіе изъ нихъ въ состояніи нанимать слугу изъ здѣшнихъ жителей. Мадрасскіе Индейцы бываютъ довольны, когда дѣти ихъ служатъ нѣкоторое время въ Аглинскомъ войскѣ, для обученія языка и торга сего народа. Въ городѣ есть народное училище, гдѣ учатъ всѣхъ приходящихъ молодыхъ людей, читать, писать и считать. Въ больницахъ за немощными ходятъ радѣтельно и бѣдные получаютъ чѣмъ себя содержать, изъ особо опредѣленныхъ на то денегъ. Управляющимъ оными, ввѣрена опека надъ сиротами богатыхъ людей, коихъ имѣніе стараются они сберечь и умножать до времяни совершеннаго ихъ возраста.

Губернаторъ Мадрасской, Директоры торговли, Чиновники Совѣта и всѣ употребляемые въ службѣ компаніи при умѣренномъ жалованьѣ, имѣютъ столько случаевъ обогащаться торгомъ, что сихъ мѣстъ всегда ищутъ; даже и самые священники при церквахъ, не смѣя явно торговать, находятъ тайные способы собирать нарочитыя суммы, на кои покупаютъ они потомъ въ Англіи Епископскія мѣста, приносящія право засѣданія между Перами. Мадрасской Губернаторъ, есть глава Вышняго Совѣта, имѣетъ правленіе всей компаніи, раздаетъ всѣ чины, и судитъ рѣшительно всѣ гражданскія и уголовныя, касающіяся до Европейцовъ дѣла. Въ Черномъ городѣ есть особые судьи для Индейцовъ.

Частые разговоры съ Мадрасскими Агличанами о ихъ торгахъ, доставили мнѣ нѣкоторыя понятіи о компаніи ихъ въ Восточной Индіи, въ наилучшемъ состояніи находящейся изо всѣхъ Европейскихъ тамъ учрежденныхъ для сего предмета. Не всегда она имѣла одинаковое щастіе: съ начала седмнадцатаго вѣка, когда зачала посылать корабли въ Индію, возрастала безпрерывно цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ; но возгорѣвшаяся между Агличанами и Голландцами война, нанесла ей не малой вредъ. Голландцы разграбили и сожгли многія у нее конторы, и акціи ея сильно уменьшились. Потомъ Агличане поссорились съ Моголомъ, и были выгнаны изъ Сурата; а Франція, которая чрезъ нѣсколько лѣтъ занимала всѣ ихъ морскія силы, разорила многія у нихъ селеніи. Въ то время Аглинская компанія въ такое

пришла истощеніе, что казалась быть на краю своего паденія. Послѣ Ризвикскаго мира, Агличане для возстановленія торговли, составили новую компанію, и соединили ее съ старою. Сіе предпріятіе имѣло успѣхъ свыше ихъ надежды, и компанія получила новыя силы, кои учинили ее и богатѣе и славнѣе прежняго. Въ обыкновенной годъ посылала она въ Индію въ началѣ сего вѣка миліонъ фунтовъ стерлинговъ (больше пяти миліоновъ рублей) деньгами и слитками, и содержала конторы во всѣхъ торговыхъ городахъ Азіи. Она имѣетъ тамъ многіе собственно ей принадлежащіе города: но главнѣйшее селеніе есть Мадрасъ, которой также ей принадлежитъ, и въ которомъ содержитъ она отъ семи до восми сотъ человѣкъ горнизона. Въ немъ они собираютъ весь грузъ отправляемой въ Европу. Всякой годъ посылаются корабли въ Англію и въ разныя мѣста въ Индіи. Есть время, въ которое всѣ корабли собираются въ Мадрасѣ, и вселяютъ въ Агличанъ здѣсь не меньше гордости, какъ Голландцы имѣютъ въ Батавіи. Сіи два народа только тѣмъ разнятся, что Голландская компанія предъоставила себѣ изключительное право всей своей торговли; а у Агличанъ принимаетъ она только малое участіе въ торгахъ, производимыхъ у одной Индіи съ другою; а наибольшее имѣютъ частные люди. Но оба сіи народа отправляютъ торги съ такою привязанностію, или лучше алчностію, что желали бы удалить отъ нихъ всѣ прочія Европейскія державы. Купцы Аглинской компаніи привозятъ въ Индію свои домашнія

сукны, свинецъ, олово, зеркалы, клинки, ножи, сученое золото и серебро, чужестранныя вины, водку и пр. а вывозятъ въ обмѣнъ алмазы и другіе драгоцѣнные каменья, перецъ, селитру, индиго, лѣкарственныя произрастенiи и множество кисеи и полотенъ.

Меліопуръ, было перьвое мѣсто, въ которомъ мы остановились, оставя Мадрасъ. Сей городъ былъ столицею Коромандельскаго Королевства, когда Португальцы имъ завладѣли подъ предводительствомъ *Гамы*. Они удивились, что нашли тутъ Христіанъ почитающихъ себя произшедшими отъ тѣхъ, коихъ обратилъ *Св. Фома*. Построили въ близи другой городъ, дали ему имя сего Апостола, и назвали его на своемъ языкѣ *Сан-Томе*. Преданіе въ самомъ дѣлѣ утверждаетъ, что сей Апостолъ проповѣдывалъ здѣсь Евангеліе, и запечатлѣлъ оное пролитіемъ своея крови. Щастіе и властелины сего города часто перемѣнялись. Владѣли имъ Французы; потомъ Король Голкондской разорилъ крѣпость, и остатки ея употреблены на построеніе Мадраса. Со временемъ Сан-Томе распространился до самаго Меліопура, и нечувствительно привыкли почитать оба сіи города за одинъ, Европейцы и не знаютъ его инако, какъ подъ именемъ послѣдняго. Въ прочемъ нынѣ онъ есть только куча развалинъ, посреди коихъ видно нѣсколько жилищъ. Торги его изчезли, обыватели состоятъ въ небольшемъ числѣ Индейцовъ, держащихся въ Меліопурѣ, и Португалцовъ, живущихъ въ Сан-Томѣ подъ властію здѣшняго Государя.

Я продолжалъ путь мой до *Пондишери*, городъ больше знаемой Французами, нежели провинціи собственнаго ихъ Государства. Во время переѣзда моего по морю, прочелъ я исторію Французской Индейской компаніи, въ нѣкоторой книгѣ данной мнѣ однимъ морскимъ офицеромъ. Я вознамѣрился сдѣлать изъ нее выписку, ибо увѣрили меня, что она сочинена изъ записокъ сообщенныхъ самою компаніею; слѣдовательно я не могъ избрать вождя ни вѣрнѣйшаго, ни точнѣйшаго въ описаніи сей славной компаніи, которая основала въ Пондишери свою столицу. Я иногда буду употреблять точные выраженіи сочинителя.

Получаемыя изъ Восточной Индіи Португальцами, Агличанами и Голландцами безчисленныя богатства, возбудили въ Французахъ желаніе, слѣдовать за ними въ сіи отдаленныя и незнаемыя страны; но плоды изъ того были столь посредственны въ теченіе первыхъ шестидесяти лѣтъ, что предпріявшіе сей торгъ, нашли въ немъ разореніе, вмѣсто ожидаемыхъ сокровищъ. Тщетно *Францискъ I.* увѣщавалъ подданныхъ своихъ предпринимать таковыя долговремянныя путешествіи; тщетно наслѣдники его возобновляли стараніи о поощреніи ихъ къ тому. Должно было рѣшиться Государству, употребить самому на нихъ часть нужныхъ денегъ; но междуусобныя войны истощали и малые доходы, коими наполнялася тогда казна Королевская.

Первая мысль о Французской компаніи для торгу въ Восточную Индію, родилась при *Генрикѣ IV. Жерардѣ Леруа*, Фламандской мореплаватель, учинившій нѣсколько путе-

шествій въ Азію на Голландскихъ корабляхъ, представилъ свои услуги въ качествѣ штурмана собирающейся во Франціи компаніи. Король пожаловалъ ему и его сообщникамъ свободной портъ или вольненіе отъ пошлинъ, двѣ пушки, изключительное право на пятьнадцать лѣтъ, и многія другія милости; но все сіе не приведено ко исполненію. Нѣсколько лѣтъ спустя, тотъ же самой Жерардъ собралъ новое сообщество въ началѣ владѣнія *Людовика XIII.* и получилъ новую привиллегію на двенадцать лѣтъ. По прошествіи четырехъ лѣтъ, въ кои помянутое сообщество ничего не произвело въ дѣло, нѣкоторые Руанскіе купцы просили объ отдачѣ имъ сей привиллегіи, и обѣщались отправить корабли еще въ 1615 году.

Сообщники Жерардовы тому воспротивились; и Король, дабы согласить, соединилъ ихъ вмѣстѣ, и далъ имъ весьма выгодныя привиллегіи. Неизвѣстно, были ль они въ Индіи, а только то вѣрно, что приобрѣли они *Мадагаскаръ*, и другіе къ нему принадлежащіе острова.

Въ 1642 году собралась, подъ покровительствомъ Кардинала *Ришелье*, новая торговая компанія, которая имѣла нѣкоторой успѣхъ въ сихъ островахъ; но тѣмъ кончилось дѣло, что не получила ни малѣйшаго выигрыша изъ своихъ чрезвычайно великихъ издержекъ. Плачевное состояніе сего селенія вселило въ Г. *Колберта* мысль о новомъ сообществѣ, не только для возстановленія Мадагаскарскихъ дѣлъ, но и для распространенія торговли Французской до самой Индіи. Нужно

было при семъ благоразуміе и попеченіе сего великаго Министра, дабы обязать Французовъ вступить въ новыя предпріятіи. Девяти человѣкамъ изъ лучшихъ купцовъ, подъ надзираніемъ одного Секретаря Совѣта, поручено управленіе сей компаніи въ Парижѣ. Въ провинціяхъ были опредѣлены другіе общіе и частные синдики или стряпчіе. Король въ указѣ установленія данномъ въ Августѣ 1664, обязялся ссудить имъ три миліона ливровъ, шесть сотъ тысячь рублей, безъ процентовъ: не требуя ниже части въ ихъ барышѣ чрезъ цѣлыя десять лѣтъ, и взялъ на себя убытки, могущіе случиться въ помянутое время. Но требовалъ онъ, чтобъ каждой изъ участвующихъ положилъ по крайней мѣрѣ двѣсти рублей; а дабы принудить Директоровъ прилѣжнѣе наблюдать свою должность, повелѣлъ Парижскимъ, по меньшей мѣрѣ взнести по четыре тысячи, а прочихъ городовъ по двѣ тысячи рублей.

Въ первые годы компанія ограничивалась торгомъ въ одномъ Мадагаскарѣ, которой былъ названъ *Дофиновымъ островомъ*, и въ *Маскаренѣ* въ близи отъ него лежащемъ, нынѣ *Бурбонскимъ* называемомъ.

Сурать былъ первое становище у Французовъ въ Индіи. Они въ то же время, то есть, около 1668 года основали другія факторіи, какъ то въ Бенгалской провинціи, въ Кананорской землѣ, въ Каликутѣ, въ Голкондѣ, и наконецъ въ Пондишери; сіе послѣднее лежащее на Коромандельскомъ берегу, учреждено въ 1670, спустя два года. Адмиралъ *Делаге* взялъ приступомъ городъ Сан-Томе, принадле-

жавшій тогда Королю Голкондскому; но не долго сохранили его французы въ своихъ рукахъ; ибо Могольцы отняли сей городъ, съ помощію Голландцовъ въ 1674. Таковая потеря, побудила компанію обратить всю свою надежду на Пондишери, дабы въ немъ учредить главной складъ Индейской коммерціи. Тамошній Губернаторъ уступилъ имъ нужную близъ моря обширность земли, гдѣ они сперва построили не малой домъ, которой служилъ имъ вмѣсто конторы, а два года спустя, позволилъ онъ имъ и укрѣпиться, и прислалъ нѣсколько войска въ умноженіе ихъ малочисленнаго гарнизона.

Таковы были начала сего славнаго селенія: они конечно стоили немного, ибо на первые укрѣпленіи употреблено только четыреста двадцать рублей. Нечувствительно ихъ увеличивали; всякой годъ захватывали больше мѣста, строили новые домы, выводили стѣны съ башнями, ставили на нихъ пушки, и наконецъ приводили себя въ состояніе обороны, ежелибъ кто напалъ, что и случилось вскорѣ. Голландцы осадили Французовъ съ сухаго пути и съ моря съ превосходною силою, и принудили сдаться. Компанія вступила снова въ свои владѣнія при Ризвикскомъ мирѣ, и нашла, что укрѣпленіи ея умножены были седмью бастіонами, сдѣланными опять Голландцовъ. Имъ заплачено было за сей убытокъ шестнадцать тысячь золотыхъ Пагодовъ. Я долженъ здѣсь сказать мимоходомъ, что *Пагодъ* есть древняя Индейская золотая монета, сдѣланная точно какъ камзольная пуговица, и стоющая рубль семдесять копѣекъ: низъ у нее

плоской, и представленъ на немъ идолъ, а верьхъ круглой и съ небольщими шипами, какъ дѣлаются иногда запонки.

Для приведенія конторы въ Пондишери въ безопасность отъ всякихъ нападеній, начали умножать укрѣпленіи; гарнизонъ также отъ часу становился больше; а когда городъ населился и распространился, основали въ немъ Вышній Совѣтъ. И тогда Пондишери началъ быть важнымъ мѣстомъ. Компанія ввѣрила правленіе надъ нимъ Г. *Мартину*, которой много способствовалъ въ его увеличеніи. Но съ 1700 года до времяни Правителя, торгъ компаніи Индейской чрезмѣрно упалъ. Въ 1686 главные откупщики сдѣлали то, что наложена необычайная пошлина на полотны и другіе Индейскіе товары привозимые въ Королевство. За аршинъ золотой и серебреной парчи брали четыре рубли, а за прочіе по сравненію. Потомъ и продажа сихъ товаровъ запрещена во Франціи, а на нѣкоторое время и совсемъ было заказано ввозить кисею.

Съ другой стороны Министерство позволило многимъ купцамъ торговать въ Индіи, на корабляхъ компаніи, платя ей весьма умѣренной наемъ. Наконецъ торговля ея стала болѣе угнѣтаема и отъ Адмиралтейства, чрезъ требованіе отъ ея повѣренныхъ зависимости и повиновенія, отъ коихъ Г. Колбертъ ихъ было освободилъ. Все предсказывало, какъ казалось, близкое ея разрушеніе, когда присоединили къ ней другія торговыя въ Королевствѣ сообщества составившія съ нею одну компанію. Сіе соединеніе воспослѣ-

довало въ 1719 году, а въ слѣдующій Индейская компанія отправила три корабля съ богатымъ грузомъ. Директоры въ Пондишери сильно удивились, когда по столь долговременномъ изнеможеніи торговли, получили великое множество военныхъ припасовъ и товаровъ, съ не малымъ числомъ золотыхъ и серебреныхъ денегъ, часть оныхъ употреблена была для оплаты долговъ, нажитыхъ старою компаніею въ Сурать, въ Камбаѣ, въ Бенгалѣ и въ другихъ краяхъ Индіи.

Слѣдствіи системы Г. *Лава* истребили сіи первыя наружности благосостоянія. Въ 1721 и 1722 годахъ не были уже въ состояніи чинить отправленіи; однако же число жителей и домовъ въ Пондишери сильно умножилось. Тогда начали обносить городъ каменными стѣнами, на кои компанія дала половину, а въ остальномъ способствовали обыватели. Въ 1724 торговля Индейская получила новыя силы; и успѣхи оной ясно оказались подъ управленіемъ Г. *Орри*. Г. *Дюмасъ*, опредѣленный Губернаторомъ въ Пондишери, въ 1735 выходилъ отъ Великаго Могола позволеніе, дѣлать въ семъ городѣ деньги, что принесло компаніи восемьдесятъ тысячь рублей ежегоднаго прибытка. Она всякой годъ бьетъ пять или шесть миліоновъ рупій. Въ 1740 году отдалъ ей Король Танжаурской, безъ всякой заплаты, крѣпость *Карканжели* и городъ *Карикалъ*; коихъ земли и пошлины отдаются на откупъ за двадцать тысячь рублей на годъ. *Карикалъ*, есть старинной городъ, въ немъ считается пять мечетей, четырнадцать капищъ, отъ пяти до шести тысячь

жителей. Лежитъ онъ въ Танжаурскомъ удѣлѣ, верстахъ во стѣ отъ Пондишери.

Такимъ образомъ возрастала честь и господствованіе Французовъ въ Индіи, когда наступила наивеличайшая и наипагубнѣйшая перемѣна, которую съ давняго времени можно было предвидѣть на полуостровѣ лежащемъ по сю сторону Гангеса. Нападеніе варваровъ угрожало разрушеніемъ и истребленіемъ всего. Благоразуміе Г. *Дюмаса* остановило ихъ наглость, предъохранило отъ меча тѣхъ, кои учинились было жертвою, и должно надѣяться, что прогонитъ тучу; ибо я нахожусь посреди сего волнованія; что по видимому, удержитъ меня еще нѣкоторое время въ Пондишери. Можетъ быть вы будете довольны, ежели узнаете обстоятельства произшествія причиняющаго толикое замѣшательство въ сей странѣ.

Послѣ нашествія *Тахмасъ-Кулы-Хана* на Моголскую Имперію, многіе Губернаторы или Вицерои, на Индейскомъ полуостровѣ, возмнили, что нашли способной случай сдѣлаться Государями. *Аркатской* Набабъ, старинной Французамъ союзникъ, льстилъ себя надеждою, составить два Королевства одно для своего сына, другое для зятя. Онъ собравъ многочисленное войско, поручилъ имъ самимъ надъ нимъ команду, и они опустошили многія небольшія Королевства, коими владѣютъ идолопоклонническіе Князья, платящіе дань Великому Моголу. Они осадили и взяли городъ *Тишеропали*, вступили во владѣніи Танжаурскаго Короля, и завладѣли Мадуромъ, Траванкуромъ и сосѣдними округами. Устрашась

таковыхъ завоеваній, идолопоклонническіе Государи просили помощи у Короля Маратскаго. Сей Король слѣдуетъ той же вѣрѣ, что и они, и владѣетъ великимъ пространствомъ земли. Часто выводилъ онъ въ поле по двѣсти и по триста тысячь человѣкъ, и разорялъ съ ними Моголскія владѣнія, собирая съ нихъ неисчисленныя контрибуціи: *Маратты*, чрезъ долгое время бывъ разсѣяны, поселились наконецъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Индостана. Императоръ *Ауренг-Зебъ* цѣлыя двадцать лѣтъ, старался стѣснить ихъ въ Деканскія горы, но не имѣлъ успѣха. Маратты съ того времени имѣли безпрестанныя войны со всѣми своими сосѣдями, и заключили съ ними многіе мирные трактаты; но которые не долѣе наблюдали, какъ пока въ томъ находили свою прибыль; и, что покажется всего страннѣе, теперь ими управляютъ *Брамины*, къ коимъ они смертельное имѣютъ отвращеніе, но служатъ однакожъ имъ за весьма умѣренную плату. Жилище Брамина, ихъ Государя, есть *Паона;* а титулъ ему даемой, *Нанна.* Сіе доказываетъ, что сей народъ прежде былъ весьма силенъ въ Моголѣ; да хотя теперь и несогласны они между собою, но имъ понынѣ платятъ въ дань Раи или Губернаторы, четвертую часть своихъ доходовъ. Маратты берутъ оную со всѣхъ провинцій наличными деньгами, и оставляютъ умышленно небольшія недоимки, дабы имѣть причину дѣлать на нихъ набѣги, когда войскамъ ихъ нѣтъ другаго упражненія.

Сей народъ не задолго передъ симъ временемъ, соспавлялъ только шайку *Флибустіе-*

ровъ,* и нанимался у тѣхъ, кто ему больше платилъ. Маратты не имѣли ни постояннаго жилища, ни другаго ремесла, кромѣ военнаго, и учинились страшными Могольцамъ, гоняя ихъ вездѣ, и моря съ голода и нужды; не смотря на выводимыя ими въ поле многочисленныя арміи. Сіи грабители безпрестанно въ движеніи: а какъ не возятъ съ собою ни припасовъ, ни багажей, то и трудно ихъ догнать; ибо они тотчасъ убѣгаютъ въ свои степи. Лошадей имѣютъ сильныхъ и приобыклыхъ къ труду, а кормятъ ихъ хлѣбомъ, которой имъ попадается подъ ногами. Сіи всадники ужасны съ бѣлымъ оружіемъ, рѣдко войско можетъ уйти отъ ихъ сабли, ежели однажды предъупредятъ они его разстроить. Злость сего народа и дружба равно опасна. Непріятелей разоряютъ они причиненіемъ опустошенія на ихъ землѣ; а союзниковъ требованіемъ отъ нихъ чрезвычайнаго множества денегъ. У Моголцовъ нѣтъ большихъ враговъ, какъ они; и безъ нихъ давно бы уже они завладѣли всемъ Индейскимъ полуостровомъ.

Таковъ есть народъ, призванной идолопоклонниками на помочь противъ Аркатскаго Набаба. Склонность къ грабежу, и желаніе

* Флибустіеры, суть морскіе разбойники, съ Американскихъ острововъ, кои собираяся, грабятъ около береговъ Америки, и безпрестанно дерутся съ Гишпанцами; а имя свое, можетъ быть, получили отъ флиботовъ, легкихъ судовъ, на коихъ больше ста бочекъ груза положить не льзя.

защитить идолопоклонническую землю отъ Магометанскаго нападенія, побудило Начальника Маратовъ отправить туда сына своего съ шестьюдесятью тысячами конницы и полупорасна тысячами пѣхоты. Набабъ Арнатской увѣдомясь о ихъ приближеніи, учинилъ распоряженіи, дабы не впустить ихъ въ свои владѣніи; но принужденъ былъ уступить побѣдителю, и погибъ въ сраженіи. Слухъ о семъ разбитіи вселилъ страхъ въ жителей. Въ Пондишери не хотѣли тому вѣрить прежде, пока не увидѣли прибѣгающихъ толпами искать въ немъ спасенія. Число гонимыхъ столь умножалось, что принуждены были заперетъ городскія ворота. Въ сихъ самыхъ обстоятельствахъ, прибыла туда жена убитаго Набаба съ своими дѣтьми. Г. Дюмасъ принялъ ее съ уваженіемъ, должнымъ ея достоинству, нещастному состоянію и дружбѣ, которую Набабъ всегда оказывалъ къ Французамъ. Сіе великодушіе можетъ навлечь на нихъ непріятную войну; ибо говорятъ здѣсь, что Маратской Генералъ, влобясь за данное убѣжище сей жалкой фамиліи, угрожаетъ приведеніемъ войска на Пондишери. Вдовствующая Набабова жена, чувствуя всѣ почести и доказательства дружбы отъ господина и госпожи Дюмасовъ, извѣстила о томъ своего сына. Сей Князь, равно будучи тронутъ пріемомъ, писалъ къ нимъ съ великою благодарностію, а паче увѣдомилъ, что онъ заключилъ миръ съ Маратами. Она звала его къ себѣ, для уменьшенія горести, причиненной смертію мужа. Въ Пондишери извѣстно было, что онъ сбирался пріѣхать

со всемъ своимъ дворомъ. Г. Дюмасъ велѣлъ разбить шатеръ передъ главными городскими воротами, для принятія его, и послалъ къ нему на встрѣчу до самой границы двухъ чиновныхъ изъ компаніи, со множествомъ музыкантовъ и танцовщицъ, какъ то здѣсь въ обыкновеніи. Набабъ прибылъ около шести часовъ вечера. Г. Дюмасъ въ препровожденіи своей гвардіи, и всѣхъ служащихъ въ городѣ, встрѣтилъ его, когда выходилъ онъ изъ паланкина. Они обнялись при пушечной пальбѣ, съ великими доказательствами дружбы. Потомъ Губернаторъ взялъ Набаба за руку, и повелъ въ шатеръ убранной и освѣщенной множествомъ восковыхъ свѣчь. Весь гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ съ примкнутыми штыками при воротахъ и по стѣнамъ. Пробывъ короткое время въ шатрѣ, Набабъ отведенъ былъ въ садъ компаніи, гдѣ жила его мать и сестры. Губернаторъ принявъ его въ своемъ домѣ, поднесъ ему бетелю и розовой воды. Здѣсь обыкновеніе лишь ее на голову и на платье тѣхъ, кого хотятъ особливо почтить. Наконецъ далъ ему также, именемъ компаніи, обыкновенные подарки; ибо здѣсь равнымъ образомъ въ употребленіе введено, дарится взаимно въ посѣщеніяхъ. Того же вечера Князь засвидѣтельствовалъ Г. Дюмасу свою благодарность, прислалъ къ нему наилучшаго изъ своихъ слоновъ: подарокъ, какого у Восточныхъ не посылаютъ ни къ кому, кромѣ самыхъ почтенныхъ Государей; а сіе доказываетъ, что Аркатской Набабъ полагалъ Г. Дюмаса въ числѣ пользующихся симъ высокимъ достоинствомъ. Вотъ,

сударыня! положеніе, въ какомъ теперь находятся здѣсь дѣла! *

Въ Пондишери считается больше ста тысячь жителей, Христіанъ, Магометанъ и Идолопоклонниковъ. Видъ его четвероугольной, и имѣетъ версть пять въ окружности. Хотя былъ онъ строенъ въ разныя времена, но расположеніе соблюдено такъ порядочно, что кажется, сдѣланъ вдругъ; а симъ доказывается прилѣжность Губернаторовъ въ назначеніи земли каждому обывателью и въ управленіи его строеніемъ. Улицы всѣ прямыя, главная имѣетъ больше двухъ верстъ въ длину, и всѣ онѣ широки. Домы между собою соединены, и всѣ въ одно жилье. У Европейцовъ построены изъ кирпича, а у прочихъ изъ глины и обмазаны известью, составленною изъ пережженыхъ раковинъ. Обыкновенная ихъ длина восемь, а ширина шесть саженъ, и живутъ въ нихъ человѣкъ по двадцати. Дворы усажены деревьями, подъ тѣнію которыхъ ткачи ткутъ прекрасныя полотны, получаемыя всякой годъ изъ сихъ мѣстъ Индей-

---

* Послѣ того времяни въ 1748 приступали къ Пондишери Агличане, соединенные съ Индейцами и Маврами; а въ 1761 Аглинской полковникъ Котъ съ войскомъ одного Набаба, осадя городъ, принудилъ его къ сдачѣ, вошелъ въ него, и до подошвы разорилъ. Послѣднимъ трактатомъ заключеннымъ въ 1763 году, отданъ онъ назадъ Французамъ въ семъ бѣдномъ состояніи. Обстоятельная Исторія сего города напечатана на нашемъ языкѣ, въ Ежемѣсячномъ Сочиненіи 1761 года, въ мѣсяцахъ Сентябрѣ, стран. 262 и далѣе; въ Октябрѣ, стран. 353 и далѣе.

скою Компаніею. На сихъ же дворахъ, или на площадкахъ домовъ, кои служатъ имъ вмѣсто кровли, Индейцы проводятъ ночь, и спятъ на простой рогожкѣ почти нагіе. Ибо Пондишери лежитъ подъ жаркимъ поясомъ, и бываетъ въ немъ не только жарко, но и дождь не идетъ больше семи или восьми дней во всемъ году, что обыкновенно случается къ концу Октября.

Главной домъ въ Пондишери есть Губернаторской, на другой сторонѣ стоитъ огромное и богато убранное зданіе, для чужестранныхъ Князей и Пословъ. При немъ находится прекрасной садъ, коего алеи служатъ народнымъ гульбищемъ. Іезуиты имѣютъ домъ, въ которомъ живутъ десять или двадцать монаховъ, учащіе читать, писать и Математикѣ; но по Латинѣ не обучаютъ. Монахи чужестранныхъ Миссій, и Капуцины имѣютъ также свои жилища.

Идолопоклонники имѣютъ въ городѣ два капища, въ коихъ позволяется имъ свободно отправлять свои обряды; ибо Короли здѣшніе соглашаяся на селеніе Компаніи, имянно того требовали. Оные идолопоклонники весьма бѣдны; но упражняясь безпрерывно въ работѣ, обогащаютъ сію сторону. Лучшій ремесленникъ не вырабатываетъ больше двухъ копѣекъ на день; и сей умѣренной платы довольно ему, чтобъ прожить съ женою и съ дѣтьми, кои ѣдятъ, равно какъ и онъ, одно пшено сваренное въ простой водѣ. Хлѣбъ ихъ есть сайка испеченная въ пеплѣ и безъ дрожжей; да и тотъ рѣдко они имѣютъ, хотя и въ Пондишери можно

достать хлѣба столь же хорошаго, какъ въ Европѣ. Пшено здѣсь родится изобильно, чѣмъ также обязаны трудолюбію помянутыхъ Индейцовъ. Пшено растетъ въ водѣ, и для сей причины роютъ они по полямъ колодези въ десять или двенадцать футовъ глубины, и на краю ставятъ родъ коромысла, привязывая на одинъ конецъ ведро, а на другой тяжесть. Человѣкъ стоитъ въ серединѣ, и опускаетъ коромысло, ступая на него ногою, дабы ведромъ зачерпнуть воды. Сколь скоро одинъ колодезь вычерпается, то идетъ къ другому, и такъ далѣе. Народъ здѣшній весьма искусенъ въ сбереженіи и раздѣленіи воды, которую сохраняютъ они послѣ дождя, или разлитія рѣкъ, не только въ колодезяхъ и водохранилищахъ, но даже въ озерахъ и прудахъ, выкопанныхъ собственными ихъ руками.

Сверхъ Компаніи и Губернатора, многіе частные люди имѣютъ изрядные домы. Есть также пространные магазейны, шестеры въ городѣ вороты, нарочитая крѣпость, тринадцать небольшихъ крѣпостей или бастіоновъ, съ премногочисленною артиллеріею, состоящею изъ четырехъ сотъ пушекъ. Сожалительно, что сей городъ не имѣетъ порта, а только рейду, въ которую корабли ходить не могутъ; ибо море не приливаетъ больше двухъ футовъ въ семь мѣстѣ. Должно возить товары въ шлюпкахъ на корабли около пяти верстъ. Въ прочемъ нѣтъ никакого недостатка въ нужныхъ вещахъ для спокойной и пріятной жизни. Ѣдятъ здѣсь очень хорошо: мясо, дичина, живность, рыба дешева. Правда,

что поваренныя травы растутъ съ трудомъ, да и вкусомъ совсемъ на наши не походятъ. Что касается до плодовъ, ежели нѣтъ у нихъ всѣхъ тѣхъ, какіе въ Европѣ, то родятся по меньшей мѣрѣ такіе, которые, можетъ быть, спюютъ лучше.

Губернаторъ въ Пондишери имѣетъ конную гвардію, состоящую въ двенадцати человѣкахъ, и триста пѣхоты, коихъ называютъ *Піоны.* Въ праздничные дни носятъ его шесть человѣкъ въ паланкинѣ, въ которомъ подушки и верьхъ вышиты золотомъ, и украшены такими же кистьми, дабы чрезъ то уподобиться пышностію Восточнымъ, кои и о могуществѣ народа судятъ по великолѣпію тѣхъ, кто его представляетъ. Уваженіемъ, коимъ пользуются здѣсь Французы, по большой части обязаны Г. Дюмасу, пожалованному Губернаторомъ въ 1735 году. Благоразумное его поведеніе доставило Компаніи не малыя отъ Индейскихъ Государей привиллегіи, отличности и почести, могущія польстить Французовъ путешествующихъ въ сихъ странахъ. Я пользуюсь теперь всемъ симъ, равно какъ и тѣмъ, что съ нимъ познакомился, и дружбѣ его приписываю удобность съѣздить на островъ Цейланъ; ибо онъ мнѣ даетъ туда письмы.

Я есмь, *и пр.*

---

*

ПИСЬМО XXXVII.

Цейланъ.

Ѣдучи въ Цейланъ въ доль по Коромандельскому берегу, остановлялись мы въ *Транкебарѣ*, а потомъ въ *Негалатанѣ*. Первой принадлежитъ *Датчанамъ*, кои его и основали. Они въ немъ построили крѣпость отмѣнную своею величиною и защищеніями. Датская Компанія содержитъ въ ней около пяти сотъ человѣкъ гарнизона, половину изъ Индейцовъ, половину изъ Европейцовъ. Голландцы по зависти, старались всячески мѣшать имъ въ торговлѣ, и подъустили подъ рукою тамошнихъ владѣльцовъ возстать противъ ихъ селенія. Агличане изъ Мадрасса пришли на помочь къ Транкебару и освободили городъ, которой Танжаурской Раія, съ помощію Голландской Компаніи, держалъ уже въ осадѣ. Сей городъ великъ и хорошо построенъ, въ немъ находится одна Католицкая и три Протестантскихъ церкви, одна мечеть и пять капищъ. Чрезъ сіе даю я вамъ знать, что есть здѣсь жители всѣхъ вѣръ. Король Датской содержитъ въ немъ пасторовъ, проповѣдывающихъ Евангеліе по правиламъ принятымъ Протестантами; похваляютъ какъ ихъ ревность, такъ и прилѣжаніе. Они выписали изъ Европы типографію, и начали печатать небольшія молитвенники, переведя на Малабарской и Португальской языкъ: а потомъ выдали на сихъ двухъ языкахъ переводъ Стараго и Новаго Завѣта.

Когда Португальцы основались въ Индіи, *Негалатанъ* была деревня. Они ее окружили спѣнами и широкимъ рвомъ, и сдѣлали изъ нее городъ, построили церкви, и домъ для Іезуитовъ. По пятидесяти-лѣтнемъ спок йномъ владѣніи, Голландцы отняли у нихъ сіе мѣсто, ввели въ него свой гарнизонъ, и сдѣлали въ немъ главную свою контору. Съ того времени видны въ немъ Магометане, Индейцы, Банианы отправляющіе во всей свободѣ подъ ихъ покровительствомъ и обряды вѣры и торговлю; что Португальцы за невозможное почитали позволить, по своей ко всѣмъ прочимъ законамъ ненависти. Негапатанъ имя свое получилъ отъ множества *змей*, находящихся въ окружностяхъ. Попадаются оныя весьма большія, но родъ ихъ не опасенъ, и жители такъ мало ихъ боятся, что приманиваютъ ихъ въ домы и кормятъ молокомъ и пшеномъ.

Негапатанскіе Голландцы торгуютъ много съ Цейланскими. Я имѣлъ писмы отъ Г. Дюмаса къ разнымъ купцамъ сего острова, и они меня приняли ласково. Мы пристали въ *Яфналатанскомъ портѣ*, гдѣ Голландская Компанія также поселилася на развалинахъ *Португальскихъ*. Сіи послѣдніе владѣли частію береговъ Цейланскихъ, отнуда ѣздили до самой столицы. Они учинились столь сильны, что принудили Короля платить себѣ годовую дань; но онъ наконецъ прибѣгнулъ къ Голландцамъ, находящимся въ Батавіи, которые соединя свои съ его войскомъ, побили Португальцовъ, выгнали отвсюду, гдѣ они

укрѣпились, и сами поселились на ихъ мѣстахъ.

Островъ Цейланъ раздѣленъ на провинціи, а провинціи на уѣзды, называемые *Колѣра*. Въ ширину двѣсти пятьдесятъ, а въ округѣ близъ тысячи верстъ; видъ его походитъ на грушу. Онъ раздѣленъ на двѣ державы: Голландцы владѣютъ берегами; а Король Кандійской внутренними землями. Первые имѣютъ *Яфналатанъ*, островъ *Менааръ*, *Каллентину*, *Негамбо*, *Коломбо*, *Пуанъ де Галь*, *Батикалонъ* и *Тринкемаль*. Я упоминаю о всѣхъ сихъ городахъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ самъ ихъ видѣлъ: ибо мнѣ хотѣлось объѣхать островъ кругомъ; а когда случалось далеко отъ береговъ отдалиться, возвращался я всегда въ самой ближній портъ отъ того мѣста, гдѣ сперва вышелъ на землю. Повсюду находилъ я съ стороны Голландцовъ, одинаковую учтивость. Набережные ихъ города не имѣютъ ничего отмѣннаго отъ прочихъ ихъ селеній въ Индіи. *Коломбо*, прежняя столица Португальская въ Цейланѣ, занимаетъ нынѣ первое мѣсто въ Голландскимъ селеніяхъ на семъ островѣ. Построена она надъ однимъ заливомъ, составляющимъ безопасной портъ. Голландцы уменьшили его пространство, но умножили укрѣпленіи. Палаты Губернаторскія составляютъ великое и преизрядное зданіе, арсеналъ и магазейны его также примѣчанія достойны. Какъ здѣсь находится главная контора Компаніи, то начальной Губернаторъ и Вышній Совѣтъ живетъ въ семъ городѣ. Въ другихъ заведены магазейны для товаровъ, получаемыхъ изъ внутри острова,

и отправляемыхъ потомъ въ надлежащія мѣста.

Чѣмъ далѣе ѣздилъ я въ островъ, тѣмъ больше находилъ предметовъ достойныхъ вниманія. По щастію пріѣхалъ я въ хорошее время: Голландцы жили въ великой дружбѣ съ Королёмъ Кандійскимъ, безъ чего не бывать бы мнѣ далеко въ такой странѣ, отнуда съ трудомъ назадъ выпускаютъ. Сіи народы великую имѣютъ недовѣренность къ бѣлымъ: они за ними примѣчаютъ, разспрашиваютъ, и ежели найдутся недовольны отвѣтами, задерживаютъ ихъ какъ бѣглыхъ. Трудно ихъ обмануть; да хотя бы и удалось выкрасться, иногда надобно имѣть щастіе добраться до морскаго порта, и застать корабль готовой къ отъѣзду, безъ чего можно умереть съ голоду въ лѣсу.

Въ Королевствѣ Кандійскомъ или *Канди* находится только пять городовъ нѣсколько отмѣнныхъ; столица дающая ему имя, имѣетъ то преимущество, что лежитъ посреди острова, и удобно можно со всѣхъ сторонъ къ ней пріѣхать. Вида она треугольнаго, дворецъ Королевской занимаетъ уголъ на востокъ. Всѣ дороги въ городъ, верстъ за пять, заперты терновыми рогатками и безпрестанно карауляться. Превеликая и прекрасная рѣка, называемая *Мавелагонга*, течетъ отъ него въ верстѣ, и прошедъ весь островъ, впадаетъ въ море при Тринкемалѣ. По множеству камней, сквозь кои она пробирается, къ хожденію судовъ мало способна, и быстрота ея не позволяетъ строить мостовъ. Въ прочемъ, жители заключаютъ въ томъ

пользу, что не легко можно къ городу подъѣхать. Канди въ старину былъ большой городъ, гдѣ Государи острова имѣли свое пребываніе; но какъ Португальцы его разорили, во время первыхъ своихъ завоеваній, то Короли перенесли въ другое мѣсто столицу, а въ него пріѣзжаютъ только на время.

Прочіе нѣсколько отмѣнные четыре города суть *Неллемби*, *Аллутъ*, *Бадула* и *Диглиги*. Въ *Аллутѣ* содержатся запасные, на время войны, великіе хлѣбные и соляные магазейны. Въ окружностяхъ *Бадулы* родится наилучшій Цейланскій *табакъ*. Они еще ту имѣютъ чрезвычайность, что всѣ животные въ нихъ вскормленные не могутъ долго жить, ежели перевезутся въ другую провинцію. Король часто живетъ въ *Диглиги*, какъ въ надежномъ мѣстѣ, по причинѣ близъ лежащей высокой горы, въ которую на всякой случай уйти можетъ. Оная окружена такимъ множествомъ каменныхъ горъ, лѣсовъ и пропастей, что горсть людей можетъ остановить великую армію. Дворецъ обнесенъ валомъ; а въ срединѣ построены безпорядочныя зданіи, по большой части низкія, покрытыя соломою, а иныя черепицею. Послѣдніе о двухъ этажахъ, и имѣютъ открытыя галлереи, для пропущенія воздуха, съ балясами изъ эбенноваго дерева, или инаго какого, но выкрашеннаго. На верьху каждаго зданія стоятъ глиняные сосуды, а окны обиты серебреными бляхами; двери, замки, задвижки рѣзныя и позолоченыя, но безъ вкусу. Виденъ однако въ сихъ домахъ нѣкоторой родъ великолѣпія.

Знатные люди имѣютъ довольно хорошіе и спокойные домы. Оные обыкновенно состоятъ изъ двухъ строеній, одно противъ другаго, соединенныхъ стѣною, что составляетъ четвероугольной дворъ; стѣны обмазаны коровьимъ каломъ, которой не допускаетъ дождю ихъ пробивать. Обыкновенные домы жителей малы, низки, покрыты соломою, и построены изъ шестовъ, кои иногда обмазываютъ глиною. Есть законъ на островѣ Цейланѣ, запрещающій бѣлить всякое строеніе, кромѣ капищъ боговъ, и дворцовъ Королей.

Сверхъ упомянутыхъ городовъ, есть множество въ Королевствѣ пригородковъ и деревень; но сіи не заслуживаютъ примѣчанія путешествующаго. Жители не стараются ни улицъ прямыхъ дѣлать, ни порядочно строить домы. Каждая семья живетъ въ особомъ зданіи, окруженномъ плетнемъ и ровомъ; и они его оставляютъ, ежели примѣтятъ, что въ деревнѣ случится какая нибудь болѣзнь, что не рѣдко бываетъ, тогда думаютъ, что діяволъ въ ней поселился, и ищутъ другой щастливѣе. Никогда не селятся на большой дорогѣ, бояся, чтобъ не подвергнуться любопытству проѣзжихъ.

Лѣса и горы, коими сія страна наполнена, раздѣляютъ кольры или уѣзды, одни отъ другихъ, и служатъ имъ вмѣсто крѣпостей, по чему и не позволено ихъ прочищать. Приступъ къ горамъ очень труденъ: дороги на нихъ столь узки, что скорѣе почесть ихъ можно за тропины или ущелины, нежели за проѣзжія дороги; но и тѣ запираются

рогатками, и стерегутся мужиками сосѣднихъ деревень.

Сіи *рогатки* на всѣхъ дорогахъ удвояются при приближеніи войны, не только при въѣздахъ въ горы, но и въ городахъ, деревняхъ и на проселочныхъ дорогахъ; дѣлаютъ ихъ изъ деревца особаго рода, котораго вѣтви имѣютъ иглы отъ трехъ до четырехъ дюймовъ длиною, и крѣпостію похожи на желѣзные гвозди. Сіи вѣтви согнуты одна къ другой и привязаны къ тремъ или четыремъ колемъ такъ искусно, что можно ихъ поднимать и опускать для прохода. На всѣхъ ко двору идущихъ дорогахъ стоитъ караулъ, и ни кого не пропускаетъ безъ знака даемаго надзирателями нарочно къ тому опредѣленными. Сіи знаки различествуютъ по знатности того, кто ихъ потребуетъ. Солдатской представляетъ человѣка вооруженнаго, мужичій мужика несущаго два мѣшка привязанные на концахъ палки. Мнѣ, какъ Европейцу, дали вмѣсто пашпорта, изображеніе человѣка при шпагѣ и съ шляпою на головѣ.

Самая высокая гора на островѣ есть, которую Португальцы назвали *Пик-д-Адамъ*, (*Адамова гора*), и которую видно съ моря верстъ за сто. Изъ нее выходитъ камень, и подпимается на версту въ видѣ пирамиды, но столь уносистой, что не можно на него взойти безъ помощи желѣзной цѣпи, укрѣпленной на вершинѣ и спущенной до низу. Отъ подошвы горы до спица камня, считается около десяти верстъ дороги столь трудной, что употребляютъ на нее больше восьми часовъ. Хотя вершина кажется съ низу

оспроконечною, есть на ней однако площадка, имѣющая больше двухъ сотъ шаговъ въ поперешникѣ, а посреди ея озеро весьма глубокое и вода въ немъ наилучшая въ свѣтѣ для питья. Изъ него текутъ съ стремленіемъ по горѣ многіе ручьи, и соединясь составляютъ три не малыя рѣчки, орошающія и дѣлающія плодоносною лежащую при подошвѣ горы долину: близъ озера лежитъ широкой камень, имѣющій напечатлѣніе человѣческой ноги, но въ двое больше обыкновенной, и сколь хорошо вырѣзанной, что на воску лучше сдѣлать не льзя. Жители, будучи увѣрены, что оная есть знакъ ноги нашего праотца, имѣютъ къ ней великое благоговѣніе, и почитаютъ за дѣло богоугодное ходить туда молиться, особливо въ первой день года, которой бываетъ у нихъ въ Мартѣ; тогда видно на горѣ премножество мужчинъ, женщинъ и робятъ. Около камня посажено нѣсколько деревьевъ, а подалѣе построены домы для молельщиковъ, и капище для жреца, принимающаго приношенія, и разсказывающаго имъ тысячи небывалыхъ чудесъ, учиненныхъ силою сего камня.

Кажется, что природа особливо старалась обогатить островъ Цейланъ наирѣдчайшими земными сокровищами; она поставила его подъ наищастливѣйшимъ климатомъ въ свѣтѣ. Горы ея покрыты деревьями, долины орошены источниками; но вотъ что всего удивительнѣе! Когда дуютъ западные вѣтры, во всѣхъ западныхъ частяхъ острова идетъ дождь. Въ сіе время пашутъ землю, а восточная сторона пользуется сухимъ воз-

духомъ и яснымъ небомъ и на ней собирается хлѣбъ. Когда же напротивъ, восточные вѣтры начинаются, они приносятъ въ восточную сторону и дожди, и способное время для земледѣлія; а между тѣмъ западная наслаждается пріятностями хорошей погоды, хлѣбъ въ ней созрѣваетъ и собирается. Дожди съ одной стороны, засуха съ другой, раздѣляется обыкновенно на самой срединѣ острова, и гора, лежащая на оной, бываетъ суха съ одного боку, а мокра съ другаго. Оставя однажды мѣсто совсемъ омоченное дождемъ, вдругъ очутился я на горящей землѣ; а между ими разстоянія не было больше ста шаговъ.

Округи *Удапуррской*, которой значитъ *Наивысочайшій городъ*, и *Таттапуррской*, гдѣ лежитъ Канди, суть наилучшіе, наиплодоносѣйшіе, и самые люднѣйшіе на всемъ островѣ, по чему жители и почитаются главными или первыми подданными; и въ Цейланѣ въ пословицу вошло, что ежелибъ Королевская порода кончилась, то можно взять перваго, кто попадется въ сихъ двухъ округахъ; отнять его отъ сохи, вымыть, и что онъ будетъ такой Король, въ коемъ не недостанетъ ни природы, ни добрыхъ качествъ. Между прочими преимуществами, имѣютъ они и то, что не можно имъ дать Губернаторомъ, какъ человѣка родившагося въ ихъ округѣ.

Королевство Кандійское укрѣплено, такъ сказать, самою природою. Сколь скоро въ него въѣдешь, то дорога все идетъ въ гору. Сіе положеніе даетъ Государю имя *Короля на высотѣ горъ*. Слѣды многіе разоренныхъ городовъ доказываютъ, что Цейланъ былъ больше

населенъ прежде, нежели нынѣ. Ничего нѣтъ славнѣе въ лѣтописяхъ Королевства, какъ сіи остатки прежняго его великолѣпія; но трудно положить имъ начало. Древняя исторія Цейлана, представляетъ чудныя повѣствованія и множество темныхъ басенъ, касательно до здѣшнихъ Героевъ и Боговъ. Таковыя басенныя сновидѣнія внесены въ книги, почитаемыя священными и составляющія законное писаніе у *Шингуловъ*. Жрецы, имѣющіе надъ ними стражу, скрываютъ ихъ прилѣжно предъ народомъ, сообщая только небольшое число членовъ, коимъ учатъ дѣтей, и кои поются въ капищахъ.

Одинъ ученой Голланецъ, съ коимъ часто я разговаривалъ, думаетъ, что древніе знали сей островъ подъ именемъ *Талпробаны*, и что онъ богатствами своими учинился наизнатнѣйшею страною въ Индіи. Золото, драгоцѣнные каменья и пряныя произрастенія, коими изобилуетъ, привлекали въ него чужестранныхъ: а когда они привозили свои товары, островскіе жители окружали ихъ корабли, брали все, что почитали полезнымъ, и отдавали въ обмѣнъ свои произрастенія.

Отъ того же самаго Голландца свѣдалъ я объ одномъ древнемъ обычаѣ въ Цейланѣ, заслуживающемъ, чтобъ и вамъ донести. Когда Король умиралъ, клали тѣло его на возъ такъ, что лежалъ онъ на спинѣ, а голова свѣшена была почти до земли. За нимъ ходила женщина, и держа въ рукѣ мешелку, бросала ею на голову Королевскую пыль. Въ то же самое время, одинъ чиновникъ кричалъ во весь голосъ: „Народы! вотъ Король, кото-

„рой вчерась былъ вашимъ повелителемъ; но „власть его надъ вами изчезла, и онъ пришелъ „въ состояніе, въ которомъ его теперь ви„дите; и такъ послѣ сего не полагайтесь на „неизвѣстную надежду жизни.„ Сіи слова повторялись цѣлые три дни. Послѣ тѣло балсамировали, сожигали и бросали пепелъ на воздухъ. Престолъ былъ избирательной, не всходили на него, какъ въ зрѣломъ вѣкѣ и по всеобщему засвидѣтельствованію о безпримѣрной кротости. Государь не долженъ былъ имѣть дѣтей, а ежели послѣ избранія родились оные, обязанъ былъ отдать народу корону, по страху, дабы не учинилась она наслѣдною. Ни кому не позволялось имѣть невольниковъ, или слугъ: каждой самъ себѣ служилъ, для избѣжанія нѣги и лѣности. Для той же причины запрещено было спать, когда солнце на горизонтѣ. Король былъ судимъ наровнѣ съ подданными. Когда дѣлалъ онъ какое знатное преступленіе, осуждали его на смерть, не подвергая однако никакой тѣлесной казни; а все наказаніе состояло въ томъ, что подданные его оставляли и отвергали, какъ изключеннаго изъ общества. За преступленіе почиталось съ нимъ говорить: ни кто не хотѣлъ подать ему ни малѣйшаго утѣшенія, и въ самыхъ нужнѣйшихъ вещахъ для жизни отказывали.

Хотя образъ вещей премѣнился, можно сказать однакожъ, что правленіе сего Королевства имѣетъ еще законы и правила, могущія учинить жителей щастливыми, естьлибъ Государь не употреблялъ во зло своей власти и въ нарушеніе законовъ и правилъ

оныхъ. Владѣніи его теперь наслѣдные; но Король наслѣдника избираетъ по своей волѣ между дѣтьми, или дѣлитъ между ими земли. Правленіе государства находится въ рукахъ двухъ главныхъ Министровъ, называемыхъ *Адигарды*, и коимъ поручены гражданскія и военныя дѣла. Они рѣшительно вершатъ дѣла, перенесенныя къ нимъ челобитчиками, недовольными рѣшеніемъ меньшихъ Губернаторовъ. Имѣютъ подъ собою чиновниковъ, носящихъ для отмѣнности своего чина, палку съ крючкомъ, которая не меньше въ почтеніи и самой печати двухъ Адигардовъ. Правленіе провинціи обязываетъ Губернаторовъ жить при дворѣ, гдѣ ихъ должность состоитъ смотрѣть или караулить Короля, а въ провинціяхъ представляютъ ихъ другіе чиновники. Приказы правосудія, составлены изъ главныхъ жителей каждаго пригородка. Изъ сихъ приказовъ дѣла переносятъ, естьли кто рѣшеніемъ недоволенъ, къ Губернатору, а отъ него къ первымъ Министрамъ, а отъ сихъ къ самому Королю. Когда выѣзжаетъ онъ изо дворца, всѣ челобитчики падаютъ ницъ предъ нимъ. Но сей способъ не всегда служитъ противъ несправедливости; ибо Король приказываетъ иногда бить и запереть просителя за то, что онъ не во время его обезпокоилъ; а дѣло тянется цѣлые годы.

Въ выборѣ чиновниковъ Король больше смотритъ на породу, нежели на достоинство; и жители склоннѣе бываютъ къ чиновному человѣку дворянину, нежели возведенному на степень свой изъ подлости. Король, давая

чинъ благородному, дабы придать ему большее почтеніе, всегда препровождаетъ его какимъ нибудь знакомъ своего благоволенія или милости. Даритъ его, умножаетъ его доходы землею, которую крестьяне должны на него пахать. Когда сіи первостатейные чиновники идутъ пѣшкомъ, опираются на руку одного служителя. Адигарды, сверхъ сей отличности, имѣютъ передъ собою человѣка съ кнутомъ для отогнанія народа. Но посреди сихъ знаковъ чести, бываютъ они подвержены нещастіямъ, для коихъ пожалованіе имъ не дѣлаетъ зависти. При наималѣйшемъ неудовольствіи, по самому простому подозрѣнію, а часто и по одному своенравію, куютъ ихъ въ цѣпи, запираютъ въ темную тюрму, сажаютъ на колъ, предаютъ на разтерзаніе звѣрямъ, истребляютъ ихъ отцовъ, дѣтей и женъ; и тотъ обыкновенно, кому поручается взять ихъ подъ караулъ, получаетъ ихъ чины и имѣніе.

По сему вы судить можете, что деспотизмъ здѣсь царствуетъ во всемъ пространствѣ. Дворецъ больше на крѣпость, нежели на Царской домъ похожій, окруженъ множествомъ солдатъ; въ нутри стрежется также строго; каждой стоитъ на своемъ мѣстѣ въ молчаніи. Король часто перемѣняетъ свое жилище, чтобы ни кто не зналъ, гдѣ точно онъ спитъ. Не можно сравнить подозрѣній сего Государя, ни съ чемъ лучше, какъ съ недовѣренностію Тирскаго Царя, того страшнаго *Пигмаліона*, коего видѣли вы столь живо изображеннаго въ *Телемакѣ*. Кандійской Король ѣстъ всегда одинъ, сидя за небольшимъ

сполико́мъ. У служащихъ ему, ротъ завѣшенъ платкомъ, дабы дыханіе ихъ не осквернило кушанья, ему подаваемаго. Всѣ должности покупаются при семъ испорченномъ дворѣ. Кто больше даетъ, тотъ и надежнѣе въ полученіи. Самъ Король иногда дѣлаетъ сей безчестной торгъ.

Войско Короля Кандійскаго составлено изъ его гвардіи, которая поперемѣнно ходитъ на карауль; и изъ солдатъ съ земли, разсѣянныхъ по всему острову. Гвардейцы бываютъ сынъ послѣ отца, и вмѣсто жалованья пользуются нѣкоторыми землями, кои у нихъ отнимаются, ежели не исполняютъ они своей должности. Вольно имъ оставлять службу, когда хотятъ; но въ такомъ случаѣ и землю должны они отдать приходящимъ на ихъ мѣста. Сила государства больше состоитъ въ числѣ сей гвардіи, въ природномъ укрѣпленіи земли и въ хитростяхъ, нежели въ храбрости солдатъ. Войско никогда не сражается на чистомъ полѣ, никогда не бьется по правиламъ воинской науки. Искуство ихъ состоитъ дѣлать засады, закидывать дороги, прятаться между горами и деревьями, изъ за коихъ стрѣльба ихъ бываетъ опасна; валятъ на непріятеля большія деревья, подрубая ихъ нарочно, и пускаютъ въ нихъ тучи стрѣлъ и пуль, когда приведутъ ихъ въ замѣшательство.

Прежде нежели опишу прочіе степени гражданъ Кандійскаго владѣнія, упомяну я наперед нѣчто объ общемъ свойствѣ жителей: они тихи, разумны, прудолюбивы, чисты въ одеждѣ, учтивы въ обхожденіи, и

ничего варварскаго не имѣютъ, ни въ склонностяхъ, ни въ обычаяхъ: они не только стройны, какъ всѣ Индейскіе народы, но великорослы и лицы имѣютъ пріятные, что рѣдко примѣчается въ здѣшнихъ краяхъ. Похваляютъ ихъ отвагу и трезвость, а особливо отвращеніе къ воровству: но сіи добродѣтели затмѣваются смѣшеніемъ многихъ пороковъ. Они лгуны, обманщики, вѣроломцы, невѣрны въ торговлѣ, тщетны и спесивы. Вообще сумнѣваются, чтобъ Шкигулы были первоначальные жители Цейлана. Одни выводятъ ихъ изъ Китая, другіе съ матерой земли изъ Индіи. Я бы согласился на послѣднее, ибо нахожу у нихъ много Индейскихъ обычаевъ: они веселы, поютъ лишь проснутся, и до тѣхъ поръ, покамѣстъ опять спать не лягутъ; да и ночью, когда имъ не заснется, также поютъ. Поздравленіе дѣлаютъ непринужденнымъ и свободнымъ образомъ. Оное состоитъ въ подняніи рукъ, выверня ладони наружу, и въ небольшомъ наклоненіи тѣла. Знатной для меньшаго поднимаетъ одну руку; а ежели кто породою гораздо его выше, то киваетъ немного головою. Женщины кланяются, приложа обѣ руки ко лбу, и привѣтствіе у нихъ то же, что во Франціи: *Какъ вы обрѣтаетесь?* другая отвѣчаетъ: *очень хорошо.* Во всѣхъ ихъ разговорахъ видны скромность и учтивство.

Обыкновенное платье ихъ кусокъ полотна, обверченой около поясницы, и душегрѣйка изъ холстины же съ рукавами, застегнуты на кистяхъ и собраны на плечахъ, какъ рубашка. Голова покрыта шапкою, на

подобіе Архіерейской и съ ушами; на лѣвомъ боку носятъ родъ кортика и ножъ за пазухою съ той же стороны. Женщины имѣютъ долгое платье изъ полотна съ красными и голубыми цвѣтками, покрывающее все тѣло; кусокъ шелковаго штофа на головѣ, серги въ ушахъ, и другія украшенія на шеѣ, на рукахъ и на поясу, составляютъ ихъ убранство. Обыкновеніе даетъ имъ не малую вольность: могутъ онѣ принимать гостей, говорить съ мужчинами, не опасаясь присутствія своихъ мужей. Онѣ видомъ не пропивны, благочинны, и умѣютъ заставлять себя почитать. Хотя для услуженія есть у нихъ невольницы, но онѣ не ставятъ въ безчестіе, прилѣжатъ сами къ домашнимъ работамъ, и работаютъ своими руками. Мужчины и женщины чисты въ своихъ домахъ и платьѣ. Знатные любятъ щеголять, и въ ихъ уборы входятъ каменья и другія драгоцѣнныя вещи. Женщины мажутъ волосы кокосовымъ масломъ, чтобы они лоснились. Мужчины имѣютъ волосы долгіе и распускаютъ по плечамъ, но въ упражненіяхъ своихъ завязываютъ оные назади. Ни тѣ, ни другія, не носятъ ни чулковъ, ни башмаковъ. Сія честь оставлена одному Монарху.

Такова вообще есть одежда Шингуловъ: но знатность рода вводитъ въ оную нѣкоторую перемѣну: платье женское, на примѣръ, бываетъ долѣе или короче, смотря по отличенію ихъ больше или меньше отъ подлости. То же самое наблюдается и у мужчинъ. Подлая женщина нага съ головы до пояса, юпка ея идетъ долѣе колѣнъ. Мужчина такого же состоянія, не долженъ носить платья ниже

половины икры; но когда становится холодно, всякой имѣетъ право одѣваться какъ хочетъ, извиняясь въ томъ только передъ знатными встрѣчающимися на улицѣ, или гдѣ бы они ни попались.

Не въ описаніи ли обычаевъ Цейланскихъ сочинитель *Телемака* почерпнулъ мысль о различеніи разныхъ классовъ жителей, разностію въ одеждѣ? Но какъ бы то ни было, не можно согласиться, чтобъ сіи разности не означали разумной полиціи, и чтобъ Королевство Кандійское не было единственная страна, подающая намъ примѣръ столь совершеннаго подчиненія во всѣхъ частяхъ общества. Богатствы не приносятъ здѣсь ни чиновъ, ни степеней отличности: они наслѣдные, ибо получаются рожденіемъ; по чему рѣдко, чтобы благородной унизилъ себя вступленіемъ въ союзъ съ подлымъ, или что бы ѣлъ съ человѣкомъ ниже себя. Благородная дѣвица, попустившая прельстить себя простому человѣку, лишается жизни отъ рукъ своихъ родныхъ, кои омываютъ въ крови ея обезчестившее ихъ пятно. Съ мужчиною не такъ строго поступаютъ: ему прощается любовное знакомство съ подлою женщиною, лишь бы онъ не ѣлъ и не пилъ съ нею, а особливо чтобы не женился; ибо ежели до того забудется, наказывается денежнымъ штрафомъ, или тюрмою, и включается въ классъ своей жены.

Первому дворянству даютъ наименованіе *Гондреу*, то есть: *Величественные*. И ихъ раздѣляютъ на два рода: на бѣлыхъ и черныхъ. Всѣ бѣлые почтены за знатныхъ единственно

по тому, что они чужестранцы, объ коихъ думаютъ здѣсь, что должны быть знатные; уменьшается однако къ нимъ почтеніе для двухъ вещей: первое, что ѣдятъ они говядину, а природные жители до нее не касаются; второе, что не моютъ рукъ по исправленіи естественныхъ нуждъ, а сіе принимается за вещь самую проклятую.

Послѣ дворянства, есть еще разныя степени гражданъ у Шингуловъ: первые суть кузнецы, вторые бородобреи, третьи горшечники; потомъ портомойники, за ними пахари, и наконецъ поденьщики, солдаты и нищіе. Первые много потеряли прежней своей опличности съ того времяни, какъ нѣкоторые Гондреу пришедши къ нимъ для починки своихъ орудій, принуждены были дожидаться кузнеца въ лавкѣ, ибо онъ обѣдалъ: негодуя на нанесенное поруганіе, они тотчасъ оттуда вышли, чтобы пожаловаться; въ слѣдствіе чего приказано лишить людей сего ремесла, чести впредь ѣсть вмѣстѣ съ Гондреу; но они не сбавили своей спеси, а особливо тѣ, которые работаютъ для двора. Когда въ таковомъ кузнецѣ нужда, надобно приносить къ нему уголье и желѣзо: онъ сидитъ степенно, имѣя передъ собою наковальню, въ правой рукѣ держа молотокъ, а на лѣвой сторонѣ стоитъ очагъ, на которомъ должно дуть огонь и ковать большимъ молотомъ, между тѣмъ какъ онъ довольствуется изрѣдка бить по желѣзу своимъ молоткомъ, дабы дать ему надлежащій видъ. Въ заплату получаетъ онъ нѣсколько жита. Новыя орудіи платятъ особо, и за нихъ всегда дарятъ

пшеномъ, живностію и другими припасами. Я позабылъ сказать, что золотари, плотники и живописцы въ равенствѣ съ кузнецами, и малую имѣютъ разность въ платьѣ съ дворянствомъ. Цирюльники могутъ носить камзолы, но не имѣютъ права садиться на стульяхъ. Кафтаны горшечниковъ не должны покрывать колѣнъ; и хотя вышніе степени не ѣдятъ съ ними, имѣютъ они однакожъ по тому что дѣлаютъ глиняную посуду, право, естьли случится быть у дворянина, пить изъ его горшка по обычаю земли, то есть, лить въ ротъ воду, не касаясь губами до сосуда. Портомои моютъ только для вышнихъ степеней: различеніе ихъ состоитъ въ лоскутѣ, которое и мужики и бабы всегда носятъ на плечѣ. Вмѣсто золы употребляютъ они нѣкоторой родъ гущи, коей паръ входитъ въ бѣлье: послѣ мочутъ его въ рѣкѣ, и не стирая, бьютъ бѣлье объ каменную гору, и совершенно чистымъ дѣлаютъ.

Ткачи къ труду своего ремесла присоединяютъ знаніе Астрологіи. Они здѣсь предсказываютъ затмѣнія, перемѣны годичныхъ временъ, щастливые и нещастливые дни, и все принадлежащее къ будущему. Можно ихъ также почесть за здѣшнихъ музыкантовъ: играютъ они на инспрументахъ, пляшутъ въ храмахъ, и имѣютъ долю во всѣхъ мясахъ, приносимыхъ идоламъ. Плетущимъ коробы и рогожки, слоновымъ спорожамъ, дѣлающимъ сахаръ мужчинамъ и женщинамъ, запрещено покрывать себѣ головы. Никогда ремесленники не перемѣняютъ своего ремесла. Сынъ учится тому, что имѣлъ его отецъ; дочь

выходитъ замужъ за человѣка того же ремесла.

Тѣ, коихъ въ Цейланѣ называютъ *нищими*, доказываютъ, такъ же, сколь особенность свойственна сему острову: они суть такая порода людей, коихъ отцы, худымъ поведеніемъ, дошли до послѣдняго степени презрѣнія и отвращенія. Сказываютъ, что предки ихъ были охотники, доставлявшіе дичину на Королевской столъ; но что однажды вмѣсто звѣрины, накормили его человѣчьимъ мясомъ. Оно ему полюбилось, и приказано было еще онаго изготовить; но когда свѣдалъ онъ, изъ чего блюдо состояло, содрогнулся, и гнѣвъ его столь былъ великъ, что онъ не почелъ довольнымъ наказаніемъ одну смерть преступникамъ, а велѣлъ всенароднымъ указомъ объявить, что всѣ сего ремесла люди не могутъ впредь пользоваться никакимъ имѣніемъ, ни учиться какому либо рукомеслу, доставляющему пропитаніе; что какъ они ужасно погрѣшили противъ человѣчества, не должны имѣть сообщенія съ другими людьми; а быть почитаемы за безчестныхъ отъ рода въ родъ, во всѣхъ частяхъ государства, и въ сообществахъ за мерзкихъ людей. Съ того времени сей осужденной родъ въ такомъ проклятіи, что не позволяютъ имъ ниже воды черпать изъ колодезей, и они принуждены пить изъ рѣки. Просятъ они милостыни спаницами, мужчины, женщины и робята, какъ Цыгане. Женщины пляшутъ и коверкаются, а мужчины бьютъ между тѣмъ въ барабанъ, и вертятъ на пальцахъ мѣдные пазы. Они умѣютъ бросать девять пуль на

воздухъ; и ловитъ ихъ одну послѣ другой, такъ что на воздухѣ всегда находится оныхъ семь. Они обязаны всѣхъ жителей величать именами, какіе сіи послѣдніе даютъ Королю и господамъ, и оказывать имъ такое же почтеніе. Какъ ни кому не позволено ихъ бить, дабы не осквернишься прикосновеніемъ до проклятой породы; то они просятъ милостыню съ такимъ упрямствомъ, что нѣтъ способа отказать. При таковомъ подаяніи, не терпятъ они нужды еще и по той причинѣ, что не платятъ ни податей, ни налоговъ, и не обязаны служить. Не знаютъ они ни союза крови, ни законовъ сродства: отцы спятъ безъ всякаго угрызенія совѣсти съ дочерями, сыновья съ матерями. Когда знатной господинъ заслужитъ какимъ преступленіемъ смертную казнь, Король приказавъ умертвить его, иногда отдаетъ жену его сыну бродягамъ; и таковое наказаніе поставляется хуже самой смерти. По чему многія изъ нихъ предпочитаютъ лучше броситься въ рѣку, нежели быть въ семъ скверномъ и ненавистномъ обществѣ.

Король Кандійской, присвоющій себѣ самовольную власть надъ всѣми помянутыми степенями государства, запретилъ подъ смертною казнію, искать топазовъ, яхонтовъ, сафировъ, гренадъ, кои всѣ находятся въ горахъ, и ими торговать. Не позволено поднимать и оставляемые ручьями или рѣками, по слитіи водъ, на большихъ дорогахъ, развѣ для того только, чтобъ тотчасъ отнесть къ надзирателямъ, приставленнымъ для принимания оныхъ. Король имѣетъ то-

ликое множество сихъ каменьевъ, что не хочетъ позволить искать новыхъ. Въ мѣстахъ, гдѣ они находятся, велѣлъ онъ вкопать обвостренные колья, угрожая приближающихся туда, на оные посадить. Придворные даютъ ему наименованіи сравнивающія его съ богами; а говорятъ съ униженіемъ принимающимъ и мысль, что они люди, ставя на свое мѣсто самыхъ презрительныхъ животныхъ, на примѣръ, вмѣсто *я сдѣлалъ*, говорятъ они: *членъ собаки сдѣлалъ то и то.* Сіи безумные не чувствуютъ, что лишая себя качества человѣка, унижаютъ они Монарха, котораго хотятъ почтить, и которой пѣмъ и великъ, что повелѣваетъ надъ людьми.

Послѣ Королевской наипочтеннѣйшая власть въ Канди есть власть духовенства. Признаются здѣсь три степени боговъ, коимъ служатъ жрецы трехъ разныхъ раздѣленій, и коихъ почитаютъ въ трехъ родахъ капищъ: различеніе, какого я ни гдѣ еще не видалъ: жрецы первой степени принимаются за хранителей знаній божескихъ, и должность ихъ состоитъ наставлять народъ, имѣющій къ нимъ великое почтеніе, и кланяющійся имъ низко, а они ни кому не откланиваются. Куда они ни придутъ, стелютъ тонкую рогожку, или бѣлое полотно подъ ихъ стулъ. Честь равная съ отдаваемою Королю; а для сей причины и должны они быть всѣ знатной природы, и изъ самаго лучшаго дворянства. Они имѣютъ капищи дивной работы, и съ безчисленнымъ доходомъ; а все сіе по щедрости Королей, и ду-

ховенство здѣсь больше имѣетъ богатства, нежели Коропа. Сіе имущество употребляется на содержаніе жрецовъ, бѣдныхъ, и на нужные припасы для жертвоприношеній. Въ прочемъ капищи имѣютъ своихъ служителей чиновныхъ, какъ и дворъ Королевской. Въ нихъ кормятъ даже слоновъ, изъ одной только пышности, которая вездѣ во всѣхъ земляхъ и во всѣхъ вѣрахъ примѣчается. Одѣяніе жрецовъ есть желтой казакинъ съ борами на поясницѣ, и нитяной кушакъ, волосы у нихъ обриты, голова гола, а въ рукѣ носятъ круглое опахало отъ солнца. Они требуютъ себѣ почтенія отъ Короля, вельможъ и народа, и показываютъ себя урожденными начальниками всѣхъ прочихъ жрецовъ острова. Хотя и обязываются не имѣть женъ, пока пребудутъ въ священствѣ; но вольно имъ жениться, выходя изъ сего сана. Тогда бросаютъ они платья въ рѣку, моютъ себѣ голову и тѣло, и чрезъ сіе становятся мирянами.

Вторая степень жрецовъ опредѣлена для службы боговъ второй степени. Капищи ихъ не великолѣпны и малые имѣютъ доходы. Платье ихъ не рознится съ одеждою народа, и въ то время, когда они въ служеніи; а обязаны они только мыться и чистое бѣлье надѣвать прежде обряда, которой состоитъ въ приношеніи идоламъ варенаго пшена и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Они пашутъ землю, и не освобождены ни отъ какихъ налоговъ передъ простымъ народомъ.

Жрецы послѣдней степени употреблены на службу духовъ или демоновъ. Набожной

Шингулъ строитъ на своемъ иждивеніи капище, и становится вдругъ и основателемъ его и жрецомъ, приноситъ жертвы демону не изъ почитанія, но для отвращенія зла, кое онъ причинить можетъ. И жрецъ и капище мало почтены: а одного идола чернь боится. Сіи набожности невѣроятнымъ образомъ умножили въ Цейланѣ число капищъ, идоловъ и жрецовъ. Въ нихъ видны уродливые истуканы, серебреные, мѣдные и изъ другихъ металловъ. Середа и суботта суть дни моленія.

Отправляется здѣсь праздникъ всякой годъ въ новомѣсячіе Іюня и Іюля, продолжающійся до полной луны. Сосноитъ онъ главнѣйше въ воженіи по улицамъ многихъ слоновъ, навьюченныхъ идолами и убранныхъ колокольчиками. Народъ слѣдуетъ за ними въ уборѣ великановъ, кои были, сказываютъ, первые жители острова. Къ нимъ присоединяются музыканты, комедіанты и шуты, раздѣленные на нѣсколько ватагъ; за сими слѣдуютъ три слона рядомъ, покрытые великолѣпными уборами, на среднемъ сидятъ два жреца, одинъ передъ другимъ: передней держитъ на плечѣ крашеную палку съ значками, а задній подсолнечникъ надъ переднимъ. На боковыхъ слонахъ сидятъ также по жрецу, и всѣ они представляютъ разныхъ боговъ. Потомъ видны Шингульскія женщины, идущія по три въ рядъ съ великимъ благоговѣніемъ. Шествіе замыкается военными людми, придворными и Министрами. Въ каждой праздникъ бываютъ два хода, одинъ ночью, другой днемъ. Улицы набросаны цвѣтами и пахи-

чими травами; домы украшены значками, вѣшвями и плошками. Трудиться запрещено въ сіи святые дни, коихъ часть проходитъ въ молитвахъ по капищамъ, а другая въ пирахъ и веселіи. Въ году ходятъ нѣсколько разъ молиться въ мѣста, гдѣ видно множество часовенъ вырытыхъ въ горахъ, и нѣсколько развалившихся капищъ, но коихъ работа столь превосходитъ знаніе нынѣшнихъ жителей, что народъ увѣренъ о построеніи ихъ Исполинами.

Шингулы, равно какъ и прочіе Индейцы, вѣрятъ преселенію душъ, и во всемъ пространствѣ Голландскихъ владѣній, не запрещена только сія вѣра, Магометанская и Калвинская. Католицкая заказана подъ строгимъ наказаніемъ. Голландцы ввели свою чрезъ стараніе пасторовъ, обратившихъ не малое число жителей. Они основали училище для наставленія юношества. Сказываютъ, что прежде были на островѣ церкви въ цвѣтущемъ состояніи, основанныя первыми учениками Апостоловъ, и разоренныя Магометанами. Португальскіе миссіонеры, старались возобновить Христіанское имя, когда Протестанты пришли благовѣстить Калвиново Евангеліе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ *Святый Ксаверій* оказалъ уже свою ревность къ вѣрѣ.

Я оставляю до слѣдующаго писма нѣкоторыя наблюденіи, принужденъ бывъ окончить сіе въ Коломбѣ, и выѣхать завтре, дабы опять приняться за перо въ Тринкемалѣ. *Коломбо* съ начала была простая ложа, (острогъ) обнесенная полисадникомъ. Въ слѣ-

дующія времена мало по малу ее разширили: поспроили небольшую крѣпосщцу, и наконецъ сдѣлали изъ нее пріятной, хорошій и правильно укрѣпленный городъ. Небольшое озеро окружаетъ съ сухопутной стороны треть города. Лежитъ онъ на весьма дурномъ грунтѣ; заливъ малъ, не можетъ вмѣщать большихъ кораблей, и подверженъ сильно вѣтрамъ. Не смотря на всѣ сіи невыгоды, Коломбо есть первой Голландской городъ на островѣ Цейланѣ; ибо лежитъ въ округѣ, гдѣ растетъ наилучшая корица.

Я есмь, *и пр.*

ПИСЬМО XXXVIII.

Продолженіе Цейлана.

Я кругомъ объѣхалъ Цейланъ, и готовлюсь, оставя сію землю, отправиться на Малдивскіе острова, а потомъ на Коморинской мысъ, отпуда побываю на Малабарскомъ берегу; но имѣю еще для сообщенія вамъ, нѣкоторыя наблюденіи о Цейланѣ.

Шингулы живутъ въ наивеличайшемъ невѣжествѣ. Правда, что учатся читать и писать, да хотя бы и не имѣли ни того, ни другаго, больше бы не могли заслужить къ себѣ презрѣнія. Жрецы первой степени мѣшаются немного въ Астрономію, но календари дѣлаются ткачами. Прочіе у нихъ книги, говорятъ, только о врачевствѣ и вѣрѣ. День они раздѣляютъ на тридцать часовъ, и на столько же ночь, но судятъ о теченіи времени по догадкамъ, не имѣя никакихъ часовъ, ниже солнечныхъ. Есть у нихъ вѣсы, мѣры и деньги. Послѣднихъ три рода: одни были сдѣланы Португальцами, другіе, кои всякой можетъ бить съ позволеніемъ отъ Короля, походятъ на крючокъ, какимъ рыбу ловятъ; третьи Королевскія, и сіи заказано дѣлать подъ смертною казнію. Вообще, серебра и золота мало въ Кандійскомъ Королевствѣ. Все покупается и продается способомъ промѣна. Жителей наибольше упражняетъ земледѣліе. Знатныя не презираютъ сей работы, лишь бы дѣло шло о паханіи своей собственной земли; ибо были бы обезчесчены, еже-

либъ работали для другаго или за какую заплату. Земли достаются послѣ отцовъ дѣтямъ, какъ наслѣдственное имѣніе, и раздѣлъ зависитъ отъ отца; но ежели кто изъ дѣтей получитъ одинъ всѣ себѣ въ наслѣдство, тотъ долженъ бываетъ содержать мать, братьевъ и сестеръ, до тѣхъ поръ, пока они инаго не приобрѣтутъ пропитанія.

Кто занимаетъ хлѣбъ для своего пропитанія, долженъ во время жатвы отдать полторы мѣрки за одну взятую. Ежели заемъ тянется два года, платежъ удвояется; послѣ чего нѣтъ больше процентовъ. Заимодавецъ можетъ, въ заплату захватить все имѣніе у должника; а ежели у него ничего нѣтъ, его самаго взять въ невольники. Иногда ходитъ онъ къ должнику съ ядовитою травою, и стращаетъ его окормиться, естьли не заплатитъ. Отъ сей угрозы должникъ въ такую боязнь приходитъ, что дѣтей продаетъ, когда не можетъ инако заплатить, ибо въ такомъ случаѣ почелся бы виноватымъ въ его смерти, и былъ бы принужденъ откупать жизнь свою деньгами. По всему острову не знаютъ ни ярмонокъ, ни рынковъ; а есть нѣсколько лавокъ, въ коихъ за весьма низкую цѣну продаются съѣстные припасы и другіе товары.

Я еще не видалъ въ Индіи такой страны, гдѣ бы разумѣли Шингульской языкъ. Оной показался мнѣ пріятенъ и изобиленъ, многіе слова означаютъ одну вещь. Какъ народъ любитъ льстить другихъ, и слышать привѣтствіи и пышныя наименованіи: то языкъ ихъ набитъ израженіями почтенными и вѣ-

жливыми, что не меньше у нихъ свойственно подлости какъ и знатнымъ.

Шингулы страстно любятъ играть: пѣтухи и шашки составляютъ ихъ обыкновенное упражненіе. *Пѣтухи* ихъ больше и сильнѣе нашихъ, они къ ногамъ ихъ привязываютъ острые желѣзы, и спускаютъ драться; бьются объ закладъ; хозяинъ побѣдившаго пѣтуха выигрываетъ оной. Когда нечего имъ больше проиграть, закладываются о своихъ собственныхъ членахъ, проигравшій кладетъ руку на камень и ему отсѣкаютъ конецъ пальца; послѣ чего онъ опускаетъ его тотчасъ въ кипящее масло, нарочно приготовленное для прижигу раны. Сіе жестокое дѣйствіе не унимаетъ ихъ отъ игры. Есть такіе задорные, что не оставятъ играть прежде, нежели лишатся всѣхъ пальцовъ на рукѣ.

Законы о бракѣ мало имѣютъ силы въ Кандійскомъ Королевствѣ. Мужъ съ женою живетъ до тѣхъ поръ вмѣстѣ, пока они согласны. Мужъ долженъ отдать приданое, состоящее въ однихъ подаркахъ; а жена не можетъ выдти за другаго, пока первой мужъ вновь не женится. Мужчины и женщины посягаютъ до пяти разъ, прежде нежели совокупятся твердымъ образомъ. Рѣдко, чтобы мужчина имѣлъ больше одной жены; но у женщины бываетъ иногда по два мужа: ибо обыкновеніе дозволяетъ двумъ братьямъ вмѣстѣ имѣть одну жену, и дѣти, раждающіяся отъ сихъ братьевъ, называютъ ихъ обоихъ отцами. На невѣрности мало смотрятъ, лишь бы женщина зналась съ мужчиною

равнаго себѣ, или вышшаго состоянія; но за наималѣйшее почитается безчестіе для нее и для мужа, естьли она благосклонность покажетъ кому изъ простаго народа. Здѣсь великое снисхожденіе имѣютъ къ женскому полу, и сіе простирается до самыхъ животныхъ. Установленъ законъ, которому можетъ быть нѣтъ примѣра, что не только земли, достающіяся въ наслѣдство женщинѣ, освобождены отъ всякой подати, но не платятъ пошлинъ и за то, что везется на животномъ женскаго рода. Не смотря однако на столь вѣжливой обычай, дабы сохранить преимущество нашему полу, запрещено женщинамъ садиться при мужчинѣ.

Отцы надъ дѣтьми имѣютъ неограниченную власть: имъ вольно отдавать ихъ убивать, когда возненавидятъ, или когда великое число приводитъ отца въ несостояніе всѣхъ ихъ прокормить. Умерщвляютъ они обыкновенно тѣхъ, кои родились подъ нещастнымъ созвѣздіемъ, дабы не питать, говорятъ, дьявола въ дому; иногда отдаютъ другимъ, и сіи ихъ присвояютъ за дѣтей, думая, что таковая перемѣна можетъ отвратить злое изліяніе: съ первородными однако не поступаютъ симъ образомъ, а прибѣгаютъ къ безчеловѣчію, за которое и закономъ не предписано казни, только въ такомъ случаѣ, когда уже сѣмья ихъ сильно расплодилась.

Къ дому, въ которомъ есть мертвецъ, боятся подходить чрезъ нѣсколько дней дабы не осквернитьсѧ. Ежели умеръ знатной человѣкъ, тотчасъ его обмываютъ, покрываютъ простынею и сожигаютъ. Иногда берутъ

дерево, долбятъ его, и кладутъ въ него тѣло, наполняя осѣвшуюся пустоту перцомъ, и въ семъ положеніи оставляютъ мертвеца въ домѣ до тѣхъ поръ, пока Король не прикажетъ вынесть и сожечь; ибо безъ его повелѣнія того бы не учинили, а особливо ежели умершій служитъ при дворѣ. Какъ иногда повелѣніе не скоро приходитъ, дѣлается въ ожиданіи яма, и ставится въ нее гробъ. По полученіи же онаго, кладутъ его на носилки, и люди переносятъ до мѣста костра. Ставятъ его на кучу дровъ, съ верху закидываютъ также дровами, и все сіе покрывается особливаго рода балдахиномъ, сдѣланнымъ изъ вѣтвей и крашеной холстины, а послѣ подкладываютъ огонь. Когда все сгоритъ, сгребаютъ золу на подобіе пирамиды, окружаютъ ее плетнемъ или полисадникомъ, и сѣютъ траву, которая со временемъ дѣлаетъ изъ нее подобіе могилы, возвышенной и покрытой дерномъ. Ежели умершій очень знатенъ, жгутъ его просто съ гробомъ; а естьли простой человѣкъ, зарываютъ въ лѣсу. Трауръ, которой, жены изъ благопристойности должны носить, состоитъ только въ томъ, чтобъ на нѣсколько дней растрепать волосы, и воздавать похвалу покойному, крича и разсказывая его добродѣтели. Послѣ чего вольно имъ тотчасъ упѣшенія искать въ новомъ бракѣ.

Жители сего острова не имѣютъ ни доктором, ни лѣкарей, и примѣтно, что живутъ они долго. Въ корѣ и листьяхъ деревьевъ находятъ лѣкарства, избавляющія и предъохраняющія отъ болѣзней. Трезость

ихъ также много способствуетъ къ сохраненію здравія. Обыкновенная ихъ пища состоитъ во пшенѣ; мяса ѣдятъ мало, рѣдко рыбу, а говядины и совсемъ не вкушаютъ. Прочія у нихъ ѣствы суть огородные овощи, плоды, пирожное и заѣдки. Питіе обыкновенное чистая вода. Передъ обѣдомъ пьютъ они водку особаго рода возбуждающую охоту къ ѣденію. Посуда ихъ мѣдная, или глиняная, похожая на фарфоръ.

Сверхъ островскихъ жителей занимающихъ внутреннія земли, и Голландцовъ, имѣющихъ въ своемъ владѣніи всѣ приморскіе города, есть еще одинъ народъ, извѣстной подъ имянемъ *Беловъ* или *Белласовъ*, независящій отъ сихъ двухъ державъ, и занимающій полуночную страну. Онъ раздѣленъ на многія поколѣнія, изъ коихъ каждое имѣетъ въ собственности округъ, и начальника имъ управляющаго. Другой власти они не признаютъ, и живутъ въ великомъ между собою согласіи. Всѣ ссоры рѣшатъ дружески, а естьли кто изъ посторонныхъ на нихъ нападаетъ, соединяются всѣ вмѣстѣ противъ общаго непріятеля. Каждой округъ имѣетъ военныхъ людей стрегущихъ свое селеніе, и не впускающихъ безъ позволенія начальника ни одного чужестранца. Путешествующимъ дозволяютъ проѣзжать, но смотрятъ за ними съ великимъ раченіемъ, и караулъ впустившій его, провожаетъ до ближняго округа. Сіи жители храбры, великодушны, человѣколюбивы, но такъ ревнивы къ женамъ и дочерямъ, что убьютъ человѣка, осмѣлившагося къ онымъ прикоснуться. Говорятъ мало, ходятъ почти

нагіе; женщины имѣютъ только передникъ отъ брюха до колѣнъ, а мужчины лоскутъ полотна. Ростомъ малы, толсты и сильны. Оружіе ихъ суть стрѣлы и предолгой лукъ, съ желѣзнымъ прутомъ, которой впыкается въ землю, когда они стрѣляютъ. Питаются ловлею и собираемыми плодами, живутъ на берегахъ рѣкъ, и ночуютъ подъ первымъ деревомъ, которое попадется; изъ предъосторожности бросаютъ около себя нѣсколько наломанныхъ сучьевъ, чтобъ завремянно узнать о приближеніи дикихъ звѣрей, когда они идучи листьями зашумятъ. Сія странствующая жизнь не совсемъ однако ихъ лишаетъ сообщенія съ сосѣдями: они имъ продаютъ медъ, доски, кожи, хрусталь и родящіеся у нихъ плоды. Въ обмѣнъ берутъ толстыя ткани, мѣдныя кольцы, стекляныя зарукавьи, соль и пр. Ежели одинъ другаго обидитъ, обиженной идетъ къ начальнику округа, садится подъ деревомъ противъ его жилища, ничего не говоря и держа въ рукѣ зеленую вѣтвь. Симъ образомъ ждетъ онъ пять или шесть дней, пока начальникъ его не спроситъ, и не дастъ ему управы. Ежели же не получитъ никакого удовольствія, впыкаетъ вѣтвь въ землю, и отходитъ или искать своего недруга, или совсемъ оставляетъ округъ.

Я возвращаюсь, сударыня! къ Шингульскому народу, или больше къ произрастеніямъ земли, ими и другими острова жителями, дѣлаемой. Вообще стараются они садить только деревья, полезныя и могущія во время

недорода принести имъ нужную пищу. Король Кандійской почитаетъ принадлежащими себѣ всѣ плоды растущіе въ его владѣніяхъ; и когда служащіе ему увидятъ дерево обремененное оными, присвояютъ его, и вѣшаютъ на немъ знакъ, тогда не можно до него касаться, не подвергнувъ себя жестокому мученію.

Я упомянулъ, что наибольше родится здѣсь *пшена:* оно разнаго рода, каждой называется особымъ именемъ по времени, въ которое спѣетъ. Самое поздное растетъ семь мѣсяцовъ, а раннее поспѣваетъ въ три. Послѣднее лучше, но не столь прибыльно. Вода необходимо нужна для рощенія пшена всѣхъ родовъ. Оно требуетъ быть ею покрыто; а сіе причиняетъ невѣроятную работу земледѣльцамъ, кои должны ее приводить способомъ рвовъ и всегда сохранять. Они таскаютъ ее изъ рѣкъ и прудовъ съ не малымъ искуствомъ, и также распредѣляютъ поля, гдѣ хотятъ вырастить посѣвъ, чтобы они всегда были наводнены. Уравниваютъ нѣкоторымъ образомъ холмы, раздѣляя ихъ на поперечныя полосы, и насыпая такъ, что одна лежитъ надъ другою, на подобіе амфитеатра. На высотахъ дѣлаютъ водохранилищи, изъ коихъ спускаютъ воду съ полосы на полосу, орошая ихъ симъ образомъ до самой нижней. По количеству воды, судятъ объ родѣ пшена, какое сѣять; ибо время нужное для его зрѣлости, точно соотвѣтствовать должно времени, до котораго вода простоитъ на землѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ мало ключей, а рѣкъ совсемъ нѣтъ, довольствуются дожде-

вою водою, сберегая ее въ возвышенныхъ водохранилищахъ, изъ коихъ пускаютъ на пашни. Но сей родъ пшена разнствуетъ отъ прочихъ вкусомъ и запахомъ, и не за столь хорошій почитается. Какъ земли часто бываютъ общія, то цѣлой городъ или деревня работаетъ вмѣстѣ для пользы всѣхъ. Прежде не сѣютъ, пока два раза не вспашутъ; и не копаютъ земли, пока ее не смочутъ, дабы легче работать. Когда стебель выйдетъ на четыре или пять пальцовъ, начинаютъ поливать, и отворяютъ водохранилищи. Жатва дѣлается какъ въ Европѣ, но вмѣсто молотьбы топчутъ хлѣбъ скотиною, что и способнѣе и скорѣе.

Долины и холмы въ Цейланѣ во всякое время покрыты дикими, но пахучими цвѣтами; ибо ходить за ними не стараются. Молодые люди нарвавъ ихъ, вплетаютъ въ волосы, чтобъ отъ нихъ пахло. Цвѣты называемые ими *синдрималь*, достойны примѣчанія: бываютъ они красные и бѣлые. Отворяются около четырехъ часовъ по полудни, и стоятъ всю ночь, а по утру опять сжимаются до четырехъ же часовъ: словомъ, служатъ вмѣсто часовъ, когда солнца не видно. Есть другой бѣлой цвѣтокъ, имѣющій запахъ ясмина, и предъосставленной одному Королю. Всякое утро приносятъ къ нему пучекъ сихъ цвѣтовъ, завязанной въ бѣломъ полотнѣ, и повѣшенной на палкѣ. Кто ему на встрѣчу попадется, долженъ отвороттиться изъ почтенія.

Плоды лучше въ Цейланѣ, нежели въ другихъ мѣстахъ Индіи; но жители того только ищутъ, что можетъ утолить ихъ голодъ,

не чувствуя пріятности вкуса; по чему и ѣдятъ ихъ почти всегда зеленые. Отсюда происходитъ, что сажаютъ одни тѣ деревья, на коихъ плоды сытнѣе. Приносящіе же нѣжные плоды, растутъ сами, какъ на примѣръ, померанцы, наилучшіе, можетъ быть, въ свѣтѣ. Всего больше уважаютъ они орѣхъ, *Арекъ*, которой употребляютъ много, и которымъ производятъ великой торгъ. Сей орѣхъ жуютъ вмѣстѣ съ бетелемъ, а родится онъ на деревѣ, вышиною и видомъ довольно похожемъ на кокосовое, но пень его тоне и листья короче. Плодъ растетъ, какъ абрикосы, продолговатъ, величиною съ сливу, бѣловатъ и лоснится. Кожа на немъ дѣлается крѣпка и красновата; тѣло въ нутри мягко; въ косточкѣ имѣетъ бѣлое зерно, которое Индейцы приготовляютъ съ *бетелемъ*.

Теперь мѣсто описать вамъ сію послѣднюю траву, которую здѣшніе жители безпрестанно жуютъ. У насъ хлѣбъ не въ такомъ употребленіи, какъ бетель въ Индіи. Она есть родъ травы, вiющейся какъ горохъ и хмѣль. Стебель ея такъ слабъ, что надобно поддерживать его тычинкою. Сажаютъ ее около ареки, по которому она и вьется какъ плющъ. Листъ ея походитъ на лимонной, но долѣе, и высыхая, краснѣетъ. Сверхъ орѣха, съ которымъ ее приуготовляютъ, мѣшаютъ также въ нее немного извести, сдѣланной изъ раковинъ. Рѣдко сами частные люди готовятъ бетель. Большіе господа всегда имѣютъ для сего при себѣ слугъ, а прочіе покупаютъ совсемъ готовую. Можно ее найти въ лавкахъ, на углу всякой улицы, и даже на боль-

шихъ дорогахъ. Листья приправленные продаются пучками, по дюжинамъ и за весьма умѣренную цѣну. Индейцы всякаго возраста, всякаго состоянія ѣдятъ ее вездѣ, всегда и чаще, нежели мы нюхаемъ тобакъ. Ихъ почти не увидишь безъ бетеля въ роту. Сколь скоро войдешь въ домъ для дѣла, или только посидѣшь, тотчасъ приносятъ бетель и потчиваютъ гостей. Сказываютъ, что онь дыханіе дѣлаетъ пріятнымъ, утверждаетъ десны, чиститъ и укрѣпляетъ желудокъ. Шингулы приписываютъ ему свое доброе здоровье, и долгую жизнь. То вѣрно, что онъ возбуждаетъ слюну и зубы дѣлаетъ черными. Безъ сомнѣнія для сей послѣдней причины мало бываетъ Европейцовъ, кои бы могли, или хотѣли къ нему привыкнуть. Многимъ отъ него тошнится, другіе дѣлаются пьяны, но на короткое время. Индейскія женщины, кои суть сложенія весьма склоннаго къ любви, побуждаютъ ихъ употреблять бетель; а дабы къ тому обязать, ѣдятъ сами передъ ними безъ мѣры. Рѣдко выдерживаютъ мужчины, чтобъ не склонишься на просьбу, а особливо, когда женщины пригожи; и онѣ пользуются тѣмъ-временемъ, пока человѣкъ пьянъ, для удовольствованія склонности своей къ утѣхѣ.

На островѣ Цейланѣ растутъ три дерева, съ коихъ хотя не ѣдятъ плодовъ, но они примѣчанія достойны по происходящей отъ нихъ пользѣ: Талипотъ, Кетгуль и Коришневое. *Талипотъ* поднимается до шестидесяти и семидесяти футовъ въ придцать лѣтъ, не принося ни цвѣтовъ, ни плодовъ;

въ концѣ сего времени изъ вершины его выходитъ новой стебель, который скорѣе четырехъ мѣсяцовъ, вырастаетъ около тридцати футовъ; тогда всѣ листья опадаютъ и дерево походитъ на мачту. По прошествіи трехъ мѣсяцовъ, помянутой стебель испускаетъ множество вѣтвей, кои цвѣтутъ три или четыре недѣли. Цвѣты его желты и чрезвычайно воняютъ, они превращаются въ плоды созрѣвающіе полгода, но въ такомъ множествѣ, что одного дерева довольно для цѣлой провинціи. Послѣ сего стебель сохнетъ, и дерево умираетъ. Плодъ его величиною съ вишню. Дѣвки дѣлаютъ изъ нихъ зарукавьи и ожерельи; но всего удивительнѣе листья Талипотовы: одинъ листъ можетъ покрыть пятнадцать или двадцать человѣкъ, и предъохранить ихъ отъ дождя или солнца. Когда листья высохли, становятся крѣпки и мягки, могутъ сжиматься и распускаться какъ опахало, и свернутые будучи не толще руки, а при томъ и легки, можно ихъ носить въ рукѣ безъ труда. Они круглы, но Шингулы рѣжутъ ихъ треугольниками и держатъ передъ собою впередъ для разведенія вѣтвей въ кустахъ, идучи по лѣсу. Солдаты дѣлаютъ изъ нихъ палатки, но какъ они зубчаты и почти разрѣзаны, то по краямъ ихъ сшиваютъ. Кроютъ ими домы, употребляютъ для писма, ибо они похожи на нашъ пергаминъ: пишутъ по немъ желѣзнымъ гвоздемъ. Ежели кто захочетъ сдѣлать книгу, рѣжутъ ихъ на куски ровной величины, длиною иногда въ одинъ, иногда въ полпора фута, но ширина не бываетъ больше трехъ.

пальцовъ. Пишутъ въ сихъ книгахъ съ лѣвой руки на правую; а когда вся исписана, привязываютъ ихъ къ двумъ дощечкамъ съ обѣихъ сторонъ снуркомъ, идущимъ сквозь листья составляющіе книгу. Когда надобно читать, поднимаютъ первую дощечку, и потомъ листъ по листу, но они всѣ оставаются, какъ были привязаны, или нанизаны на снуркѣ. Для простыхъ писемъ или неважныхъ дѣлъ, употребляется другой родъ листьевъ, на коихъ способнѣе писать: но книгъ изъ нихъ дѣлать нельзя. Сердце сего дерева мѣлется въ муку, и дѣлаютъ изъ него сайки, имѣющія вкусъ хлѣба. Увѣряютъ также, что ежели его положить на брюхо беременной женщинѣ, она тотчасъ родитъ; а ежели долго подержать, то робенокъ разшевелится и выпадетъ по частямъ.

Кеттуль примѣчанія достоинъ по истекающему изъ него соку, такъ какъ Талипотъ по своимъ листьямъ. Сей сладокъ и пріятенъ, и не крѣпче простой воды; отъ варенія онъ густѣетъ. Можно его сдѣлать бѣлымъ, и тогда превращается онъ въ сахаръ столь же хорошій, какъ и обыкновенной. Посредственное дерево испускаетъ соку около двенадцати бутылокъ въ день. Кора его наполнена жилами столь твердыми, какъ проволока, и изъ нее дѣлаютъ веревки.

Третье дерево, которое приноситъ *Корпцу*, есть наивеличайшее сокровище у Шингуловъ; оно растетъ во многихъ мѣстахъ на свѣтѣ, но ни гдѣ не родится такъ хорошо и ни гдѣ нѣтъ столь превосходнаго, какъ въ Цейланѣ; сего дерева здѣсь такъ много,

что сто фунтовъ стоитъ только сорокъ копѣекъ и оно такъ пахуче, что благовоніе слышно нѣсколько миль въ округѣ. Оно средней вышины; листы походятъ на лавровые, цвѣтомъ и толщиною. Когда они распускаются, бываютъ алы, а ежели потрешь рукою, пахнутъ больше гвоздикою, нежели корицею. Дерево носитъ плодъ похожій на небольшой жолудь, или оливку. При вареніи его выходитъ масло, которое на волѣ плаваетъ, густѣетъ, и доставляетъ родъ бѣлаго воска. Португальцы дѣлали изъ него *свѣчи* для большихъ праздниковъ, и запахъ отъ нихъ такъ пріятенъ, что не уступаетъ наилучшимъ благовоніямъ, въ куреніи употребляемымъ. Они посылали ихъ въ Лиссабону для Королевской церкви. Но кора сего дерева есть вещь наидрагоцѣннѣйшая; сія самая кора есть наша корица. Она бываетъ бѣла, когда собирается, а становится красновата, когда положатъ ее на солнце для сушенія, и сама свертывается въ трубки. Наилучшая находится между Пуантъ-де-Галльи Негомбо, гдѣ есть рощи верстъ по пятидесяти, и столь часты, что съ трудомъ въ нихъ пройти можно. Жаръ климата и влажность земли причиною, что сколь скоро упадетъ сѣмя, тотчасъ принимается. Сіе дерево растетъ такъ легко и скоро, что нужно было постановить законъ, которой бы принуждалъ жителей очищать отъ него дороги. Естьли бы запустили чинить по немъ исполненіе нѣсколько лѣтъ съ ряду, то густота лѣсовъ пресѣкла бы все сообщеніе. Кору дерутъ съ дерева чрезъ три года: въ первой, по снятіи оной, дерево

кажется засохлымъ; потомъ нечувствительно покрывается новою, и получаетъ прежнюю свою силу.

Есть въ Цейланѣ одно дерево, никакого плода не приносящее, но примѣтное по суевѣрію жителей. Они его признаютъ священнымъ, и молятся ему, отъ чего и прозвано оно *Богъ дерево.* Во всѣхъ частяхъ острова растетъ его много. Шингулы почитаютъ за доброе дѣло садить его, ставятъ подъ нимъ образа и зажигаютъ лампады.

Я сказалъ уже, что нѣтъ здѣсь ни докторовъ, ни лѣкарей, но чрезвычайное множество произрастеній и травъ цѣлительныхъ. Лѣса служатъ аптеками: въ нихъ составляются лѣкарствы и пластыри изъ листьевъ и коры. Пріѣхавъ сюда, удивился я, что нахожу капусту, морковь, рѣдьку, огурцы, горохъ, бобы, и даже травы, изъ коихъ мы дѣлаемъ салатъ. Правда, что все сіе не мало собою выросло, но привезено было Португальцами и Голландцами. Островъ имѣетъ также свои собственные и преизрядные овощи, какихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ, и коихъ исчисленіе было бы и долго и невесело. Водится здѣсь вся та скотина, которая и у насъ, какъ свиньи, козы, лошади, ослы и пр. но не видно овецъ. Дикіе звѣри тѣ же, что и въ простой Индіи. Живность, дичина и рыба всякаго рода въ великомъ изобиліи. И я не знаю другаго мѣста, въ которомъ бы можно было найти больше и дешевлѣ все то, что ни родится въ Европѣ и въ Азіи наилучшаго для стола. О *слонахъ* я говорить не буду. Всѣмъ извѣстно, что Цейланскіе пред-

почитаются всѣмъ прочимъ, не только по чрезмѣрному ихъ великотѣлесію и красотѣ зубовъ, но особливо для ихъ проворства. Говорятъ, будто другихъ краевъ слоны распознаютъ здѣшнихъ и имъ кланяются. Здѣсь ихъ употребляютъ для подняпія и перевоза грузовъ. Слонъ беретъ веревку хоботомъ и зубами, тянетъ, опутываетъ, бросаетъ ношу себѣ на спину и идетъ. Сторожи ихъ часто меня увеселяли. Они приказывали слону набрать воды въ хоботъ, и окатить, кого укажутъ. Онъ тотчасъ повинуется, насасываетъ цѣлое ведро воды, и пускаетъ такъ сильно, что человѣкъ насилу можетъ на ногахъ устоять. Есть время, въ которое слоны имѣютъ болѣзнь, приводящую ихъ въ бѣшенство. Ни кто управлять ими тогда не можетъ, но предъузнать ее можно; ибо начинаетъ у него изъ щеки показываться родъ масла, и тогда привязываютъ ихъ за ноги къ толстымъ деревьямъ. Цейланскихъ слоновъ продаютъ въ четверо дороже слоновъ другихъ земель; и сіи послѣдніе, какъ я уже сказалъ, признаютъ кажется ихъ превосходство, и оказываютъ то наружнымъ знакомъ.

Обезьяны, коими лѣса здѣсь наполнены, и удивительны и многочисленны. Есть между ими особливая порода, называемая *дикіе люди*, по тому что имѣютъ они ростъ и видъ человѣческой, и кажется нѣсколько одарены его понятіемъ. Шерстью покрыты только на спинѣ и на поясницѣ. Они увертливы, сильны и отважны, съ охотниками дерутся, и такъ страстны къ женщинамъ,

что не можно безъ опасности симъ послѣднимъ ходить по лѣсамъ, гдѣ они водятся. Приучаютъ ихъ скоро; учатъ ходить на заднихъ лапахъ, а передними мыть стаканы, наливать пить, обращать вертело, и дѣлать другія неважныя услуги. Есть изъ нихъ имѣющія сѣрую шерсть, черное лицо и долгія бѣлыя бороды отъ одного уха до другаго, по коимъ можно ихъ почесть за стариковъ; другія съ бородою, съ бѣлымъ лицемъ и тѣломъ; иныя съ бѣлымъ лицемъ безъ бороды, но съ долгими волосами на головѣ какъ у человѣка.

Насѣкомыя почти тѣ же, что и въ Индіи. Я видѣлъ *муравьевъ* бѣлыхъ съ красною головою. Въ необитаемыхъ мѣстахъ, наносятъ они кучи, футовъ въ пять или шесть вышины, земля въ нихъ бываетъ такъ чиста, что народъ дѣлаетъ изъ нея идоловъ, и такъ связана плотно, что съ трудомъ можно разрыть ихъ жилище. Нутръ весь изрытъ дорогами, гдѣ живутъ муравьи. У нихъ выходятъ крылья, и тогда поднимаются они на воздухъ къ западу въ такомъ множествѣ, что затмѣваютъ солнце, и вскорѣ пропадаютъ изъ глазъ, ибо до тѣхъ поръ летаютъ, пока не попадаютъ мертвые.

Я не могу себѣ представить безъ страха *паука* Цейланскаго, которой скрывается въ дуплахъ деревьевъ и въ другихъ норахъ. Нѣтъ ничего ядовитѣе сего насѣкомаго. Уязвленіе его не смертельно, но отъ яда его мѣшается разумъ и человѣкъ бѣсится.

Сей островъ наполненъ также множествомъ *змей*, разныхъ родовъ; но самые опа-

сные рѣдки. Они угрызеніемъ наводятъ глубокой сонъ, и человѣкъ вскорѣ умираетъ. другіе приводятъ въ бѣшенство, за коимъ слѣдуетъ смерть. Но ужаснѣе всѣхъ есть тотъ, у котораго ядъ такъ силенъ, что сколь скоро уязвитъ человѣка, кровь у него выступаетъ по всему тѣлу, и нѣтъ уже средства его спасти. Сей змей не толще скрыпичной струны, и вырываетъ, сказываютъ, глаза изъ головы у тѣхъ, на кого нападаетъ.

Есть еще одинъ родъ сихъ пресмыкающихся; вамъ покажется невѣроятнымъ, что я объ немъ донесу. Онъ взлазитъ на древо и бросается на животнаго идущаго мимо; и гдѣ только дотронется, мясо падаетъ кусками, а уязвленная скотина стоитъ неподвижна, ибо ядъ дѣйствуетъ въ нутри, а съ наружи ничего примѣтить не льзя. Нѣкоторые любопытствующіе открывали звѣрей убитыхъ симъ змеемъ, нашли все мясо какъ изрубленное и согнившее, хотя кожа казалась совсемъ цѣла. Есть также змеи толщиною въ человѣка, а длиною по сравненію. Тяжесть препятствуетъ ему ползать скоро; но онъ прячется по тропинкамъ, и останавляетъ козъ и коровъ жаломъ, которое имѣетъ на концѣ хвоста. Брюхо у него такъ велико, что пожираетъ иногда цѣлую козу и съ рогами, кои часто прокалываютъ брюхо и змея умерщвляютъ.

Здѣсь сильно боятся одного земноводнаго звѣря, обыкновенно живущаго на суши, и ядущаго мертвыя тѣла. Языкъ у него синій и развилистой, а на концѣ имѣетъ жало. Онъ страшенъ, когда высунетъ его для свистанія

или звѣрія. Ежели собаки къ нему подойдутъ лаятъ или кусать; онъ ихъ такъ сильно бьетъ хвостомъ, похожимъ на кнутъ, аршина въ полтора длиною, что они убѣгаютъ съ визгомъ.

Піявцы въ Цейланѣ не столько опасны, какъ непріятны. Когда дождь идетъ, поля ими покрыты, и чѣмъ онѣ меньше, тѣмъ больше должно ихъ бояться. Въ лѣсу не льзя шага ступить, чтобъ не имѣть отъ нихъ нападенія; они лазятъ на ноги, и впиваются такъ крѣпко, что не льзя ихъ отнять, пока не насосутся крови. Случается иногда ночью, что впиваются въ лицо, и сосутъ даже самыя десны.

Вотъ все, что я нашелъ примѣчанія достойнаго въ семъ славномъ островѣ, почитаемомъ за тотъ самой, которой Жиды первѣйшихъ временъ знали подъ имянемъ *Офира* и *Тарсиса*, изъ котораго *Соломоновы флоты* вывозили толикія богатства. По сему нѣкоторые заключаютъ, что жители знали вѣру Жидовскую, и что наставляли ихъ въ оной сами Жиды. Въ самомъ дѣлѣ, Цейланцы воображаютъ, что въ старину островъ ихъ былъ часть земнаго рая, и что первой человѣкъ, коего знаютъ они подъ именемъ *Адама*, сотворенъ на самой вышшей ихъ горѣ; что озеро находящееся на вершинѣ Пика Адамова, составилось изъ слезъ *Еввы*, пролитыхъ по причинѣ *Авелевой* смерти; и сіи преданіи были здѣсь извѣстны лѣтъ за пять сотъ прежде пришествія Іисуса Христа.

Я есмь, *и пр.*

ПИСЬМО XXXIX.

Малдивскіе Острова.

Короткое разстояніе между Цейланомъ и Малдивскими островами, побудило насъ побывать на нихъ. Сіи острова лежатъ въ долѣ Малабарскаго берега, на прямой чертѣ съ полудня на полночь. Числомъ начесть ихъ можно больше тысячи пяти сотъ, одинъ подлѣ другаго; а раздѣлены они на принадцать округовъ, но на большей части не видно ничего, кромѣ песку и каменныхъ горъ. Другіе такъ низки и мѣлки, что часто покрываются моремъ; жилыхъ очень мало. Каждой округъ отдѣленъ отъ другаго протокомъ или каналомъ, столь иногда мѣлкимъ, что можно перейти не находя воды больше трехъ футовъ; между другими же проходятъ и корабли. Самой широкой проливъ имѣетъ около ста верстъ. Каждой помянутой округъ сихъ мѣлкихъ острововъ, отъ другаго проливомъ отдѣленной, названъ *Провинціею* или *Аталлономъ*. Видъ ихъ или совсемъ круглой или продолговатой. Самой большой не имѣетъ полутораста верстъ въ окружности; а всѣ вмѣстѣ составляютъ цѣпь больше пяти сотъ верстъ въ длину, и покорены одному Государю. Имя получили они отъ *Маль*, своей столицы, и слова *Дивъ*, значущаго островъ: и изъ сихъ двухъ словъ составлено *Малдивы*, или *Малдивскіе*. Думаютъ, что въ старину всѣ они составляли одинъ островъ, которой отъ напренія волнъ, или чрезъ силь-

ные удары въ землетрясеніяхъ раздѣлился на многія части. Неизвѣстно, когда и кто были первые на нихъ жители; но какъ слѣдуютъ въ нихъ Магометовой вѣрѣ, то и догадываются, что Малдивцы суть поселеніе Аравлянъ, основавшихся на сихъ островахъ, во время ихъ набѣговъ въ Индіи. Португальцы ворвались на острова, въ началѣ шестагонадесять вѣка, неся въ рукѣ крестъ и мечь. Они съ собою привезли иго господствованія, а Миссіонеры Евангеліе. Король, коему даютъ наименованіе *Раскана:* принялъ Христіанскую вѣру, и лишенъ своихъ владѣній. Португальцы уговорили его оставить Королевство, и ѣхать въ Кохинъ креститься; а подъ предлогомъ защищенія его отъ подданныхъ, нехотѣвшихъ слѣдовать его примѣру, удержали его въ чужой землѣ, и завладѣли собственнымъ его государствомъ. Малдивцы, вспомоществуемые нѣсколькими Малабарскими морскими разбойниками, свергли иго господствованія Португальскаго, и избрали новаго Короля, которой согласился по благосклонности своей давать предмѣстнику жалованье, но сей и то раздѣлилъ съ Португальцами. Онъ конечно обязанъ былъ дать имъ сей слабой знакъ благодарности; ибо хотя пребывая постоянно въ ихъ повелѣніяхъ, и лишился временной и плѣнной Короны, но приобрѣлъ другую въ тысячу разъ драгоцѣннѣе прежней, стараніемъ ихъ Миссіонеровъ.

Малдивцы претерпѣли другую перемѣну въ началѣ прошедшаго вѣка: Бенгальскіе морскіе разбойники вышли на острова, ограбили, убили Раскана, и оставили сіе Королевство

въ наиужаснѣйшемъ разореніи и унынiи. Междуусобныя войны о наслѣдствѣ Короны, причинили новыя замѣшательства, укротившіяся наконецъ избраніемъ новаго Раскана. Нынѣ царствуетъ на сихъ островахъ тишина. Король называется обладателемъ тринадцати провинцій и двенадцати тысячь острововъ. Живетъ въ *Малѣ*, которая, какъ я уже сказалъ, есть столица. Она не обнесена стѣнами; но укрѣплена съ природы окружающими каменными горами и мѣлями препятствующими кораблямъ къ ней приближаться. Прочіе атоллоны имѣютъ всѣ таковыя же укрѣпленiи. Островъ Маль, которой одинъ я и осматривалъ, будетъ, кажется, въ окружности версть пяти, домы въ немъ отъ части раздѣлены между собою улицами, отъ части разбросаны, какъ то случилось; обывательскіе или простаго народа построены изъ кокосоваго дерева и покрыты листьями; господскіе всѣ каменные, а дворецъ имѣетъ просторные покои, дворы и сады. Стѣны въ нихъ обиты Бенгальскими обоями, полы устланы преизрядными рогожками; и для столь отвсюду отдаленной и уединенной страны, кажется, видно здѣсь довольно великолѣпія.

Земля всѣхъ сихъ острововъ неплодоносна и не производитъ почти ничего, кромѣ травы; но много кокосовыхъ деревьевъ, изъ коихъ жители не даютъ пропадать ни чему могущему служить для пищи, питья, одежды, строенія домовъ, судовъ и проч: пшено, кое ѣдятъ, получаютъ изъ Бенгала, но мало его употребляютъ; ибо находящаяся у нихъ въ великомъ изобиліи рыба, служитъ главною

пищею. Есть также превеликіе морскіе раки и родъ птицъ называемыхъ *Пенгуины*, похожихъ на гусей, съ черною спиною и бѣлою грудью, и коихъ мясо пріятнаго вкуса, хотя жители его и не уважаютъ. Они лучше любятъ нѣкоторой корень, толщиною въ ногу, приуготовляя его разнымъ образомъ. Прочіе произрастенія на островѣ суть гренаты и отмѣнная *Слоковница*, коей листья похожи на листья Грецкихъ орѣховъ. Изъ плода добывается черное масло, употребляемое для мазанія судовъ вмѣсто смолы.

Я здѣсь видѣлъ два особливыя произрастенія: одно называется *Солнечной цвѣтокъ*, другой *Печальная трава;* первой растворяется, когда солнце всходитъ, а сжимается, когда заходитъ. Вторая напротивъ распущается по захожденіи солнца, а при восходѣ листья ея сжимаются. Изъ нее течетъ цѣлительная вода для глазной болѣзни, и восточные Государи великое изъ нее дѣлаютъ употребленіе. Португальцамъ служитъ цвѣтъ ея вмѣсто шафрана. Они также уважаютъ одинъ родъ орѣховъ, величиною съ голову, находящихся по берегамъ Океана, называютъ ихъ *Малдивскимъ* кокосомъ, и хвалятъ силу ихъ въ лѣкарствахъ. Малдивцы имѣютъ также весьма легкое дерево, называемое *Канду*, коимъ выпаскиваютъ они изъ моря превеликіе каменья на строеніе домовъ. Къ камню привязываютъ одно или многія бревны, смотря по величинѣ его. Канду будучи весьма легко, силится выплыть на верхъ воды, и камень тянетъ; между тѣмъ Малдивцы мужчины, умѣя нырять и плавать совершенно,

приподнимаютъ камень, полкаютъ и выводятъ его такимъ образомъ на берегъ. Они сей же способъ употребляютъ съ погрузшими пушками и якорями. Другое свойство дерева канду есть, что оно загарается, ежели потереть одинъ кусокъ объ другой. Жители не имѣя ни огнива, ни свѣтиленъ, не употребляютъ инаго способа, когда имъ нужда достать огня.

Другое произрастеніе Малдивское есть небольшая бѣлая и гладкая *Раковинка*, собираемая жителями на берегу морскомъ за нѣсколько дней прежде и послѣ новой луны. Всякой годъ нагружаютъ ими тридцать или сорокъ кораблей въ Бенгалъ, въ Сіамъ и въ другія мѣста, гдѣ они употребляются вмѣсто денегъ. Стараніе о собираніи ихъ принадлежитъ особливо до женщинъ, кои входятъ въ воду по поясъ, и ищутъ ихъ въ пескѣ. Продаются они связками по двенадцати тысячь раковинъ, кои кладутъ въ кузовы изъ кокосовыхъ листьевъ; всякая связка стоитъ серебреной *Ларинъ:* а ларинъ есть монета копеекъ въ двенадцать; и такъ за копейку можно ихъ имѣть около тысячи. Въ островахъ сіи деньги не имѣютъ хода, но скупаютъ ихъ купцы, для отвезенія въ другія мѣста.

Прочіе товары, продаваемые жителями чужестраннымъ, суть парусы и корабельныя веревки, дѣлаемыя изъ кокосовъ; простяныя рогожки, раскрашанныя разнымъ образомъ, и наилучшія во всемъ востокѣ; сухая рыба, черепаха, масло, медъ, кокосы, сѣрая амвра, корольки, и пр. Въ промѣнъ они берутъ шолкъ и хлопчатую бумагу, изъ коихъ

дѣлаютъ прекрасныя платья; пшено, благовонныя воды, желѣзо, пряные кореньи и всѣ нужныя вещи, какихъ у нихъ въ землѣ не родится.

Хотя сіи острова лежатъ близко къ экватору, жары однакожъ въ нихъ не можно почесть нестерпимыми. Ночи равны со днями, холодны, и падающія предъ восхожденіемъ солнца изобильныя росы, способствуютъ къ умѣренію жара; но свойство воздуха нездорово, особливо для чужестранныхъ. Между опасными болѣзнями бываетъ здѣсь заразительная лихорадка, знаемая въ Индіи подъ именемъ *Малдивской*, и причиняющая великія опустошенія. Оспа не чаще появляется, какъ одинъ разъ въ десять лѣтъ; но такъ дурна, что моритъ много людей. Что касается до нечистой болѣзни, узнали ее съ того времени, какъ Португальцы начали сообщеніе имѣть съ жителями; но удивительно то, что ее называютъ здѣсь своимъ именемъ, то есть, Французскою. Раздѣленіе годичныхъ временъ почти то же, что и на Малабарскомъ берегу. Зима начинается въ Маіѣ, кончится въ Октябрѣ. Въ прочемъ, кажется, я уже доносилъ вамъ, что зима въ Индіи столь же жарка, какъ у насъ лѣто; а называютъ ее зимою для того, что въ сіе время идутъ превеликіе дожди.

Я вамъ доносилъ также, сударыня! что жители сихъ острововъ слѣдуютъ Магометову закону, да сію одну вѣру только тамъ и знаютъ; имѣютъ однако небольшія суевѣріи, коимъ прочіе Магометане не слѣдуютъ: на примѣръ, животное, которое хотятъ ѣсть,

должно быть зарѣзано въ извѣстномъ мѣстѣ горла, кое имъ показано; а убивающій его, былъ бы человѣкъ искусившійся, и имѣлъ бы дѣтей. Не станутъ готовить живности прежде, нежели сдерутъ съ нее кожу, опрѣжутъ шею, и выпотрошатъ. Тѣ, кои были въ Меккѣ или Мединѣ, сколь бы они ни изъ подлаго произходили рода, получаютъ нѣкоторые почетные знаки: называютъ ихъ *Агисы*, то есть, святые; а дабы ихъ разпознавали: носятъ они понявы и круглыя шапки изъ бѣлой хлопчатой бумаги и чошки на поясѣ.

Вопъ другія обыкновеніи, но которыя не суевѣрны: когда родится робенокъ, моютъ его по шести разъ на день въ холодной водѣ, потомъ напираютъ масломъ; и сіе продолжается довольно долгое время. Мать обязана его кормить своимъ собственнымъ молокомъ, и сама Королева не освобождается отъ наблюденія сего общаго закона. Дѣтей въ пеленки не обвиваютъ. Они лежатъ нагіе и на волѣ въ небольшихъ постеляхъ, сдѣланныхъ изъ веревокъ, и повѣшенныхъ на воздухѣ, въ коихъ качаютъ ихъ невольницы, или матери, а на десятомъ или двенадцатомъ мѣсяцѣ начинаютъ уже ходить. Имя имѣютъ одно собственное, къ которому отцовскаго не прикладываютъ, а прибавляютъ послѣ для различенія, названіе ремесла, за которое они возмутся, ежели мастеровыми будутъ; или острововъ ихъ владѣнія, естьли люди богатые; или чиновъ, ежели дослужатся до достоинствъ. Дѣвки до осмьнадцати лѣтъ не одѣты, а носятъ поняву, или кусокъ полотна

съ переди; мальчики начинаютъ одѣваться послѣ обрѣзанія, то есть, на восьмомъ или девятомъ году. Тогда учатъ ихъ читать или писать, и толкуютъ имъ Алкоранъ; для писма имѣютъ три рода буквъ: Арабскіе, Малдивскіе и употребляемые на Цейланѣ и въ Индіи.

Ежели человѣкъ человѣка убьетъ, то въ судѣ на него просятъ дѣти, а не жена. Естьли же дѣти малолѣтны, то ждутъ, пока выростутъ; а убійца долженъ ихъ кормить во все малолѣтство, кончающееся въ шестьнадцать лѣтъ. Ежели они захотятъ послѣ сего, что бы онъ былъ наказанъ, судъ разсматриваетъ дѣло. Такимъ образомъ въ силу одного особеннаго закона, наказаніе за наиважнѣйшія обиды, зависитъ единственно отъ обиженнаго. Кровосмѣшеніе и мужеложство, хотя и часто случаются въ такой землѣ, гдѣ развратность обычайно въ обоихъ полахъ, наказываются только плетью. Ворамъ рубятъ руки, а женщинамъ прелюбодѣйницамъ стригутъ волосы; что у нихъ почитается за великое безчестіе; ибо онѣ страстно ихъ любятъ, и поставляютъ за наилучшее украшеніе своего пола. Онѣ ихъ ростятъ, а что бы показать, что имѣютъ долгіе волосы, мѣшаютъ въ нихъ мужскіе. Мужчины же напротивъ, изключая благородныхъ и военныхъ людей, стригутъ ихъ совсемъ. Женщины распускаютъ волосы, схватываютъ ихъ назади кольцомъ, напрыскиваютъ духами, и убираютъ цвѣтками. Онѣ имѣютъ въ прочемъ довольно пріятности, одѣты благопристойно, равно какъ мужчины, и всѣ Индейскіе Магометане;

и стараются одинъ другаго превзойти учтивостію. Я говорю о живущихъ на полночь, ибо прочіе мужчины гораздо грубѣе и ходятъ нагіе, да и женщины покрываютъ только передъ полотномъ. Мужчины съ природы косматы, но въ разныхъ мѣстахъ брѣютъ узоромъ волосы, и по сей причинѣ изъ дали тѣло ихъ походитъ на вырѣзанную пикань.

Благородные, служители вѣры и посѣщавшіе Магометовъ гробъ, запускаютъ бороды, брѣя оную только около губъ: прочіе носятъ маленькую остирую бородку, и то около подбородка, на подобіе Жидовъ. Обыкновеніе имѣютъ стричь бороду при дверяхъ мечети, и относить на кладбищи отрѣзанные волосы и ногти, какъ часть самихъ себя, которую не должно лишать чести погребенія. Какъ на островахъ нѣтъ цирюльниковъ, они сами брѣютъ другъ друга. Короля и Вельможъ брѣютъ знатные господа, и почитаютъ за честь сію должность, какъ во Франціи править искусно лошадьми. Жители роста средняго, лице имѣютъ оливковое, и вообще не столь черны, какъ прочіе Индейцы. Я видалъ женщинъ столь же бѣлыхъ, какъ въ Европѣ, у всѣхъ волосы черные, и сей цвѣтъ почитается за красоту, которая не столько отъ природы имъ дается, сколько происходитъ отъ старанія ихъ, бритъ дѣтей при самомъ рожденіи и продолжать сіе всякіе семь или восемь дней, пока они не выростутъ. Дѣвочкамъ, для различенія отъ мальчиковъ, оставляютъ кругомъ головы волосы, на подобіе каймы.

Сей народъ любитъ порядокъ и устройство, не имѣетъ недостатка въ склонности къ наукамъ, и любитъ Астрономію; повинуется Государю, коего власть неограничена, и жрецамъ, коимъ онъ ввѣряетъ всю свою силу: они называются *Наибы*, и соединяютъ должность священства съ отправленіемъ свѣтскаго начальства, будучи вмѣстѣ сіамскіе Министры, Губернаторы провинцій, учители закона и судьи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Подъ собою имѣютъ чиновниковъ, сдѣланныхъ изъ ихъ же сана, кои судятъ на островахъ каждаго аполлона. Челобитчики сами изъясняютъ свои дѣла. Ежели рѣчь идетъ о насиліи, представляютъ трехъ свидѣтелей, безъ чего вѣрятъ присягѣ обвиняемаго. Невольникъ въ свидѣтели не допускается. Донось трехъ женщинъ равенъ доносу одного мужчины. Судьямъ запрещено брать взятки даже подъ именемъ подарковъ; но отправляющіе должность сыщиковъ, получаютъ двенадцатую часть изъ спорнаго имѣнія. Наибъ пребывающій въ столицѣ, имѣетъ нѣкоторое надзираніе надъ всѣми прочими. Называютъ его *Пандіаръ*; онъ и главной Первосвященникъ и первой судья народной. При немъ находится Совѣтъ, котораго онъ обязанъ слушать въ важныхъ дѣлахъ, и котораго члены имѣютъ первые чины въ Государствѣ, какъ Канцлера, великаго Казначея, надзирателя доходовъ, Капитана гвардіи и проч. Всѣ они получаютъ отъ Короля нѣсколько пшена для своей пищи, и пользуются доходами съ нѣкоторыхъ принадлежащихъ ему острововъ. Здѣсь честь замыкается въ

шомъ, чтобъ ѣсть пшено жалованное Королемъ; и самыхъ дворянъ мало почитаютъ, естьли лишены они сей отличности.

Въ противность обыкновеніямъ земель, держащихся Магометанской вѣры, на Малдивскихъ островахъ признаются разные степени дворянства. Получается оное или рожденіемъ, или чинами, или жалованною отъ Короля грамотою: и такъ находятся здѣсь, какъ во Франціи, и старые и новые дворяне. Дворяне природные, суть въ наибольшемъ почтеніи: награждаются большими отличностями, и спесивѣе, по есть, глупѣе другихъ. Есть такіе, что по гордости, выводятъ свое начало отъ баснословныхъ временъ, и хотя не сочиняютъ, какъ у насъ, смѣха достойныхъ родословныхъ, притязаніи ихъ не меньше нашихъ смѣшны. Когда Король пожалуетъ кого въ дворяне, сія милость извѣщается въ столицѣ при битіи въ мѣдную доску молоткомъ; и съ того часа любимецъ начинаетъ пользоваться всѣми преимуществами своего степени. Простые люди не могутъ при немъ сидѣть, а ежели встрѣтятся, должны остановиться и ждать, пока онъ пройдетъ; ежели несутъ при немъ какую тяжесть, складываютъ ее на землю. Благородная женщина, хотя бы и вышла за простолюдима, не теряетъ дворянства, и даетъ оное дѣтямъ; но мужъ въ немъ не участвуетъ. То же самое разумѣется и объ дворянинѣ женившемся на простолюдимкѣ: жена навсегда остается подлою, а дѣти бываютъ дворяне.

Всѣ дворяне, находящіеся въ столицѣ, должны быть при дворѣ всякой день въ пол-

день для Королевской почести. Ежели онъ не выйдетъ, то ему докладываютъ, что они пришли его поздравить, и ожидаютъ повелѣній; иногда онъ приказываетъ сдѣлать имъ учтивой отвѣтъ, а иногда посылаетъ бетеля и плодовъ. Въ тѣ дни, когда хочетъ принимать подданныхъ, вводятъ ихъ въ залу аудіенціи. Король сидитъ подъ балдахиномъ, положа ноги на рогожку крестъ на крестъ; и придворные садятся около его. Сей Государь имѣетъ маетности, состоящіе изъ многихъ острововъ, коихъ доходы принадлежатъ ему собственно. Сверхъ того получаетъ онъ пятую долю изо всѣхъ собираемыхъ въ Королевствѣ плодовъ; беретъ пошлины съ разныхъ товаровъ. Все, что извергаетъ море, какъ янтарь, корольки и пр. принадлежитъ ему; и наконецъ главной предметъ, составляющій его доходы, есть торговля, отправляемая имъ на свой счетъ съ чужестранными.

Семь или восемь сотъ человѣкъ, раздѣленныхъ на семь или восемь ротъ, составляютъ обыкновенной караулъ Короля Малдивскаго. Онъ имѣетъ и другіе войски, кои ходятъ съ ними на войну, и въ кои самые богатые люди стараются войти по причинѣ преимуществъ, привязанныхъ къ сей службѣ; но милость сія дѣлается по особливому позволенію отъ Короля, и платятъ за нее очень дорого.

Король Малдивской, будучи суевѣренъ, какъ всѣ Магометане, ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавъ съ звѣздочетцами. Онъ ихъ содержитъ при дворѣ въ великомъ

множествѣ, и часто слѣдуетъ ихъ разсказамъ. Никогда не ѣстъ съ подданными; ибо обыкновеніе здѣсь запрещаетъ ѣсть съ неравными себѣ: а какъ трудно установить сіе равенство во всякомъ степени жителей, то и рѣдко Малдивцы зовутъ другихъ къ себѣ обѣдать. Есть однако способъ угощать друзей: ставятъ на столъ покрытой тонкою скатертью, а иногда фатою, разное кушанье, кокосовое вино, медъ вареной, и другое питье, похожее на шербетъ, и посылаютъ его къ тому, кого намѣрены попчивать.

Нѣтъ закона, которой бы запрещалъ Малдивцамъ простое прелюбодѣяніе, и женщины предаются оному съ тою же вольностію какъ мужчины: днемъ сидятъ онѣ дома, а ходятъ ночью на таковыя посѣщеніи. Выходя въ вечеру, всегда должны онѣ имѣть съ собою мужчину, которой провожаетъ ихъ до дому, гдѣ ихъ ждутъ, и гдѣ никогда двери не заперты. Онѣ пришедши, кашляютъ, и сей знакъ увѣдомляетъ любовника о приближеніи его щастія.

Я есмь *и пр.*

ПИСЬМО XL.

Малабаръ

или

Берегъ Малабарской.

Королевство *Траванкурское*, была первая земля, на которую мы сошли съ корабля, оставя Малдивскіе острова. Крайняя его граница отъ Коморинскаго носа тянется въ верхъ къ сѣверу далѣе *Койлана;* что и составитъ около семидесяти верстъ по берегу. Король Койланской есть самодержавной, но подчиненной и данникъ Траванкурскаго. *Голландцы* основали тамъ коммору, и построили небольшую крѣпость. *Аниига* (*Енгенга*) есть другая провинція, гдѣ одинъ изъ предмѣстниковъ нынѣшняго Короля, уступилъ *Аглича-намъ* нѣсколько земли. Положеніе селенія ихъ пріятное: построили они между морскимъ берегомъ и текущею въ равномъ отъ него отстояніи не малою рѣкою, крѣпостцу во сто пятидесяти саженяхъ отъ сей рѣки; надъ воротами, къ морю лежащими, сдѣлана зала съ боковою горницею, гдѣ Губернаторъ засѣдаетъ, пишетъ, выслушиваетъ приходящихъ, и примѣчаетъ корабли безпрестанно плывущіе въ доль берега. Надъ рѣкою построена также зала и заведенъ садъ. Домы селенія Аглинскаго занимаютъ обѣ стороны долгой, широкой, прямой и отѣненной кокосовыми и другими деревьями улицы: примы-

кается оная къ большей церквѣ, при которой стоятъ палаты Португальскаго Епископа и домъ Іезуита, Миссіонера той же земли. Небольшая крѣпостца защищаетъ церковь, другая входъ въ рѣку; и повсюду примѣтна великая соразмѣрность, чистота и порядокъ.

Остатокъ Королевства раздѣленъ на разныя провинціи, въ коихъ включены владѣніи многихъ мѣлкихъ Королей, зависящихъ отъ Траванкурскаго. Всѣ Малабарскіе Государи единогласно даютъ сему послѣднему названіе Великаго Короля, по тому что у него больше земли, нежели у нихъ, и что онъ въ числѣ подданныхъ своихъ считаетъ многихъ Раіевъ, Князей и господъ. Королевство его чрезвычайно населено, и въ нуждѣ можетъ поставить пятьдесятъ тысячъ вооруженныхъ людей; а сіе и дѣлаетъ его сильною державою въ разсужденіи сосѣднихъ народовъ: но ни таковое множество людей, ни употребляемыя ими оружіи, не могли бы долго постоять противъ Европейскаго войска, предводимаго благоразумнымъ начальникомъ, хотя и въ числѣ гораздо меньшемъ.

Въ странѣ сей обитаютъ многіе, но большею частію бѣдные Христіане, коихъ предки обращены были въ вѣру *святымъ Франциском Ксаверіемъ*. Короли и вѣра дѣлятъ между собою неограниченное почтеніе народовъ сего Королевства, и почти всего Малабара. Любовь и преданность, оказываемая ими къ Государю, основана и на свойствѣ самодержавія издревле пребывающаго въ родахъ большей части нынѣ сидящихъ на престолѣ Королей, и на милосердіи ихъ правле-

нія. Хотя законы полагаютъ казни за разныя преступленіи; рѣдко однако проливается здѣсь кровь. Король нынѣ державствующій въ Ванкурпѣ, будучи не столь слабъ, или, можетъ быть, проницательнѣе сосѣднихъ, меньше милостивъ, нежели они. По увѣренію, что ненаказанное преступленіе порождаетъ злодѣйства и возмущаетъ общество, бываетъ онъ неумолимъ, когда рѣчь идетъ о наказаніи винныхъ, но въ разсужденіи вѣры, предается суевѣріямъ самой заблужденной черни; съ малолѣтства наблюдаетъ столь же строго постъ, какъ и самые отшельники Никогда ничего не вкушалъ имѣющаго жизнь, а питается одними кореньями, зеленью, молокомъ и плодами. Обо всемъ спрашиваетъ совѣта у гадателей, и рѣшится на предпріятіи по ихъ отвѣтамъ.

Строгой постъ Траванкурскаго Короля, наблюдается отъ наибольшей части *Браминовъ*, кои не могутъ отмѣнить онаго, не подвергнувъ себя безчестію, и не лишась преимуществъ и власти приобрѣтаемой таковымъ родомъ жизни. Чрезвычайное набожество, покаяніе, умерщвленіе плоти, готовость умереть, несравненно сильнѣе дѣйствуютъ въ Малабарской вѣрѣ, нежели въ какой либо другой въ свѣтѣ; но они суть только обряды вещественные, коими никакое нравственное начало не управляетъ. Индейцы дивятся Христіанскому умствованію, и особливо нашему Евангельскому смиренію и отпущенію обидъ.

Сіи народы знаютъ Астрономическія вычисленіи, и считаютъ обращеніе свѣтилъ и

запмѣніи; но все сіе дѣлается по привычкѣ безъ доказательства и свѣденія. Доктоpы ихъ разумѣютъ нѣсколько анатомію, знаютъ силу произрастеній, и употребляютъ ихъ съ успѣхомъ въ простыхъ и общихъ болѣзняхъ; но не можно ихъ назвать ни испытателями естества, ни химиками. Аптекарское искусство замыкается въ небольшомъ числѣ введенныхъ рецептовъ, а лѣкарское состоитъ въ самыхъ простыхъ и неважныхъ дѣйствіяхъ. Имѣютъ они таинственныя и сокрытыхъ смысловъ стихотворенія, кои весьма уважаютъ. Я спрашивалъ изъясненія оныхъ у нѣсколькихъ Браминовъ: они мнѣ отвѣчали, что мало такихъ людей, кои ихъ разумѣютъ, и что переводъ сдѣлалъ бы ихъ еще темнѣе; по тому что весь ихъ разумъ, тонкость и изящество состоитъ въ обоюдномъ знаменованіи словъ и языка; въ метафорахъ, относящихся ко нравамъ, обычаямъ, или исторіи здѣшней страны, кои всѣ надлежало бы знать совершенно, дабы понять стихи.

Художества лучше сохранены въ Индіи, нежели высокія науки. Во многихъ мѣстахъ видны капищи, кои можно почесть за диво въ архитектурѣ по ихъ пространству, возвышенію, расположенію, непонятной величинѣ камней, по способу, какимъ образомъ таковыя громады поднимаемы были на самую вершину зданій, особливости ихъ вида и рѣзьбы, и по прочности строенія. Ни что сравниться не можетъ съ совершенствомъ фабрикъ хлопчатой бумаги, заведенныхъ съ древнихъ лѣтъ, какъ въ тонкости полотенъ и кисеи, такъ и въ скрытомъ умѣніи ихъ кра-

сить. Я всего больше удивился простотѣ и малому числу орудій, употребляемыхъ работающими. Повѣритъ ли тому Французской купецъ, что Малабарецъ того же ремесла, имѣя одного только малолѣтнаго ученика, носитъ изъ деревни въ деревню, все то, что нужно ему, наковальню, молотокъ, мѣхъ и пр. и что становитъ кузницу скорѣе часа, во всякомъ мѣстѣ, куда придетъ? Можно ли втолковать Парижскому сапожнику или кожевнику, что Малабарецъ обдереть козу, и принесетъ чрезъ сутки башмаки, сдѣланные изъ ее кожи? Послѣднимъ примѣромъ проворства сихъ народовъ приведу я способъ ихъ бить деньги. Извѣстно, изъ коликихъ частей состоитъ сія работа: здѣсь растопленіе, испытаніе, чищеніе, смѣшеніе, приведеніе въ надлежащую пробу, и чеканеніе дѣлаются самыми простыми, легкими и коротпкими способами съ малымъ числомъ людей и расходовъ, а со всею однако возможною точностію.

Но сколь ни трудолюбны Малабарцы, уступаютъ они Коромандельскимъ жителямъ, хотя въ прочемъ составляютъ съ ними и одинъ народъ, имѣютъ одно начало и одну вѣру. Я думаю, что сія разность происходитъ отъ разности правленія. Я уже говорилъ, кажется, что когда славной *Ауренг-Зебъ* завоевалъ Королевства Деканское, Голкондское Карнатское, Визапурское и пр. онъ и его наслѣдники роздали подъ условіемъ годовой дани, Магометанскимъ знатнымъ людямъ, придавъ имъ наименованіе *Набабовъ*, разныя провинціи сихъ Королевствъ. Сіи же Набабы, или дабы укрѣпиться самимъ въ независимости

отъ Могольскихъ Императоровъ; или дабы удержать народы, надъ коими присвоили себѣ неправедное господствованіе; или наконецъ, дабы внести частыя войны, возжигаемыя между ими зависти́ю и гордостію, всегда имѣли въ готовности столько войска, сколько могли прокормить; и для сей причины налагали великія подати на страны имъ повинующіяся. Индейцы Коромандельскаго берега, будучи въ такомъ угнѣтеніи, находяся подъ правленіемъ отнимающимъ у нихъ все имущество, не предъусматривали инаго спасенія, не ожидали иной помочи, какъ отъ земледѣльствъ и ремеслъ. Брамины по воспитанію своему имѣющіе больше свѣдевія, больше искуства, лишены будучи при томъ участія въ министерствѣ и народныхъ дѣлахъ, коими управляли при прежнихъ Государяхъ, прилѣпились къ шорговлѣ, которую Европейскія селеніи, привели въ послѣдующіе времена въ цвѣтущее состояніе.

Малабарской берегъ представляетъ позорище весьма съ предъидущимъ разнствующее. Жители всегда управляемы были своими природными Государями. *Наиры*, кои по Брамінахъ, суть многочисленнѣйшее и почтеннѣйшее колѣно, упражняются въ воинскомъ ремеслѣ, и ни о чемъ кромѣ своего дворянства и храбрости не помышляютъ. Наиръ весь нагъ, кромѣ поясницы, опоясанной лоскутомъ полотна, покрывающимъ передъ его до самыхъ колѣнъ, имѣя волосы связанные на темѣ. на подобіе дѣтскаго кружка, саблю въ рукѣ, ружье въ другой, проводитъ всю жизнь въ семъ состояніи, и хвастаетъ своею праздно-

стію, по тому что наималѣйшая работа исключила бы его изъ его касты или колѣна.

Одни Наиры имѣютъ право носить оружіе, и пренебрегаютъ всякимъ другимъ упражненіемъ или должностію. Многіе изъ нихъ записываются въ тѣлохранители Королей, Князей, Губернаторовъ, и другихъ людей, живущихъ или проѣзжающихъ чрезъ ихъ страну; нанимаются они такожъ провождать путешествующихъ: а сіи не должны пренебрегать таковую предосторожность; ибо инако были бы подвержены нахальству всякаго рода и наглостямъ отъ людей сего колѣна. Какъ они получаютъ часшію и пропитаніе отъ подаваемой чужестраннымъ помощи, то и думаютъ, что право имѣютъ обкрадывать и убивать тѣхъ, кои не захотятъ ихъ употребить. Правда, что вѣрность ихъ непоколебима ни чѣмъ, и что скорѣе дадутъ они себя на часпи разтерзать нежели попустятъ причинить обиду тѣмъ, кого провожаютъ. Сіи Наиры идучи на войну, не берутъ съ собою никогда съѣстныхъ и военныхъ припасовъ больше нежели на два дни; а дабы не претерпѣть въ оныхъ недостатка, посылаютъ всегда въ стороны нѣсколько отрядовъ; отъ чего четверпая часть войска обыкновенно бываетъ въ разъѣздѣ. Въ сраженіи каждой въ передъ идетъ и назадъ подается по мѣрѣ своей храбрости. Они перескакиваютъ отъ куста до куста, стрѣляя изъ ружья; а когда должны выдержать нападеніи въ своихъ окопахъ, сражаются до послѣдней минуты съ такою опивагою, что не просятъ никогда пощады.

Столь упорная непоколебимость, войну дѣлаетъ для Европейцовъ ищущихъ ворваться въ ихъ землю весьма трудною и кровопролитною. Война часто возчинающаяся между Малабарскими Королями, питаетъ Наировъ, какъ платою отъ Владѣльцовъ, коимъ служатъ, такъ и отдачею въ наемъ земель *Тивамъ*, кои суть колѣно имъ подчиненное. Сіи послѣдніе выработываютъ землю *Пуліатами*, колѣномъ самымъ нижнимъ, рабствующимъ, и столь презрѣннымъ, что Наиръ, хотящій испытать доброту ружья, стрѣляетъ безъ жалости перваго Пуліата, которой попадется въ глаза, убиваетъ его или уродитъ, не опасаясь наказанія. Сколь скоро появится таковой бѣднякъ, дѣлаютъ ему знакъ удалиться въ сторону; и ежели тотъ часъ не повинуется, имѣютъ право по немъ стрѣлять. Они же съ другой стороны обязаны безпрестанно кричать, идучи по дорогѣ, дабы встрѣчные предъупреждали ихъ взаимнымъ крикомъ о своемъ приближеніи, и давали имъ время отойти въ сторону.

Пуліаты ходятъ почти нагіе, не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, бродятъ по полямъ и лѣсамъ, скрываются въ дуплахъ деревьевъ, въ пещерахъ и въ шалашахъ, кои наскоро дѣлаютъ изъ сучьевъ. Сія нещастная часть рода человѣческаго питается всякими нечистыми вещами, попадающимися по дорогѣ, не изключая и падалицы. По сей причинѣ тотъ, кто до нихъ прикоснется, почитается безчестнымъ; да ежели случится быть съ ними и въ двадцати шагахъ, должно очиститься непремѣнно по установленному

къ тому обряду. Имъ запрещено входить въ капищи, и къ нимъ приближаться; но жрецы до того простираютъ къ нимъ снисхожденіе, что принимаютъ ихъ приношенія, лишь бы состояли они въ золотѣ и серебрѣ, и были положены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ капища. Браминъ, идущій взять жертву, ожидаетъ, пока Пуліатъ уйдетъ, моетъ ее прежде приношенія идолу, да и самъ для сего служенія очищается.

Въ сравненіи праздной жизни большей части народовъ Малабарскихъ, съ трудолюбіемъ Коромандельскихъ жителей, вы видите, сударыня! великую разность въ нравахъ, обычаяхъ и упражненіяхъ на томъ же самомъ кряжѣ земли, раздѣленномъ только цѣпью горъ, не препятствующихъ однако сообщенію, которое между ими непрерывно и свободно; но изъ сего общаго наблюденія должно исключить Траванкурское Королевство, въ которомъ нынѣшній Государь, не смотря на застарѣлость прежнихъ обыкновеній, избираетъ въ обычаяхъ разныхъ народовъ все то, что кажется ему лучшимъ и заставляетъ слѣдовать своихъ подданныхъ. Нагота всеобщая въ Малабарѣ, можетъ служить тому примѣромъ. Сей Король отмѣнилъ ее: онъ носитъ платье. Вельможи и всѣ ближніе одѣваются по его примѣру. Онъ одѣлъ также солдатъ по Европейски, далъ имъ портки, камзолъ, и превысокую шапку, похожую на сахарную голову, сдѣланную изъ полосатой голубой и бѣлой холстины. Мы видѣли ихъ около тридцати, учащихся кидать ружьемъ по Нѣмецки, сохраняющихъ съ точностію время

въ движеніяхъ, и дѣлающихъ оные съ гордою осанкою.

Природа положила между Коромандельскимъ и Малабарскимъ берегами, еще большую разность, нежели примѣтна оная въ разумѣ жителей. Удивительно, что два края столь сосѣдніе, такъ мало имѣютъ сходства въ качествѣ воздуха, въ ясности неба и въ изліяніи отъ стихій происпекающемъ. Когда въ Малабарѣ зима, и по всему берегу продолжаются сильные дожди и бури; въ то время въ Коромандель наслаждаются тихимъ временемъ и всѣми пріятностями лѣта. Примѣтить при семъ должно, что оба берега лежатъ на одной высотѣ, и раздѣлены только *Гатскими* горами, протягающимися отъ сѣвера къ полудню. Когда взойдешь на ихъ вершину, стоитъ только ступить шагъ, чтобъ перейти изъ лѣта въ зиму, или изъ зимы въ лѣто. Я доносилъ, что на Цейланѣ равная же разность годичныхъ временъ чувствуется также въ маломъ разстояніи.

Зима начинается въ Малабарѣ около первыхъ чиселъ Іюня, и кончится въ Октябрѣ. Въ сіе время, не только не можно по морю ѣздить, но мало и портовъ такихъ, гдѣ бы корабли могли быть въ безопасности отъ бурь, грома и молніи. Тучи находятъ съ полудня, вѣтръ несетъ ихъ съ стремленіемъ къ Гатскимъ горамъ, о кои онѣ разбиваются, и спадаютъ дождемъ. Сія вода составляетъ ручьи, поля напояющіе. Въ прочемъ зима здѣсь не имѣетъ ничего жестокаго, ни холода заслуживающаго имя зимы; а напротивъ въ сіе время приходитъ въ зрѣлость большая

часть плодовъ, цвѣты произрастеній получаютъ лучшую свою красу. Лѣто начинается въ Октябрѣ. Во все оное едва можно примѣтить на небѣ подобіе облака, и не смотря на ужасные жары, коимъ земля подвержена бываетъ днемъ, ночи здѣсь не только не теплы, но могутъ почесться и за холодныя, особливо въ первые три мѣсяца. Наконецъ, берегъ Малабарской кажется мнѣ наиприятнѣйшимъ климатомъ въ Индіи. Весь кряжъ низокъ, земля поднимается какъ по ступенькамъ, и съ моря видна часть сокровищъ сей прелестной страны. Города и селеніи построенные на самомъ берегу, кокосовые и пальмовые всегда зеленѣющіеся лѣса, пріятные луга, пространныя долины, рѣки, источники, озера и тысячи разнообразныхъ предметовъ составляютъ предивное позорище. Я имъ былъ приводимъ въ восхищеніе, отъ Траванкурскаго Королевства, лежащаго на самомъ мысу, до самой Гои.

Продолжая путь нашъ къ сѣверу, вышли мы на берегъ въ Кохинскомъ портѣ. *Кохинъ*, есть столица небольшаго Королевства того же имени, коего Государь подчиненъ Каликутскому Королю; а еще больше зависитъ отъ *Голландцовъ* владѣющихъ помянутымъ городомъ. Они въ немъ великой торгъ отправляютъ перцомъ, почитаемымъ за наилучшій, равно какъ и Каликутской. Кохинъ былъ большой городъ; Португальцы его распространили и украсили во времена своей славы и завоеваній. Тогда находились въ немъ огромныя палаты, обширные сады, множество народныхъ зданій, и особливо великое число

церквей и монастырей. Голландцы взявъ его, разорили палаты, церкви, монастыри, а на мѣсто ихъ построили сильныя укрѣпленія; сохранили однако соборную колокольню, и выставили на ней свой флагъ, придѣланный къ мачтѣ, которыя видно съ моря верстъ за пятьдесятъ. Ничего чаще не случается въ Индіи, какъ такихъ превращеній церквей и монастырей въ бастіоны и крѣпости, и повсюду видны дѣла Португальскаго благочестія, послужившіе знаками гордости Англинской или Голландской. Городъ *Кранганоръ*, между Кохиномъ и Каликутомъ, претерпѣлъ такую же перемѣну; церковь, училище и книгохранительница Іезуитская, служатъ нынѣ у Голландцовъ вмѣсто арсенала, или магазейна для перца. *Каликутъ*, есть портъ въ восточной Индіи, гдѣ Португальцы вышли на сушь въ 1498 году подъ предводительствомъ *Гамы*. Тогда былъ онъ наславнѣйшимъ торжищемъ алмазами, пряными кореньями, шелкомъ, полотнами, золотомъ и серебромъ. Португальцовъ изгнали изъ него не Голландцы и не Агличане: они были приняты благосклонно; но поссорился съ здѣшнимъ Государемъ, допустившимъ сперва взять надъ собою лишнюю власть, которую употребили они во зло, и были побиты въ теченіе начатой для сего жестокой войны, и выгнаны вонъ.

Мы прожили нѣсколько дней въ Каликутѣ, и я, взявъ одного Наира, осмотрѣлъ окружности города. Со мною былъ одинъ Протестантской пасторъ, посланной изъ Коломба въ Сурать, чтобъ намъ быть на-

чальникомъ Голландской церкви, и оказывалъ не меньше меня любопытства къ познанію земли. Онъ много читалъ повѣствованій о путешествіяхъ, и при всякомъ примѣчанія достойномъ мѣстѣ, имѣлъ что разсказать. Вотъ что говорилъ онъ мнѣ, увидя одно Малабарское капище, куда насъ велъ нашъ Наиръ, и которое видѣли Португальцы, бывшіе подъ предводительствомъ Гамы, въ окружностяхъ Каликута: „Храмъ въ нутри былъ наполненъ „изображеніями, по коимъ Гама почелъ его „за Христіанскую церковь. Онъ въ немъ за„сталъ людей нагихъ до пояса, покрытыхъ „отъ поясницы до колѣнъ каликою, и имѣ„вшихъ полотно съ лѣваго плеча, на подобіе „шарфа. Сіи люди кропили водою приходя„щихъ, отрясая надъ ними губку омоченную „въ водоемѣ, и давали имъ золу, для посыпа„нія на голову. Португальцы принимая ихъ „за Христіанъ, приняли отъ нихъ и воду и „золу; но посмотря на изображеніи писан„ныя на стѣнахъ, увидѣли, что одни имѣли „ужасные клыки, высунувшіеся изо рта; дру„гіе по четыре руки и страшныя лицы. Сіе „произвело нѣкоторое сомнѣніе въ Порту„гальцахъ: во истинну ли были они съ Хри„стіанами; утвердились они однако, услыша „Малабарскихъ жрецовъ произносящихъ имя „*Маріи* предъ изображеніемъ, стоящимъ въ „одномъ темномъ мѣстѣ, и къ которому „изъявляли они великое почтеніе. Гама и „бывшіе съ нимъ, принявъ оное за образъ „Пресвятыя Дѣвы, начали предъ нимъ мо„литься; но одинъ Португалецъ меньше про„чихъ въ томъ увѣренной, сказалъ становясь

„на колѣни: *Ежели сіе изображеніе предста-*
„*вляетъ чорта, я наперед*ъ *сказываю, что не*
„*ему покланяюсь, но Богу.* Слова его привели
„въ смѣхъ и Гаму и повариществ, а бѣдныхъ
„Малабарскихъ жрецовъ въ соблазнъ.„

Во время краткихъ нашихъ выѣздовъ изъ города, вывѣдывали мы отъ Наира о здѣшнихъ обычаяхъ. Мы у него спрашивали: правда ли то, что ежели заимодавецъ очертитъ своего должника, сей не смѣетъ выдти изъ круга, подъ смертною казнію, не заплатя долгу, или не давъ по себѣ поруки? „Недавно еще, отвѣчалъ Наиръ, сей обычай
„здѣсь наблюдался; и я отъ моего отца слы-
„халъ, что онъ видѣлъ самого Короля, ѣду-
„щаго на лошади очерченнаго такимъ обра-
„зомъ отъ одного купца, котораго отсылалъ
„онъ ото дня въ день. Король до тѣхъ поръ
„не съѣхалъ съ мѣста, пока не удовольство-
„валъ заимодавца; и симъ примѣромъ право-
„судія, возбудилъ въ народѣ радость и по-
„хвалу.„

Мы взяли съ собою нѣсколько бутылокъ вина, и хотѣли потчивать нашего провожатаго; но онъ отказался пить, говоря: „Законъ здѣшній запрещаетъ жителямъ упо-
„треблять сіе питіе; а кто его нарушаетъ,
„тотъ не можетъ служить свидѣтелемъ въ
„дѣлахъ.„ Спросили мы у него, сколько имѣетъ онъ дѣтей? „Двухъ, отвѣчалъ Наиръ, мальчи-
„ка и дѣвочку; но они уже не мои.„ Для выразумѣнія отвѣта его, должно знать, что когда дѣти достигнутъ до тринадцати лѣтъ, отцы ихъ оставляютъ собственному ихъ поведенію. Ежели они такой природы, что

могутъ вступить въ купечество, даютъ имъ небольшое число денегъ, коими они торгуютъ, и отъ коихъ питаются. Торгъ сего возраста состоитъ, искать во время ловли, въ приспаняхъ, случая покупать жемчугъ, дабы что нибудь выиграть, продавая его купцамъ, коихъ тогдашній жаръ удерживаетъ дома.

Мы примѣтили, что нашъ Наиръ не касался лѣвою рукою до кушанья, ибо она опредѣлена служить къ отиранію и другимъ подобнымъ вещамъ. Для питья имѣлъ онъ свой собственной сосудъ, изъ котораго не позволялъ другимъ пить, какъ и самъ ни за что бы не сталъ пить изъ нашихъ: онъ и пія не касался до него губами, а держа въ верху лилъ изъ него себѣ въ ротъ. Какъ чужестранцы не могутъ употреблять ихъ посуды, то наливаютъ имъ питье на руку, ежели не имѣютъ они при себѣ стакана. Провожатой нашъ слѣдовалъ симъ обычаямъ съ великою точностію: онъ, казалось, также былъ привязанъ къ своей вѣрѣ, и разсказывалъ намъ, что одинъ изъ его предковъ, былъ принесенъ на жертву идолу. Въ самомъ дѣлѣ было здѣсь старинное обыкновеніе осуждать извѣстныхъ людей, на подобные приношенія. Сіи нещастныя жертвы закалали сами себя, поражая двенадцать разъ, двенадцатью разными ножами въ разныя части тѣла. При всякомъ ударѣ должны они были произносить сіи слова: *Я самъ себя убиваю, въ честь такого-то идола.* Послѣдній ударъ былъ въ сердце, потомъ жертва была сожигаема сродниками.

Мѣста, по коимъ водилъ насъ Наиръ, казались намъ одною деревнею, по тому что мы повсюду видали разсѣянные домы: каждой имѣлъ свою загородку и колодезь, а особливо есть ли лежалъ въ нѣкоторомъ отъ рѣки отдаленіи. Не позволено Малабарцамъ употреблять воды своего сосѣда ни для питья, ни для омовенія, ежели онъ другаго колѣна.

На берегу семъ почитается за красоту у мужчинъ и женщинъ, имѣть чрезмѣрно долгія уши. Нашъ Наиръ тѣмъ гордился; дѣтямъ съ малолѣтства стараются прокалывать ихъ, и класть въ диру свернутой сухой пальмовой листъ, которой по упругости своей, стремится развернуться, разширяетъ нечувствительно диру, и дѣлаетъ ухо столь долгимъ, что иные висятъ на плечахъ, и чрезъ отверстіе можно просунуть кулакъ. Богатые продѣваютъ въ нихъ золотыя кольцы, вѣсомъ до четырехъ унцій. Бѣдные носятъ мѣдныя, желѣзныя и стеклянныя.

По многихъ странствованіяхъ, къ коихъ видѣли мы также много разныхъ обычаевъ, возвратились мы въ *Каликутъ*. Сей городъ имѣетъ около пятьнадцати верстъ въ окружности, и стѣнами не обнесенъ; считаютъ въ немъ шесть тысячь домовъ, по большой части особнякомъ построенныхъ, съ садомъ при каждомъ. Въ высоту не имѣютъ они больше осми футовъ и смазаны изъ глины: по чему, самые лучшіе не стоютъ больше двенадцати рублей, а простые есть и въ два рубли.

Король Каликутской берешъ наименованіе *Саморина*, которое значишъ *Императоръ*. Присвоиваешъ онъ его по нѣкоему древнему учрежденію, одного здѣшняго Короля, называемаго *Перумаль*, которой отдалился въ Мекку для окончанія тамъ своей жизни. Вошъ какъ мнѣ разсказывалъ о семъ вышеупомянутой Голландской пасшоръ. „Въ то время, „какъ Аравляне въ первой разъ вошли въ Индію, „Перумаль, единый Государь во всемъ Мала„барѣ, такую возъимѣлъ склонность къ вѣрѣ „сихъ чужестранцовъ, что не шолько ее при„нялъ, но и вознамѣрился прожить оста„токъ дней своихъ въ Меккѣ. Прежде, нежели „оставилъ владѣніи, раздѣлилъ ихъ между „своими сродниками и друзьями, а себѣ оста„вилъ только земли на шесшьдесяшъ верспъ, „но и шу отдалъ одному изъ своихъ лю„бимцовъ, человѣку еще молодому, приказавъ „ему дѣлашь оную землю, и населишь ее. Въ „то же время отдалъ онъ ему свой мечь и Въ „Царскій вѣнецъ, и назвалъ его *Самориномъ* „воспоминовеніе сей щедрости, оной молодой „человѣкъ, построилъ городъ на самомъ томъ „мѣстѣ, при которомъ Король сѣлъ на ко„рабль, а жители новаго селенія назвали его „*Каликутомъ*. Перумаль почитается почти „богомъ во всемъ краю; а можешъ быть, изъ „сего самаго почтенія и наблюдается во „многихъ Малабарскихъ округахъ, одинъ стран„ной законъ, коего онъ признается за осно„вателя. Когда Король умираешъ, не дѣти „его бываютъ наслѣдниками: но возводится „на тронъ сынъ его сестры; ибо Брамины „получаютъ первоначатки Королевы, и жи-

„вутъ всегда при ней; а по тому и заключает-
„ся, что дѣти ею раздаемые, скорѣе быть
„могутъ ихъ дѣтьми, нежели Королевскими;
„а что племянники его суть сущіе отрасли
„крови Королевской.„

„Увѣряютъ, что Король при бракосочета-
„ніи своемъ, охотно уступаетъ жену свою
„одному Брамину, и даетъ ему сумму денегъ
„для переспанія первой ночи съ нею, дабы
„чрезъ него избавиться отъ срама, которому по-
„всюду мужья завидуютъ, и льстятся найти.
„Сказываютъ также, что дворяне имѣютъ
„обыкновеніи мѣняться женами между собою;
„что жены ихъ могутъ имѣть вдругъ до семи
„мужей; и что ежели родятъ, вольно имъ
„отдать младенца на воспитаніе тому мужу,
„которому захотятъ, и онъ отказать въ
„томъ не смѣетъ. Женщины знатной при-
„роды, сверхъ того держатъ всегда при себѣ
„или Брамина, или какого мужчину изъ благо-
„роднаго колѣна, которой также почитает-
„ся за мужа. Но сіе явное супружество не
„препятствуетъ имъ выбирать между про-
„гожими мужчинами такихъ, отъ которыхъ
„надѣются онѣ имѣть здоровыхъ и строй-
„ныхъ дѣтей, такъ что настоящій мужъ не
„имѣетъ и права ревновать, или укорять во
„множествѣ помощниковъ ему избираемыхъ,
„и часто оставляемыхъ.„

Утверждаютъ, что мужъ изъ числа помянутыхъ, приходя тайно посѣтить жену, оставляетъ у дверей или оружіе свое, или другой какой знакъ для предъостереженія, чтобъ прочіе соперники туда не входили. Они оказываютъ уваженіе къ его утѣхамъ, надѣясь,

что когда сами будутъ онымн въ свою очередь наслаждаться, онъ имъ не помѣшаетъ. Я не отвѣчаю вамъ за сіе. Можетъ быть, оно и увеличено, развѣ не принимается ли здѣсь за брачное сочетаніе то, что только есть любовное обхожденіе; и въ семъ случаѣ, Малабарскіе нравы довольно близки къ обычаямъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ улицъ въ Парижѣ. Въ прочемъ могло подать причину сему преданію и свойство бракомъ на семъ берегу. Они не заключаются въ неразрушимыя узы, и продолжаются, пока взаимно обѣимъ особамъ не наскучатъ. Разводъ позволенъ и женщинамъ такжe какъ и мужчинамъ, и бываетъ часто, но чинится дружески безъ всякой жалобы и посредства судебнаго мѣста. Женщина, будучи обыкновенно непостоянна, разводится пять и шесть разъ въ своей молодости; другая, не разводясь съ мужемъ, живетъ въ одно время со многими любовниками. Я и въ семъ послѣднемъ нахожу такжe мало разности у нѣкоторыхъ Французскихъ госпожъ, съ Малабарскими Каликутскими.

Мнѣ весьма бы хотѣлось долѣе пожить въ семъ городѣ, въ которомъ, какъ въ наиславнѣйшемъ по всему берегу, было бы больше способовъ познать нравы и обычаи земли. По щастію, корабль нашъ былъ принужденъ остановиться недѣли на двѣ въ Кананорѣ, недалеко отъ Каликута лежащемъ; и я имѣлъ случай ѣздить по странѣ сей, для моего наученія и вашего увеселенія.

Малабаръ собственно кончится въ Кананорѣ, когда ѣдешь отъ Коморинскаго мыса, или начинается, ежели въѣзжаешь въ него.

чрезъ Сурать. Сія земля, какъ и весь остальной берегъ, раздѣленъ на многія небольшія Королевства, а главная торговля находится въ рукахъ у Голландцовъ, отнявшихъ ее у Португальцовъ. Послѣдніе во второмъ своемъ путешествіи въ Индію, увѣрили Кананорскаго Державца, что Король Португальскій прислалъ ихъ съ края вселенной, просить у него дружбы. Онъ обрадовавшись столь лестному привѣтствію, сдѣлалъ съ ними союзъ, отправилъ Пословъ въ Лиссабонъ, плавателей одарилъ, позволилъ имъ построить крѣпость на своей землѣ, соединился съ ними крѣпчайшимъ союзомъ, и заключилъ пракшаты, кои Португальцы потомъ нарушили. Оттуда выникли войны долговремянныя, жестокія и славныя по истиннѣ для сего народа, но ни малыя пользы не приносящія его торговлѣ. Голландцы пришли на помощь къ Кананорскому Королю, изгнали Португальцовъ, и основались на ихъ гибели. Кажется, Португальцы для того только и упражнялись въ строеніи прекрасныхъ городовъ, чтобы предать ихъ Голландцамъ, а сіи на нихъ и положили основаніе нынѣшняго своего могущества. Не знаю, имѣютъ ли здѣшніе урожденцы причину, быть довольнѣе одними, нежели другими; ибо власть ихъ сносятъ съ нетерпѣніемъ, коимъ хотѣлось мнѣ воспользоваться. Голландской пасторъ, съ которымъ я подружился, (ибо ни гдѣ такъ скоро подружиться не льзя, какъ въ дорогѣ), познакомилъ меня съ своими земляками, а изъ нихъ нѣкоторые, бывъ больше другихъ праздны, ѣзжали со мною около Кананора. Про-

водникомъ и охранителемъ имѣли мы одного только двенадцатилѣтняго Наира, съ коимъ, какъ меня въ томъ увѣрили, были мы въ большей безопасности, нежели со многими солдатами сего колѣна; ибо здѣшніе воры за правило имѣютъ нападать на вооруженныхъ проѣзжихъ, и не прикасаться ни подъ какимъ видомъ, къ слабымъ и малолѣтнымъ. Молодой Наиръ, не достигшій еще до возраста, позволяющаго ему носить оружіе, имѣетъ въ рукѣ въ знакъ небольшую дубину. Наиръ, провожающій чужестранца, получаетъ на день по полу-фарону. *Фаронъ* есть небольшая золотая монета, которую можно сравнить съ нашимъ гривенникомъ. Малабарскіе Государи не дѣлаютъ изъ сего металла другой монеты; но всѣ чужестранныя деньги, лишь бы были золотыя и серебреныя, у нихъ ходятъ безпрепятственно.

Предъ вступленіемъ нашимъ въ Кананоръ, видѣли мы примѣръ строгости, съ каковою наказывается непозволенное сообщеніе, между двумя особами разныхъ колѣнъ: одна молодая Браминка поймана была съ мужчиною касты земледѣлателей; сего послѣдняго тутъ же на мѣстѣ закололъ кинжаломъ дядя дѣвки, а ее осудили на смерть; но потомъ перемѣнили сію казнь на вѣчное невольничество. Виноватую продали одному Голландцу, которой ее тотчасъ окрестилъ, и сдѣлалъ своею любовницею. Онъ намъ сказывалъ, что купилъ ее единственно для отвращенія многодневнаго побоища. Въ самомъ дѣлѣ, ежелибъ сія молодая Браминка была наказана смертію, на которую осуждалъ ее законъ;

то бы всѣ мужчины ея колѣна имѣли право убивать чрезъ цѣлыя трои сутки на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось преступленіе, всѣхъ людей колѣна заколотаго земледѣльца. Наиры исполняютъ сей жестокой законъ съ безчеловѣчіемъ, приводящимъ въ ужасъ. Для избѣжанія таковыхъ кровопролитій, виноватаго хранятъ нѣсколько дней, дабы дать время ближнимъ его скрыться; и они не прежде показываются, какъ по истеченіи срока очищенію, то есть, при дни спустя послѣ казни.

Когда два Державца здѣшнихъ краевъ ведутъ между собою войну, и сами предводительствуютъ войсками, то не стрѣляютъ въ ставку Короля противной стороны, ни въ то мѣсто, гдѣ поставленъ его подсолнечникъ, которой служитъ знакомъ Королевскимъ; а сіе для того, чтобы Короля не убить; ибо сверхъ того, что было бы оное великимъ преступленіемъ, убійца подвергается неизбѣжимымъ опасностямъ. Все Королевство убитаго или раненаго Державца, обязано мстить за Государя своего смертію непріятелей, хотя бы то стоило пролитія крови всего Государства. Время мщенія сравниваетсѧ съ величествомъ и могуществомъ Монарха, лишеннаго жизни: иногда продолжаетсѧ оно три дни, иногда три недѣли, три мѣсяца, годъ и проч.

Изо всѣхъ злодѣйствъ наибольше ужасаются Малабарцы воровства и строжае за оное наказываютъ. Ежели доказательство не довольно, дабы осудить обвиняемаго, даетсѧ ему изъ милости испытаніе огня,

отправляющееся слѣдующимъ порядкомъ: кую̀тъ его въ желѣзы, гдѣ застанутъ; ибо тюремъ здѣсь не знаютъ: и продержавъ подъ присмотромъ нѣсколько дней, ведутъ къ Государю, единому судіи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Передъ нимъ раскаливаютъ топоръ и приложивъ виноватому къ рукѣ, покрытой Банановымъ листомъ, держатъ до тѣхъ поръ, пока онъ простынетъ. Портомои Королевскія, при томъ находящіяся, обвертываютъ руку мокрымъ полотномъ, опутываютъ снуркомъ, которой самъ Король завязываетъ, и прикладываетъ свою печать. Въ семъ состояніи оставляютъ его цѣлую недѣлю, а по прошествіи оной обнажаютъ руку всенародно. Ежели она здорова и не видно на ней прижиги, объявляютъ его невиннымъ, и отпускаютъ; ежелижъ знакъ желѣза примѣтенъ, Король осуждаетъ его на смерть и бѣднаго тотчасъ ведутъ на мѣсто казни. Тѣло ему прободаютъ насквозь копьями, и рубятъ въ куски саблями. Должность палачей отправляютъ Наиры, и почитаютъ за честь быть исполнителями Королевскихъ повелѣній. Когда преступленіе столь велико, что обезчеститъ всю родню, сами сродники бываютъ палачами, и спѣшатъ омыть въ крови виноватаго, стыдъ своего колѣна. Расперзавъ на куски тѣло, привязываютъ члены къ пнямъ деревьевъ, и иногда таковая казнь заслуживается кражею нѣсколькихъ горстей перца.

Въ Малабарѣ наиболѣе примѣтны всѣ сіи раздѣленіи колѣнъ и касповъ, составляющихъ въ одномъ Государствѣ толикое чи-

сло степеней между жителями. Княжеское есть первое, и объ немъ только одномъ буду я говорить. Жрецы, дворянство, земледѣлатели, мастеровые, солдаты и пр. дѣлаютъ каждые особое колѣно ; о коихъ я уже вамъ доносилъ, и кои управляются также какъ и въ другихъ частяхъ Индіи. Повсюду одинаковое отвращеніе отъ неравныхъ союзовъ , одинаковое презрѣніе нижшихъ, и одинаковое омерзеніе къ обхожденію съ оными.

Королевское колѣно состоитъ изъ многихъ Княжескихъ фамилій. По смерти Короля, старшій изъ нихъ объявляется наслѣдникомъ. Онъ назначаетъ перваго Министра, или Намѣстника Королевства, на котораго возлагаетъ все попеченіе въ правленіи, и не помышляетъ больше, какъ пользоваться въ роскошахъ успѣхами , приносимыми своимъ достоинствомъ. Обыкновенно сіе мѣсто поручается тому , кто дастъ больше; и получающій его, есть первой человѣкъ послѣ Короля во всемъ Государствѣ. Вся власть въ его рукахъ : онъ раздаетъ чины , предводительствуетъ войскомъ , отправляетъ повелѣнія отъ двора, и едва отдаетъ ли отчетъ Государю въ своихъ распоряженіяхъ: но ежели во зло употребитъ оную власть , лишается мѣста , и не можетъ потребовать возвращенія себѣ денежныхъ суммъ , употребленныхъ на пріобрѣтеніе своего чина. Сколь онъ ни великъ , не вольно ему садиться при Государѣ , а должно стоять , закрывъ ротъ обѣими руками , какъ самой послѣдній подданной.

Хотя Малабарскіе господа выѣзжаютъ изъ домовъ своихъ не меньше пышно, какъ другіе Индейцы, и хотя окружены они многимъ числомъ пѣлохранителей, чиновниковъ, танцовщицъ, невольниковъ и слоновъ; но въ домахъ не пекутся о великолѣпіи. Вельможи, и сами Короли не имѣютъ ни золотой посуды, ни богатыхъ уборовъ. Корзины сплетенныя изъ простника, глиняныя или мѣдныя блюды, ковры и рогожки, масло или свѣчи сальныя вмѣсто восковыхъ; кровати изъ простыхъ досокъ и деревянной чурбанъ вмѣсто изголовья, составляютъ всю наружность домовой роскоши у Малабарцовъ; пшено, молоко и зелень есть ихъ обыкновенная пища. Пышность ихъ оказывается только въ капищахъ, гдѣ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней не щадятъ. Сіи божницы по большей части богато одарены, и доходовъ ихъ не только становится на содержаніе Браминовъ, но еще и на пропитаніе всѣхъ бѣдныхъ, въ окружности находящихся. Въ такой землѣ, гдѣ духовенство пользуется наивеличайшимъ почтеніемъ, гдѣ составляетъ первую степень гражданъ, всѣ богатства Государства текутъ во храмы.

Знатные господа кончатъ свои ссоры, какъ Французское дворянство свои въ старину рѣшило, то есть, особными войнами, позволенными отъ Государя. Каждой собираетъ преданныхъ себѣ людей; соглашаются о днѣ и о мѣстѣ сраженія, которое происходитъ въ присутствіи самого Короля, и побѣда даетъ справедливость побѣдителю. Бьются съ такимъ остервененіемъ, что и

побѣдители покрытые смертельными ранами, мало пользуются приобрѣтенною славою, и рѣдко живутъ по смерти побѣжденныхъ. Начальники обѣихъ сторонъ не сражаются; довольствуясь выведеніемъ на побоище своихъ подчиненныхъ, кои не имѣютъ другаго оружія кромѣ ножей. По семъ кровопролитномъ убійствѣ, главные непріятели мирятся, за ничто почитая смерть многихъ храбрыхъ людей, погибшихъ за ихъ ссору.

Люди, кои по природѣ своей должны быть военными, съ малолѣтства учатся дѣйствовать оружіемъ. Дѣтямъ, едва только ходить могущимъ, даютъ въ руки небольшіе луки и стрѣлы, коими стараются они мѣтить въ птицъ. По десятому или двенадцатому году посылаютъ сихъ въ училищи народныя, гдѣ ихъ содержатъ и обучаютъ безденежно, Король часто присутствуетъ при ихъ упражненіяхъ, кои не всегда кончатся безъ пролитія крови. Я самъ видѣлъ въ Кананорѣ таковыя сраженіи, ободряемые присутствіемъ Государя, и на которыхъ молодые люди бились съ великимъ проворствомъ и искуствомъ.

Другое позорище, не мало меня увеселившее въ томъ же городѣ, была ссора начавшаяся между двумя Наирами, которые оба обнажили свои оружіи, но кончили ее кулаками. Они начали бранью, потомъ разгорячаясь отъ часу больше, приближились одинъ къ другому, чтобъ подратться. Одинъ положилъ на землю свою саблю и щитъ, другой ружье и ножъ, и зачали бороться такъ, что ни одному не пришло на мысль приняться за

оружіе, кое подняли они, когда уже укропились, и кончили ссору. Вообще здѣшніе народы тихи и терпѣливы, не любятъ спорить, не скоро горячатся и никогда не мстятъ предательствомъ или непозволеннымъ какимъ образомъ.

Малабарцы раздѣляются на Идолопоклонниковъ и Магомеданъ: первые имѣютъ почти ту же вѣру, что и Банiаны, но боготворятъ идоловъ, кои въ большемъ числѣ и скверн*ѣ*йшіе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Между предметами богочтенія ихъ, есть изображеніе того, что благопристойность побуждаетъ закрывать во всѣхъ частяхъ свѣта; но вы уже видѣли, что не одни они оказываютъ къ нему почтеніе. Магометанскіе Малабарцы упражняются почти всѣ въ торговлѣ, или въ морскомъ разбойничествѣ. Увѣряютъ, что спуская новой корабль на воду, окропляютъ они его кровію Христіанскаго плѣнника, дабы мореплаваніе учинить щастливымъ. Отъ Идолопоклонниковъ отличаются они бородою, которую не брѣютъ, и платьемъ покрывающимъ у нихъ все тѣло; ибо первые обѣихъ половъ ходятъ почти нагіе.

Какъ нѣтъ мѣстъ, гдѣ бы Кокосовыя деревья росли въ большемъ множествѣ; то я и почитаю за нужно сдѣлать здѣсь сему удивительному произведенію природы точное описаніе. *Коко*, которой иные называютъ *Индѣйскою лальмою*, есть дерево объ одномъ пнѣ или стеблѣ, никогда больше двенадцати дюймовъ въ поперешникѣ не имѣющемъ. Онъ выбѣгаетъ до пятидесяти футовъ въ вышину все прямо и подчищается самъ собою. Изъ вер-

шины его выходитъ нѣсколько тонкихъ вѣтвей, имѣющихъ листья иногда въ десять футовъ длины и въ полтора ширины, и кои отъ собственной своей тяжести нагибаются. Они составляютъ пріятную опушку, съ природы круглую, какъ бы нарочно остриженную. Употребляютъ ихъ высушивъ и свивъ для покрытія домовъ, и они выдерживаютъ нѣсколько лѣтъ дожди и непогоду. Изъ тонкихъ жилъ дѣлаются преизрядныя рогожки, отвозимыя во всю Индію; а изъ толстыхъ мешлы, остатокъ же служитъ вмѣсто дровъ. Пень Кокосовой имѣетъ бѣлое сердце или мозгъ, похожій на творогъ, весьма нѣжной, пріятнаго вкуса, и котораго можно не опасаясь ѣсть сколько угодно; ибо онъ не дѣлаетъ ни малаго вреда. Тогда дерево бываетъ ноздревато, и удобно рубится. Индейцы, не опасаясь его испортить, дѣлаютъ по немъ мѣстами зарубки, по которымъ лазятъ на самую верхушку съ удивительною скоростію. На маковкѣ между листьями растутъ весьма мягкія шишки, толщиною въ руку, и имѣютъ двѣ и три коры, кои трескаются, когда плодъ въ нихъ становится великъ. Послѣ показывается кисть, подобно какъ у каштановъ, съ восмьюдесятью или сто небольшими Кокосовыми орѣхами, изъ коихъ поспѣваетъ только четырнадцать или пятнадцать, но Индейцы не ждутъ ихъ зрѣлости. Сей плодъ имѣетъ свою пользу и силу, когда бы онъ ни былъ сорванъ. Когда его разрѣжутъ еще несозрѣлой, то течетъ изъ него бѣлая жидкость, которую собираютъ въ горшки, привязывая къ каждому особливой, и замазываютъ

оные, дабы воздухъ туда не входилъ. По наполненіи горшка, варятъ оную жидкость, и она отъ огня приобрѣтаетъ качество вина, хотя съ начала и походила на сыворотку. Въ Малабарѣ какъ и въ другихъ частяхъ Индіи, называютъ оное *Таари*. Оно не имѣетъ пріятности вина, но напиваются имъ до пьяна. Свѣжее съ лишкомъ сладко, а спустя нѣсколько часовъ становится пріятнѣе и острѣе: въ совершенствѣ бываетъ только отъ утра до вечера, послѣ чего начинаетъ окисать. Когда Индейцы хотятъ достать хорошаго уксуса, они ставятъ на солнце сіе вино, а водку изъ него дѣлаютъ, перегоняя черезъ кубикъ. Составляютъ они также изъ него *сахаръ*, варя его долгое время; но сей сахаръ не столь хорошъ и не столь бѣлъ какъ простяной. Подлой народъ употребляетъ его на вареніе заѣдокъ.

Деревья, изъ которыхъ берутъ жидкость для вина, никогда плодовъ не приносятъ; ибо оныя произрастаютъ отъ сей жидкости; но ежели дать кокосамъ созрѣть, вынимается изъ орѣховъ весьма сладкое масло, которое за ничто продается; ибо бываетъ его много, и употребляется на всѣ нужды вообще. Чернь кормитъ имъ живность и свиней; а во время голода бѣдные сами питаются выжимками остающимися послѣ выдавленія масла. Орѣхъ, изъ коего достаютъ масло, бываетъ округловатой, величиною съ дыню, имѣетъ тройную корку. Наружная сѣра и гладка; вторая, когда высохнетъ, походитъ на клубокъ пряжи. Изъ самой тонкой дѣлается полотно, которое называется *Кора*, и изъ котораго при-

возятъ къ намъ платки: достальная употребляется на веревки и корабельные канаты; третья есть кожица очень тонкая, которую бѣлить можно, и изъ которой дѣлаются колпаки. Поверхность первой коры сперва бываетъ зелена и мягка: она содержитъ жидкость прозрачную, здоровую, пріятную и охлаждающую. Тѣло, находящееся подъ нею, ѣдятъ съ великимъ удовольствіемъ; вкусомъ оно походитъ на артишоки; но по мѣрѣ созрѣванія Кокосова, часть сей воды превращается въ бѣлое и мягкое тѣсто, которое ѣдятъ ложкою, какъ творогъ. Оно нечувствительно твердѣетъ, сперва становится гуще, перемѣняетъ цвѣтъ, и принимаетъ вкусъ молодыхъ Грецкихъ орѣховъ; потомъ походитъ на ядро орѣховое или миндальное, но пріятнѣе оныхъ. Индейцы трутъ его и мѣшаютъ со пшеномъ, а когда прибавятъ еще сахару и корицы, то сіе кушанье бываетъ преизрядное.

Когда Кокосовой орѣхъ совсемъ поспѣетъ, и скорлупа его высохнетъ, дѣлаютъ изъ него стаканы, сосуды и другія вещи великой цѣны, по нарисованнымъ на нихъ изображеніямъ, кои Индейцы умѣютъ дѣлать съ удивительнымъ искусствомъ; и по богатой оправѣ, въ которую ихъ обдѣлываютъ, можетъ быть, вы ихъ сами гдѣ нибудь видали.

Дерево выпускаетъ новыя почки и даетъ новые плоды до трехъ разъ въ году; но что еще умножаетъ цѣну сего дерева, наиполезнѣйшаго и наиудивительнѣйшаго произведенія природы; оно приноситъ еще большую пользу, когда срублено бываетъ. Годно

къ жженію, на мачты, на доски, на дышлы, на сабли и на спрѣлы. Веревки и парусы дѣлаются изъ его жилъ, кои тоне; работается также и нѣкоторой родъ ткани, и бумага для писанія. Листья полезны и не меньше удивительно сотворены, какъ и прочія части дерева. Мнѣ сказывали, что видали оные въ двадцать футовъ длины. Видомъ они похожи на перо, которымъ пишутъ. Индейцы умѣютъ ихъ готовить и дѣлать мягкими, какъ полотно. Иные употребляютъ ихъ на платье. Купцы завертываютъ въ нихъ товары; мореходцы дѣлаютъ парусы для своихъ лодокъ. Такимъ образомъ, сего одного дерева довольно для всѣхъ нуждъ человѣческихъ: сердце его, сокъ и плодъ служатъ для пищи; кора для одежды; дерево для строенія домовъ; листья для покрытія оныхъ и пр. Мнѣ нѣсколько разъ случалось бывать въ избахъ, построенныхъ изъ части только одного дерева, и снабженныхъ плодами, масломъ, виномъ, медомъ, сахаромъ, уксосомъ, дровами, тканью и угольями; а все сіе было изъ него. Когда Индейцы видятъ трудолюбиваго человѣка, говорятъ, что онъ стоитъ Кокосоваго дерева; его такъ много во многихъ краяхъ Индіи, что видны цѣлые лѣса.

Есть другое благовонное произрастеніе, называемое *Кардамонъ*, и находящееся въ одномъ Королевствѣ Кананорскомъ. Оно приноситъ въ небольшихъ мѣшечкахъ родъ перца, которой много употребляется восточными народами въ кушаньѣ. Возятъ его во всѣ части Азіи, въ Персію, въ Аравію, въ Турцію; но въ Европѣ употребляется только почти

на лѣкарство. Сіе произрастеніе имѣетъ ту особливость, что не надобно его сѣять, ни пахать для него земли, а жгутъ только траву выросшую во время дождей. Зола ея утучняетъ землю и приуготовляетъ къ произрастенію Кардамона.

Во множествѣ животныхъ, водящихся на Малабарскомъ берегу, ни что меня такъ не удивило, какъ ужасное множество *Полугаевъ*, и великое различеніе родовъ ихъ. Ловятъ ихъ въ одинъ разъ сѣтью до ста. *Павлиновъ* почти столько же много, изъ ихъ перьевъ дѣлаются подсолнечники, опахалы и другія работы такого же рода.

Земля наполнена тиграми разной величины. Самые малые будутъ съ кошку, и сильные непріятели дворовымъ птицамъ. Самые же большіе, коихъ Португальцы называютъ *Королевскими тиграми*, величиною не уступаютъ лошади, середніе не больше овцы. Они причиняютъ великое опустошеніе во всемъ Малабарѣ; и по жадности къ крови, нападаютъ безъ разбора и на людей и на скотину. Дабы поймать молодыхъ, охотники стерегутъ, когда мать пойдетъ искать дѣтямъ пищи, и ихъ уносятъ. Она не находя ихъ по возвращеніи своемъ, начинаетъ бѣситься, узнаетъ по духу слѣды воровъ, и съ невѣроятною скоростію до тѣхъ поръ бѣжитъ, пока не догонитъ Индейцовъ, спасающихся на самыхъ быстрыхъ лошадяхъ. Когда уже она близко, охотники бросаютъ одного изъ ея дѣтей, котораго беретъ она въ зубы, и относитъ въ свое логовище. Надежда достать и прочихъ такимъ же образомъ.

умножаетъ въ ней жаръ, и она скорѣе еще прежняго возвращается; но охотники, имѣя готовыя лодки на берегу рѣки, спасаются симъ способомъ отъ ея ярости. Они вскармливаютъ тигренковъ и приучаютъ ихъ къ охотѣ. Въ Малабарѣ объявлена навсегда война симъ звѣрямъ, но сколь ни стараются ихъ истреблять, ихъ здѣсь больше, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Короли поощряютъ къ сей ловлѣ различными награжденіями. Кто убьетъ тигра саблею или стрѣлою, получаетъ золотое зарукавье, что между ими почитается за знакъ чести столь отличной, какъ у насъ кавалерія: ежели кто убилъ звѣря съ помощникомъ или ружьемъ, награжденіе чинится только деньгами. Однажды случилось мнѣ видѣть тигра бѣгущаго во стѣ шагахъ отъ меня; первое мое движеніе было взяться за пистолетъ, чтобъ его убить. Со мною были тогда два Голландца, и они схватили меня за руку, говоря, что лучше выстрѣлить на воздухъ, ежели я не увѣренъ убить до смерти звѣря; звукъ приводитъ его въ удивленіе и прогоняетъ, а естьли онъ раненъ, то напротивъ отъ боля становится несравненно опаснѣе.

Якорь, Португальцами *Адивою* называемой, есть другой звѣрь, опустошающій Малабаръ. Онъ имѣетъ хвостъ лисицы, рыло волка, а туловищемъ походитъ на собаку. Отъ свѣта убѣгаетъ и выходитъ только ночью. Нападаетъ на собакъ, на дворовыхъ птицъ и иногда на робятъ, и не рѣдко на людей взрослыхъ. Сіи звѣри обыкновенно ходятъ станицею; крикъ ихъ жалостенъ и похожъ на голосъ плачущаго робенка;

часто ходитъ онъ вмѣстѣ съ тигромъ на промыселъ. Адива крикомъ своимъ привлекаетъ къ себѣ изъ домовъ собакъ, и сею хитростію готовитъ добычу своему товарищу. Индейцы узнаютъ, идетъ ли за нимъ тигръ, по тому, что слышатъ одинъ голосъ; а ежели многіе вдругъ закричатъ, то опасность почитаютъ не столь великою, и предосторожности берутъ въ слѣдствіе страха. Никогда не могли сдѣлать ручнымъ Адива. Ловятъ его, копая диру въ его пещерѣ, и сожигая въ ней листья или солому, отъ дыму коей онъ задыхается. Иногда находятъ ихъ по десяти и по двенадцати задохлыхъ въ одномъ мѣстѣ.

Сколь на опасны *змеи* и *ужи* на семъ берегу, Индейцы Малабарскіе не меньше ихъ отъ того почитаютъ, и посвящаютъ идоловъ и капищи. Сверхъ жертвъ приносимыхъ въ послѣднихъ, носятъ они имъ молоко и другую пищу на поля и въ лѣса. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кананора видѣлъ я Индейца, заклинающаго змея выдти изъ избы, и не смѣющаго выгнать его силою; видя просьбу безполезну, старался онъ вывести его вонъ, подставляя ему чашку съ молокомъ: но какъ змей упрямился, Индеецъ пошелъ звать Брамина въ сосѣдствѣ живущаго, и просилъ его помочь ему въ умоленіи змея. Между тѣмъ я убилъ его и выбросилъ вонъ.

Не проходитъ дня безъ опасности быть уязвлену смертельно, даже и въ самой постелѣ, естьли не осматривать прилѣжно весь домъ. Между змеями, есть такіе великотѣлесные, что могутъ проглотить человѣка.

Одинъ Агличанинъ разсказывалъ мнѣ въ Каликутѣ, что нѣкоторой деревенской житель поѣхавши на поле работать съ женою, оставилъ дома больнаго сына, которой вышедъ, легъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избы на пальмовыхъ листьяхъ и заснулъ. Отецъ возвращаясь, услышалъ стонъ человѣка, котораго давящъ, и приближася увидѣлъ, что пожираль его превеликой змей. Замѣшательство отца и матери не уступало ихъ страху: не смѣли они коснуться до змея, дабы онъ зубами не разрѣзалъ его на двое, или чтобъ совсемъ его не проглотилъ. Наконецъ изъ многихъ способовъ предпочли слѣдующій: то есть, перерубить по поламъ змея, что и исполнено было помощію острой сабли; но какъ змей не вдругъ издохъ, то сжалъ, хотя и перерубленной зубами, тѣло сына, и такъ его напоилъ ядомъ, что онъ вскорѣ послѣ того умеръ.

Помянутые змеи меньше другихъ, однако опасны, потому что изъ далека ихъ увидѣть и удалиться можно. Длиною они отъ пятьнадцати до двадцати футовъ, голова ихъ видомъ и величиною походитъ на кабанью, большія наводненіи морятъ ихъ много, и разносятъ по полю. Я сперва видя ихъ лежащихъ, почиталъ за высохшій отрубокъ дерева. Опаснѣйшій родъ зміевъ есть небольшой зеленой *Ужъ*, которой кроется въ травѣ и между листьевъ на кустьяхъ, гдѣ, по причинѣ цвѣта, разглядѣть его никакъ не льзя. Они бросаются на прохожихъ, и такъ часто попадаются, что въ узкихъ дорогахъ всегда въ передъ посылается невольникъ, которой

бьетъ по обѣимъ сторонамъ, чтобъ ихъ отдалить. Уязвленіе ихъ всегда смертельно. Невредной, а напротивъ полезной родъ змей есть тотъ, коихъ называютъ *мышеловами*, по тому что въ домахъ отправляютъ они должность кошекъ. Они держатся на кровляхъ, входятъ въ покои, ложатся на стулья и постели, и иногда ползаютъ по лицу и по тѣлу соннаго человѣка, не причиняя ему ни малѣйшаго вреда.

При выѣздѣ изъ Кананора положено у насъ было, не останавливаться ни въ *Мангалорѣ*, ни въ *Карвѣ*, другія двѣ небольшія Державы на Малабарскомъ берегѣ, гдѣ Португальцы имѣютъ повѣренныхъ, а Агличане контору. Въ прочемъ сіи двѣ земли не имѣютъ ничего примѣчательнаго передъ вышеписанными, а желаніе наше прибыть въ Визапуръ, дабы оттуда пробраться въ Гоу, не привлекало насъ въ мѣста, въ коихъ нечего было новаго видѣть.

Во второй день по выѣздѣ, я немного занемогъ; по чему принужденъ былъ велѣть нести себя въ *сѣтяхъ*, кои въ употребленіи только внѣ городовъ. Такъ называется здѣсь сѣть изъ веревокъ, связанная по концамъ и несомая на плечахъ двумя или четырмя человѣками, какъ паланкинъ, на палкѣ, къ которой привязана за концы; длиною она въ человѣческой ростъ, но такъ широка, что раздвинувъ въ срединѣ, можно спокойно протянуться, положивъ подушку подъ голову, хотя и должно нѣсколько согнуться; то есть, что голова и ноги будутъ выше, а средина тѣла ниже. Для защищенія отъ

дождя, покрываются они небольшою сухою рогожкою изъ пальмовыхъ листьевъ, которую носители придѣлываютъ къ палкѣ. Она съ обѣихъ сторонъ поднимается помощію рамъ, когда захочется посмотрѣть или не быть въ заперти.

Я не стану называть городовъ, пригородковъ и деревень, чрезъ которые ѣхали мы въ *Визапуръ*, давшій имя свое древнему Царству *Деканскому*, коего онъ есть столицею. Сей городъ почитается между наивеличайшими въ Азіи, имѣетъ около двадцати пяти верстъ въ окружности, считая вмѣстѣ и всѣ его пять предмѣстій. Стѣны его высоки, построены изъ тесаннаго камня, окружены рвомъ, и укрѣплены бастіонами, на коихъ поставлены пушки всякой величины. Посреди города стоитъ дворецъ Королевской, также обнесенной стѣнами и рвомъ, и въ нутри весьма простой и не представляющій ничего примѣчанія достойнаго. Домы повсюду построены изъ дерева, глины, или соломы; двери такъ низки, что входя, надобно согнуться. Хотя Государь Магометанинъ, но жители, кои всѣ или ткачи или золотари, слѣдуютъ идолопоклонству. Въ старину Визапурскіе Короли были вольны и независимы; но Могольскіе Императоры принудили ихъ признаться данниками Имперіи; а подъ предлогомъ сей дани, народъ безпрестанными и тягостными трудами едва можетъ выработать, чѣмъ заплатить разныя налагаемыя на него подати. Торги повсюду довольно великіе отправляются, но ни кто не богатѣетъ. Голландцы получаютъ отсюду множе-

ство перца, въ изобиліи здѣсь родящагося, и сами ласково принимаются. Я нашелъ многихъ, коихъ видѣлъ въ Цейланѣ, и съ которыми ѣздилъ къ Гатскимъ горамъ недалеко лежащимъ отъ Визапура. Съ удовольствіемъ припоминаю разговоръ нашъ съ однимъ Браминомъ, небольшаго капища лежащаго у подошвы одной изъ помянутыхъ горъ. Онъ былъ человѣкъ почтенія достойной, много обращавшійся съ Европейцами, и бывшій при многихъ дворахъ въ Индіи. Философическія мысли, мало примѣтныя въ сихъ идолопоклонникахъ, произвели въ немъ отвращеніе къ свѣту, и любовь вольности побудила его избрать убѣжище въ народѣ гордомъ и независящемъ. Намъ часто упоминали въ Визапурѣ о сей почтенной особѣ. Прибытіе наше къ нему, кажется, его не удивило. Принялъ онъ насъ съ такою благородною простотою, которую производитъ престарылый вѣкъ, соединенной съ познаніемъ людей и съ добродѣтелію. Онъ оставилъ насъ отъобѣдать у себя, но не съ собою; ибо вамъ извѣстно, что вѣра сихъ народовъ, не позволяетъ ни пить, ни ѣсть съ чужестранными; да имъ также запрещено употреблять и посуду служившую пришельцамъ. Для сей причины велѣлъ онъ положить передъ нами, вмѣсто блюдъ и тарелокъ, большіе листья, на коихъ насыпали пшена варенаго въ водѣ съ солью: поставили также коробочку изъ пальмоваго листа съ преизрядным коровьимъ масломъ; принесли потомъ на такихъ же листахъ плодовъ и сахарныхъ заѣдокъ: не доставало хлѣба, по тому что его здѣсь не ѣдятъ, а заступаетъ его мѣсто

пшено. Когда мы отъобѣдали; то увидя, что многое было цѣло, роздали оное нашимъ Христіанскимъ невольникамъ; ибо вѣра запрещала имъ до нихъ касаться, или сберегать; а когда мы сошли съ мѣста, тотчасъ оное выскоблили и натерли его коровьимъ каломъ, нарочно для того приготовленнымъ: ибо симъ образомъ очищаютъ они мѣста, гдѣ сидѣлъ чужестранецъ, или Индеецъ другой секты. Самые набожные до того простираютъ суевѣріе, что увидя умирающаго человѣка, коего почитаютъ нечистымъ, не приближатся къ нему для поданія помочи; но нашъ Браминъ наблюдалъ только тѣ обряды, отъ коихъ не могъ уклониться, дабы не соблазнить народъ. Казалось, что съ нами, какъ съ чужестранными, и еще съ Европейцами, коихъ любилъ, былъ онъ безъ дальняго принужденія, и пожелалъ идти на вершину горъ, откуда, увѣрялъ, видны наипрелестнѣйшія въ природѣ мѣста. Я еще больше пользы нашелъ въ разговорѣ сего человѣка, свѣдомаго о нравахъ и обычаяхъ земли.

По нѣсколькихъ разговорахъ мало значущихъ, и общественныхъ разсужденіяхъ о путешествіяхъ, о свойствѣ и нравѣ народовъ; о установленіи Имперій и разныхъ правленій, „здѣсь только, сказалъ онъ намъ, „увидите людей истинно свободныхъ; по „всѣмъ другимъ мѣстамъ не нашелъ я ни кого „кромѣ невольниковъ. Осмотрите сіи горы, „преходящія Карнатское и Визапурское Ко„ролевства, и раздѣляющія Индостанской „полуостровъ во всей его длинѣ съ сѣвера „на полдень. Они наше убѣжище; мы его

„обрѣли во времена набѣговъ побѣдителей „нашихъ Могольцовъ; бывъ принуждены оста„вить имъ плодоносныя поля, на коихъ пре„бывали, удалились въ сіи пустыя горы, гдѣ „живемъ бѣдно, но въ независимости ушѣша„ющей насъ о лишеніи прочихъ благъ. Лю„бостяжаніе, вѣра и общее нещастіе тѣ„сными соединяютъ узами всѣхъ нашихъ Го„сударей, не престающихъ продолжать войны „съ стариннными угнѣтателями нашей воль„ности. Они нападаютъ на земли Великаго „Могола, которой со всемъ своимъ могуще„ствомъ не могъ насъ покорить. Магометане „почитаютъ насъ за варваровъ и разбойни„ковъ; но тѣ, кои лучше насъ знаютъ, „хваляпся и тихостію нашею и доброю „вѣрою. Я осмѣлюсь утвердить, что между „нами только и царствуютъ во всей невин„ности древніе обычаи, законы и превосход„ные нравы нашихъ предковъ. Живемъ мы въ „совершенномъ согласіи, любимъ начальниковъ, „больше почитая ихъ отцами многочислен„ныхъ сѣмействъ, нежели Государями. Каждой „въ покоѣ слѣдуетъ вѣрѣ исповѣдуемой его „колѣномъ, и не осуждаетъ вѣры другихъ „колѣнъ. Различныя секты, раздѣляющія „наше богочтеніе, такъ мало помышляютъ „о склоненіи къ себѣ людей, что желающій „оставить свою секту, не бываетъ принятъ „въ другую. Въ одеждахъ и жилищахъ нашихъ „смотримъ мы на единую нужду, ѣдимъ самую „простую пищу: пшено, молоко, плоды и „коренья, и готовимъ ихъ всегда одинакимъ „образомъ. Вода есть единственное питіе „у людей, нѣсколько отличныхъ; чернь пьетъ

„иногда аракъ, но никогда не напивается „онымъ до пьяна. Сей порокъ у насъ въ „омерзеніи, Таковое же отвращеніе имѣемъ „мы къ ссорамъ, бранямъ, богохуленіямъ, а „по тому и нравы наши разнствуютъ съ „нравами прочихъ людей; ибо мы думаемъ, „что всѣ земные народы вообще суть злы и „жестокосерды.„

Тщетно я старался изпровергнуть предразсужденіе, сильно по нещастію вкорененное разореніями Аравлянъ, Могольцовъ и Португальцовъ. Но хотя и не удалось мнѣ вывести изъ заблужденія, по крайней мѣрѣ имѣлъ онъ снисхожденіе отвѣтствовать на всѣ вопросы, чинимые мною о нравахъ жителей, коихъ столь высоко онъ описалъ. Отъ него свѣдалъ я, что въ обыкновеніе у нихъ вошло не дѣйствовать инымъ оружіемъ, кромѣ того, которымъ управлять привыкли они въ малолѣтствѣ. Одни сражаются однимъ мечемъ и щитомъ, иные копьемъ, иные наконецъ стрѣлами и лукомъ. Привычка дѣлаетъ ихъ опасными.

Способъ наставленія дѣтей въ училищахъ, онъ же мнѣ объяснилъ. По возвращеніи нашемъ съ горы, указалъ онъ мнѣ четверыхъ или пятерыхъ находящихся при входѣ капища, и у одного учителя бывшихъ. Дабы не позабыть урока, одинъ изъ нихъ прочетши строку съ нѣкоторымъ напѣвомъ, тотчасъ писалъ ее на полу по песку, гдѣ они сидѣли кружкомъ. Когда первой написалъ строку, другіе ее повторяли, и всѣ также вдругъ писали. Потомъ начинали другую строку, и повторяли также, перемѣняясь, до самаго

конца урока. Какъ уже не было мѣста на полу, они сглаживали его рукою и посыпали новымъ пескомъ; естьли была нужда, вновь по немъ писали, продолжая все время данное имъ на выученіе урока. Симъ образомъ дѣти учатся читать и писать безъ книги, безъ бумаги, безъ пера и безъ чернилъ.

Обыкновеніе напирать полы и стѣны коровьимъ каломъ, ни гдѣ такъ общественно не наблюдается, какъ между Индейцами Гатскихъ горъ. Я приписывалъ его суевѣрному обряду ихъ закона; но Браминъ мнѣ сказалъ, что горные жители не помышляютъ въ ономъ, кромѣ какъ о прочности, украшеніи и чистотѣ своихъ домовъ. Какъ они не дѣлаютъ толстыхъ половъ, на подобіе нашихъ, но столь тонкіе, что, дабы учинить ихъ прочными и гладкими, напираютъ каломъ размѣшаннымъ въ водѣ, естьли онъ сухъ, а не моча, ежели свѣжій: намазывая рукою, или лопаткою, дѣлаютъ они жилища прочными, свѣтящимися, и зеленоватаго цвѣта, ибо коровы здѣшнія ничего, кромѣ травы, не ѣдятъ. Сія подмазка тѣмъ хороша, что топчась сохнетъ, и можно по ней ходить, сколь скоро работа окончана. Правда, что надобно возобновлять ее почти всякую недѣлю; но сіе стоитъ малаго труда и иждивенія: сверхъ того, что таковые полы имѣютъ силу предъохранять отъ моровой язвы.

Время было прекрасное, когда простились мы съ Браминомъ; и хотя солнце уже закачивалось, мы шли еще около четырехъ

часовъ до небольшаго селенія, гдѣ прежде жили. Спустя нѣсколько дней, по возвращеніи въ Визапурь, оставили мы его снова, и отправились осмотрѣть нѣкоторые другіе города сего Королевства.

Граенъ раздѣляется на двѣ части большою рѣкою, и каждая изъ оныхъ могла бы составить нарочитой городъ. Визапурской Король былъ тогда въ немъ на охотѣ, на которой и мы находились. Тутъ узналъ я, что почтеніе Индейцовъ къ своему Государю не позволяетъ имъ прикасаться до чего либо въ одно съ нимъ время. Ежели подаютъ ему саблю или копіе, надобно его выпустить изъ руки, прежде нежели онъ возметъ. При мнѣ такимъ образомъ подавали Королю ружье; прикладомъ поставили оное очень близко его на землю, и толкнули тихонько стволъ въ руку Монарху, которой держалъ ее уже наготовѣ, для принятія ружья.

Мирсія, городъ лежащій верстахъ въ тридцати отъ Граена, очень великъ, но худо населенъ. Мы въ немъ видѣли двѣ славныя гробницы, предметъ почтенія жителей. Я тутъ былъ при принятіи одного Индейскаго монаха въ чиновные, коего вели многіе Идолопоклонническіе монахи по городу, передъ ними, около ихъ и за ними шли танцовщицы, солдаты и музыканты. Принимаемой былъ одѣтъ въ бѣломъ и сидѣлъ въ паланкинѣ о двухъ подсолнечникахъ. Главная танцовщица всегда къ нему обращалась, и прыгала съ великимъ проворствомъ. Набожные бросались ницъ на землю передъ монахами слѣдующими за па-

ланкиномъ ; но какъ ихъ было очень много , и требовалось не малое время, дабы перецѣловашь имъ всѣмъ ноги: то они останавливались съ важнымъ видомъ для доставленія народу свободности исполнить сей обрядъ. Они стояли надувшись, и притворяясь, какъ бы были въ восхищеніи. Симъ образомъ учинили они нѣсколько отдыховъ до дому новоизбираемаго, и передъ онымъ продолжалась пляска, послѣ чего распустилъ онь своихъ собратій.

Ауренгабадъ, есть городъ нарочито торговой, но спѣнъ не имѣетъ. Между хорошими зданіями примѣтна особливо одна мечеть, которую построилъ Могольской Императоръ *Ауренг-Зебъ* , для положенія въ ней одной изъ своихъ женъ въ семъ городѣ умершей. Торги привлекаютъ въ него множество чужестранныхъ купцовъ. Мы весьма учтиво были приняты Агличанами: они продержали насъ нѣсколько дней , стараяся всячески веселить, призвали одну танцовщицу бывшую тогда въ великой славѣ. Сія женщина сидя на одной ногѣ , на другой вертѣла съ непостижимою скоростію и довольно долгое время , обручь поставленной на большомъ пальцѣ , отъ котораго онъ и движеніе получалъ. Во время сего дѣйствія ногою, бросала она на воздухъ два мѣдные пустые шара и ловила ихъ одинъ послѣ другаго , не уронивъ ни однажды. Все сіе дѣлалось въ такту при звукѣ инструментовъ. Покамѣстъ показывала она свое умѣніе, одинъ старикъ споя подлѣ нее , пѣлъ также въ такту Индейскія слова , значущія: *не бойся, не бойся.* Послѣ пришла цѣлая станица танцовщицъ съ ихъ мужьями, кои за-

*

чали передъ нами плясать по своему обыкновенію: одѣты онѣ были въ богатомъ шитомъ платьѣ, и имѣли щелкушки. Балъ открылся плавною пляскою, потомъ движеніе умножаясь отъ часу больше, учинилось бѣшенствомъ, и представляло различныя страсти. Мы въ немъ видѣли изображеніе сраженія, въ которомъ схватились съ такою остервенѣлостію, что походило больше на истинну, нежели на представленіе. Начальникъ ихъ, имѣя въ рукѣ кинжалъ, подражалъ въ пляскѣ солдату, убивающему другаго въ схваткѣ.

Мало было городовъ въ Визапурскомъ Королевствѣ, въ коихъ бы мы не видали какого нибудь позорища, или особливаго увеселенія; наичаще же случающіеся суть ходы и другіе обряды идолопоклонническіе. Здѣшніе краи примѣтны особливо множествомъ капищъ, въ коихъ видны изображеніи или уродливые, или похотливые. Въ *Бедирѣ*, которой почесть можно за театръ безчисленныхъ суевѣрій, видѣлъ я въ одной божницѣ статую женщины, поднимающей подолъ передъ народомъ, а другую, представляющую мужчину съ женщиною обнимающихся въ самомъ неприспойномъ положеніи. Наконецъ ничего чаще въ Индіи не попадается таковыхъ изображеній, о коихъ вы мнѣ позволите впредь уже не упоминать. Я выброшу также всѣ ходы, суевѣрные обряды, приношеніи жертвъ, чинимыхъ ежедневно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенныхъ сими идолопоклонниками, а опишу только нѣкоторой праздникъ, на которой водилъ меня одинъ Браминъ. Состоялъ оной изъ хоровода молодыхъ дѣвицъ, чисто по ихъ

одѣтыхъ, то есть, покрытыхъ кускомъ правчатаго полотна отъ пояса до пятъ, а другой такой же опушивалъ плеча. Головы были убраны бѣлыми и желтыми цвѣтками, на подобіе драгоцѣнныхъ каменьевъ, и придающими не малую красу симъ молодымъ Нимфамъ. Въ рукахъ онѣ держали по палочкѣ и ударяли одною объ другую, согласно съ барабанами и другими инструментами. Одна только изъ всего хоровода пѣла пѣсню, а конецъ каждаго стиха повторяемъ былъ всѣми разъ до семи. Въ семъ порядкѣ шли онѣ до капища, въ препровожденіи своихъ мастерей и старыхъ сродницъ, кои не выпускали ихъ изъ глазъ. Проплясавъ еще разъ предъ капищемъ въ честь богини почитаемой здѣсь женскимъ поломъ за покровительницу, пошли онѣ въ одинъ народной садъ, куда и мы также за ними слѣдовали. Тутъ раздѣлились на разные хороводы, и начали плясать. Пляска ихъ состояла въ плавномъ, вертеньѣ, не оставляя ударять палочками и въ присѣданіи, какъ бы сѣсть хотѣли, при безпрестанномъ пѣніи однихъ словъ. Каждой хороводъ потомъ выбралъ себѣ мѣсто для ужина. Онѣ насъ всѣхъ позвали не ѣсть съ собою, по тому что чужестранныхъ не пускаютъ къ себѣ за столъ, но брать что намъ полюбится изъ ихъ кушанья. Таковыя зрѣлища, часто возобновляемы были въ моихъ глазахъ, въ теченіи моего путешествія. Почти все богослуженіе сихъ народовъ состоитъ въ музыкѣ, въ ходахъ, въ пирахъ, въ пѣсняхъ и пляскѣ. Они богамъ подносятъ ѣсть, моютъ ихъ, курятъ, почиваютъ бетелемъ, убираютъ ихъ сандаль-

нымъ деревомъ, носятъ гулять: и хотя всѣ упражняются съ великимъ усердіемъ въ цаковыхъ обрядахъ благоговѣнія, однакожъ главное оныхъ украшеніе составляютъ танцовщицы.

Я есмь и пр.

Конецъ

Третьяго Тома.

РЕЭСТРЪ

собственныхъ имянъ и вещей примѣчанія достойныхъ, содержащихся въ семъ претьемъ томѣ.

	Стр.
Абдулла	177
Абдуллѣ	177
Авель	272
Агатѣ	31
Агисы	279
Агличане	20. 21. 286
Агра городѣ	69. 80
Бани	81
Гробницы	78. 79. 81. 82
Дворецѣ	78
Жители	82
Караван-сераи	79
Мечети	78
Агра провинція	69. 71
Адамова гора	234
Адамѣ	272
Адива, звѣрь	318
Адигарды	239
Албукеркѣ, Алфонсѣ	8
Александрѣ Великій	174
Алкапилѣ	203
Алкоссирѣ	5
Аллутѣ	227
Алмазныя мины, или ямы	191
Алмазѣ Великаго Могола	196
Герцога Тосканскаго	196
Алмазы, доброта ихѣ	196
Какѣ ихѣ ищутѣ	192
Гранятѣ	193
Торгѣ ими	194
Правило знать и цѣну	195
Алое	6
Амадабатѣ городѣ	32
Гробницы	37
Губернаторѣ	35
Самовластіе его	36. 37
Гульбищи	38
Дороги	35. 38
Доходы	35
Животные	29. 40
Рынокѣ	33
Строеніи	34
Торги	34. 35
Амбра сѣрая	7
Анинга	286
Арека, дерево	263
Аркатской набабѣ	219
Арсиноа	2
Аполлоны	273
Ауренѣ-Абадѣ	351
Ауренг-Зебѣ	71. 186
Ахмедѣ	32
Бабель-Мандельской заливѣ	5
Бабулѣ, дерево	30
Баг-нагарѣ	181
Бадула	232
Базрагѣ	7
Баинмаду	157
Балдакѣ	6
Баніаны	29. 46. 110
Воспитаніе	58

	Стр.
Вѣра и идолы	47. 49. 52
Доможительство	60
Женщины	59
Жгутся съ мужьями	53
Жрецы	52
Капищи	48. 49
Нравы	49. 50. 53
Одежда	50
Почтеніе къ животнымъ	49. 50
Произхожденіе	47
Свадьбы	58
Секты	50. 52
Суевѣріи	49. 50. 51. 56
Торги	59
Ученые	57. 58
Училища	57
Вапикалонъ	230
Бедасы см. Беды	259
Бедирь	353
Бѣды	230
Обычаи	281
Ревность	231
Безоарь, городъ	201
Капище	202
Безоарь камень	197
Бенарецъ	57
Бенару	156
Бенгальская алмазная мина	165
Бенгальская провинція	165
Бенгаль	156. 165
Климатъ	165
Нравы	169
Особливая трава	167
Произрастеніи	165
Торги	166
Шелковые товары	156
Берь дерево	29
Бетель	263
Бизангапанъ	43
Биснагарь	200
Богъ дерево	268
Бороды	313
Брама	48. 52
Брамины	50. 185. 220. 288
Бриліанты	193
Бродра	32
Броища	31
Могила святаго	32
Бурбонской островъ	215
Варь дерево	29
Васконцелосъ	15
Вега, изабелладе	15
Визапурь	179. 322
Богочтеніе	322
Домы	322
Обрядъ вѣры	323
Описаніе	322
Почтеніе къ Королямъ	325. 328
Суевѣріе	324
Торжество	330. 331
Ходы	329. 331
Визигапапанъ	190
Волосатики	144
Вороны Индейскіе	39
Гама	298
Гангесъ, рѣка	69. 158
Свойство воды ея	158
Гандикотъ	201
Гатскія горы	295
Воспитаніе	326
Вѣра	324
Жители	325
Нравы	324
Обычаи	324
Пища	325

	Стр.
Употребленіе коровьяго кала	327
Гелдрская крѣпость	207
Генрикъ IV.	213
Гераполисъ	2
Голконда	176
Алмазныя мины	191. 192
Войско	195
Воспитаніе	189
Вѣра	182
Дворецъ	185
Жары	181
Женщины вольныя	185
Жители	182
Жрецы	185
Капище	183
Колѣны	185
Крѣпость	182
Одежда	290
Плодородіе	181
Произхожденіе нынѣшнихъ Королей	177. 179
Раздѣленіе земель	184
Свадьбы	188
Столица	181
Фанатизмъ	188
Голконда городъ	182
Крѣпость	182
Голкондская Индейская Восточная компанія	180
Голландцы	14. 168. 231. 286
Гомронъ	8. 12
Жители	13
Одежда	13. 14
Строеніе	12
Торговля	14. 15
Гондреу	244
Городъ Героевъ	2
Граенъ	328
Гуелъ рѣка	197
Вѣра	44
Жители	44
Звѣри	62
Климатъ	60
Нравы и обычаи	59
Одежда	44. 45
Произрастеніи	60. 61
Даки	168
Дарій	2
Дашчане	209
Дашская Индейская компанія	226
Деканское Царство	176. 322
Делли	82
Дворецъ	83. 84
Мечети	88. 89
Описаніе города	83. 84
Праздникъ двухъ братовъ	96
Разореніе Тахмасомъ Кули-Ханомъ	91
Сераль	88
Дервиши Магометанскіе	159
Оружіе ихъ	160
Диглиги	232
Дикіе люди звѣрь	269
Діу	1. 15
Осады его	15
Отвага женщинъ	16
Храбрость мужчинъ	17
Дофиновъ островъ	215
Дю-масъ	218
Евва	272
Екатерина св.	4
Еніенга	286
Ерунъ	7. 8

	Стр.
Жемчугъ	8
Ловля его	8. 9. 10
Раковины	9
Жемчужное сѣмя	11
Женщины Моголскія см. Моголъ	
Жженіе женъ съ мужьями	161. 162
Зиркеева гробница	37
Змеи	229. 270. 322
Золото	25
Императоръ Могольскій см. Моголъ	
Индія, см. Моголъ	
Іезуиты	137
Казамъ-базаръ	172
Каликутъ	185. 298
Калпентина	230
Камбайское королевство	30
Камбая	42
Правленіе	43
Строеніе	42
Торги	42
Карнатское королевство	290
Канди	231
Города	231. 232
Дворецъ	231
Положеніе	232
Канду дерево	276
Каол-конда	194
Карва	343
Кардамонъ	316
Карикалъ	218
Карканжери	218
Карнатъ	179. 200
Кастро, жуанъ де	17
Касты	145. 185
Кашемиръ	104
Гробница чудотворная	108
Женщины	107
Жители	106
Загородные домы	108
Перемѣны	104. 105. 106
Положеніе	103. 104
Ремесла	107
Рыбы	108
Чудной источникъ	107
Кеттулъ дерево	264
Кисмишъ	13
Клеопатра	3
Клеопатра городъ	2
Койланъ	286
Кокосъ дирево	275. 312
Кокосъ Малдивской	276
Колбертъ	214
Коломбо	230. 252
Колвра	230
Кора	314
Коромандель	200
Исторія его	218. 219 220. 221. 222
Корица дерево	382
Кохинъ	185. 297
Канганоръ	298
Красное море	2
Крокодилы	40. 41. 51
Ксаверій св. Францискъ	252. 287
Кулуръ	191. 194
Куру	25
Лавъ	218
Лакъ	32
Ларинъ деньги	277
Львы	103. 160
Леки	25
Лероа	213
Линганисты	204

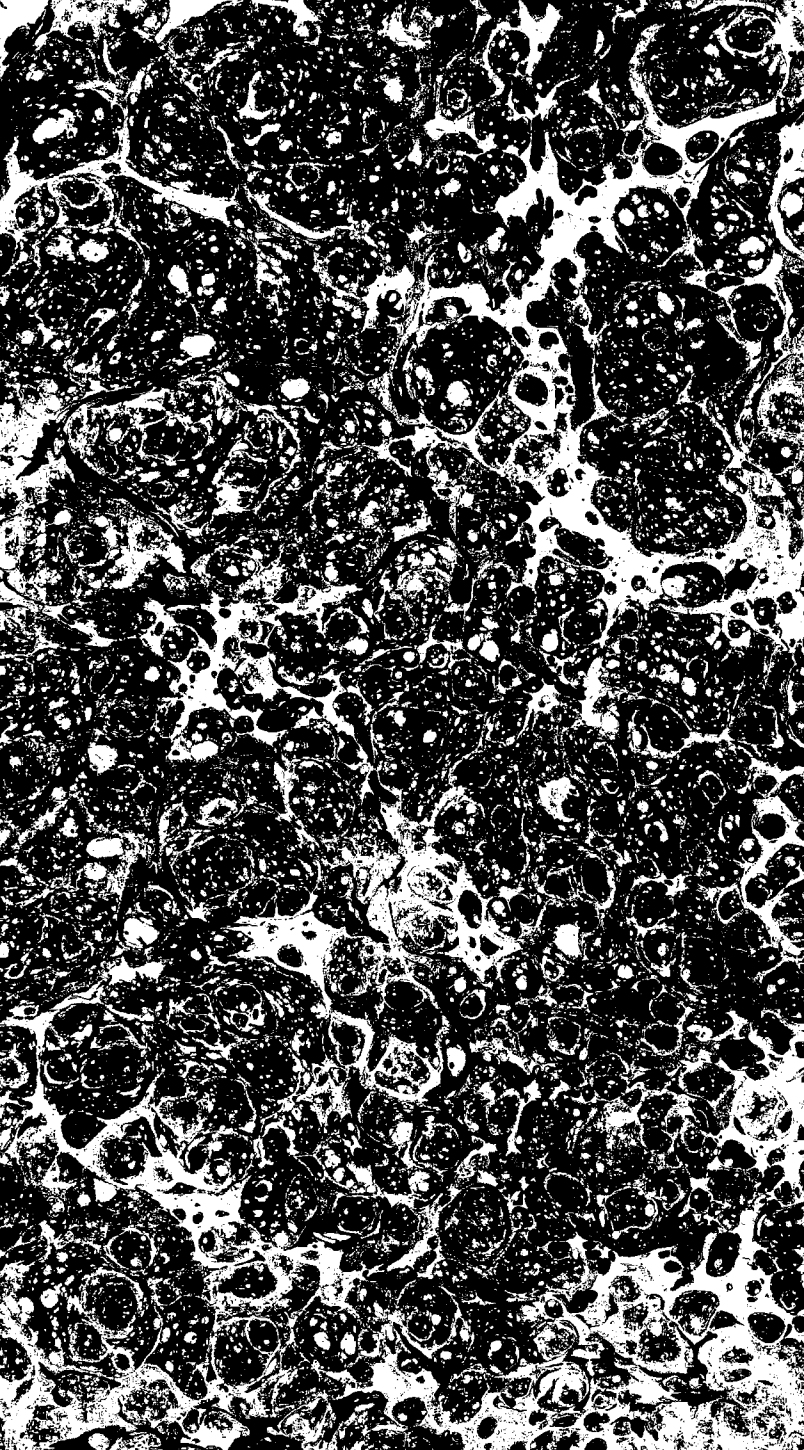
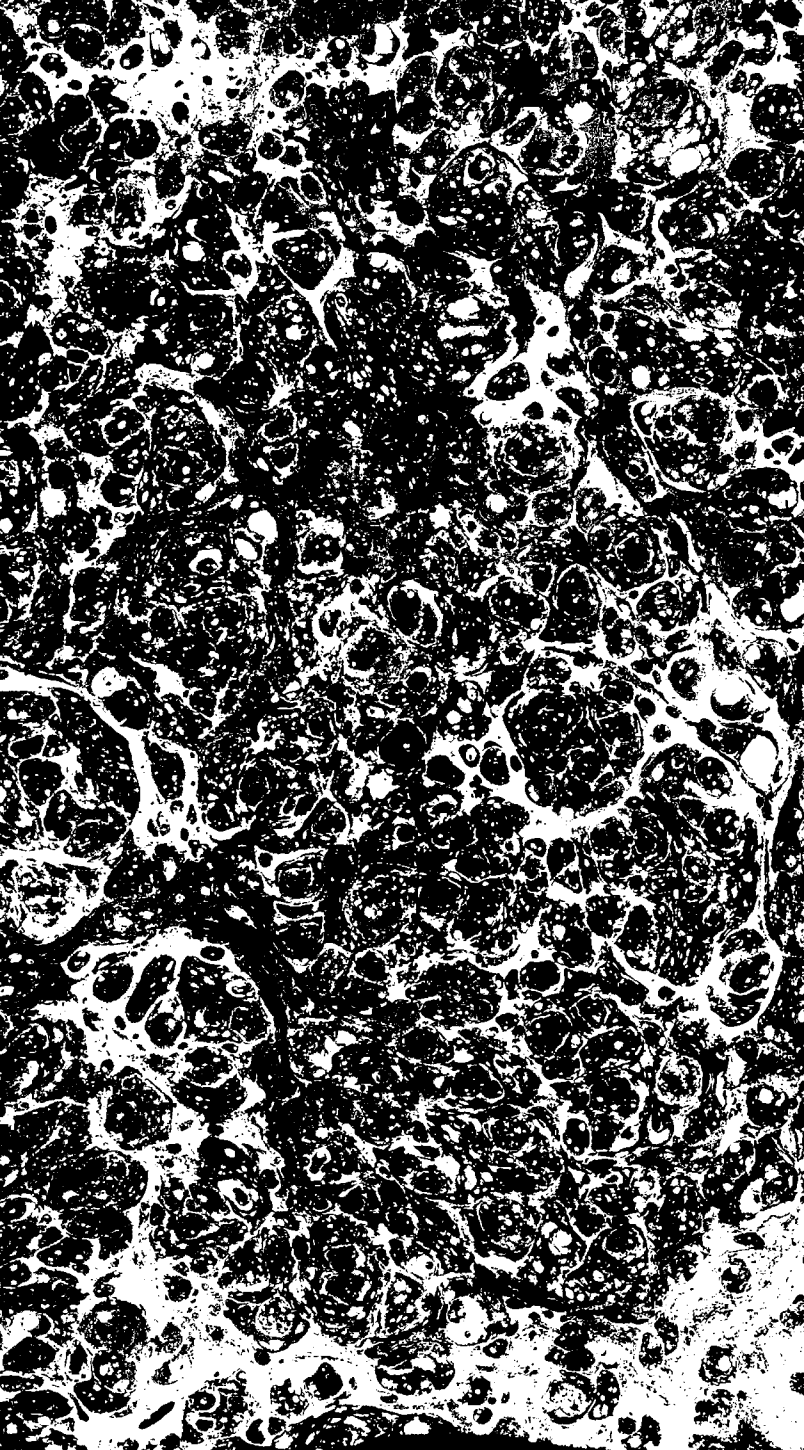
	Стр.
Линганъ	203
Лихорадка Малдивская	278
Ложи	20
Людовикъ XIII.	214
Мавелагонга	231
Магмудъ	32. 71.
Магмудъ - абадъ	34
Мадагаскаръ	214
Мадеполлонъ	190
Мадрасъ	207
Аглинская компанія	208
Описаніе	208. 210
Правленіе	209
Мадуре	203
Мазулипатанъ	166. 180
Мансъ рѣка	42
Малабаръ	286
Браки	303. 304
Военные люди	310
Войны	305
Воспитаніе	303
Вѣра	302. 311
Границы	305
Деньги	290. 306
Долгіе уши	301
Домы	301
Женщины	210
Жертвоприношеніи	319
Животные	316
Законы	307
Зданіи	102
Испытаніе огня	308
Казни	306
Капищи	288. 121
Климатъ	295
Князья	308
Науки	288
Обычаи	295. 300. 301
Первой Министръ	330
Произрастеніи	291. 312
Разбойничество	311
Раздѣленіе колѣнъ	308
Ссоръ окончаніе	310
Торговля	303. 311
Фабрики полотняныя	289
Художествы	288
Малдивскіе острова	273
Болѣзни	278
Вольность женщинъ	285
Воспитаніе	279. 280
Вѣра	274. 279
Дворянство	281
Домы	275
Женщины	280
Жители	281. 282
Звѣздочеты	282
Имя	279
Климатъ	278
Одежда	279
Перемѣны	275
Положеніе и описаніе	273
Правленіе	281
Преступники	279
Произхожденіи	274
Произрастеніи	276. 277
Товары	278
Угощеніе	284
Малдивскій Король	284
Гвардія	284
Доходы	284
Образъ жизни	284. 285
Маль, островъ и городъ	273
Мангалоръ	321
Мараты	266
Свойство сего народа	220. 221

	Стр.
Король	220
Маркъ Антоній	3
Мартинъ	217
Маскаренъ	215
Массуа	5
Меккской заливъ	5
Меліапуръ	212
Менааръ островъ	230
Миндаль горькой	25
Мирсія	328
Миссіонеры	203
Могольская Имперія	31. 56. 64
Артиллерія	95
Болѣзни	144. 148
Везирь	135
Войско	94
Вѣра	138
Деньги	111. 164
Домы	150
Извозщики	146
Капищи	158
Кареты	90
Мечети	88. 89. 90. 138
Многоженство	140
Моленіе прелюбодѣйницъ	131
Музыка	114. 129
Наказаніи	120. 136
Науки	145
Нравы	146
Одежда	147. 148
Отвращеніе отъ пьянства	149
Охотничьи ловли	98
Похороны	144
Правленіе	135. 136
Праздники ежегодные	112
Провинціи	130
Разводы	140
Раздѣленіе	95
Раздѣленіе на провинціи	134
Свадьбы	189
Серали	85. 123
Солдаты разныхъ булавъ	93
Сраженіе людей съ звѣрями	115. 116
Траурь	148
Увеселеніи	98. 103. 114
Фейерверки	98
Языкъ	149
Ѣзда по дорогамъ	65
Могольскій Императоръ см. Моголъ	70
Арсеналъ его	95
Аудіенція	85. 153
Богатствы	92
Власть	134
Вѣсится какимъ образомъ	113
Дворцы	83. 98
Доходы	93
Караулъ	84. 93
Конюшни	86
Лагерь	94
Обрядъ ѣздить въ мечеть	89
Охота	90. 91. 98
Почтеніе	114
Праздники	112
Прогуливанье	90
Путешествіи	144
Слоны	90. 117. 118
Суды	135
Султанши	132
Тронъ	84
Ярмонка въ сералѣ	115

	Стр.
Могольскія женщины	98. 142
Жгутся съ мужьями	162
Одежда	152
Маисеевъ колодезь	3
Монгеръ	160. 171
Мултанъ	110
Женщины	111
Скоморохи и шуты	111
Муравьи бѣлые	270
Мышеловы, змеи	343
Мѣновщики	111. 185
Набабы	179. 290
Нагаръ	181
Наибы	282
Наиры	291
Обычаи	291. 292
Одежда	291
Провожаютъ провѣзжихъ	291
Способъ ихъ воеватъ	292
Ссоры какъ кончатъ	311
Наина	229
Насціапоръ	190
Негамбо	230
Негапатанъ	229
Неллемби	232
Низамъ-Ел-Мулукъ	179
Нилы, деньги	25
Нищіе	113
Новой годъ	20. 113
Обезьяны	83. 269
Орикса провинція	170
Ормусъ	1
Ормусъ городъ	7. 8
Заливъ	6
Перемѣны	7. 8
Положеніе	7
Торгъ	8
Орри	218
Офиръ	272
Павлины	389
Пагодъ, монета	186. 216
Паданы	70
Паліакатъ	207
Пальма Индейская	312
Пандіаръ	283
Паона	220
Парсы	65
Вѣра	65
Женщины	66
Исторія	65
Обычаи	67
Одежда	66
Похороны	67. 68
Пауки	270
Пашеко	17
Пенгуинъ, птица	276
Перламуты	12
Перумаль	302
Петень	44
Пигмаліонъ	240
Пиѳагорова секта	185
Піяицы	272
Поантъ де Галь	230
Поантъ Наивъ, камни	225
Пондишери	213
Попугаи	39. 317
Португальцы	209
Поръ	83. 176
Прелюбодѣйницы	143
Птоломей	2
Пуліанты	293
Обычаи	293
Состояніе	293
Пшено	261
Пѣтухи	256
Рагимоголь	164
Раія	35. 114. 174
Раковины Малдивскія	277

	Стр.
Расканъ	274
Резора	170
Рекины	10
Ришелье	213
Рогашки	234
Розовая вода	14
Розы	194
Рупіи, монета	25
Рыболовы, птица	39
Саморинъ	302
Сандалъ дерево	170
Саніасы	205
Сан-Томе	212
Сахаръ	314
Свакенъ	5
Свецъ	1
Сезострисъ	2
Серебро	25
Синдрималь	262
Сиранакаръ	104
Сицеда	154
Сицы	133. 180
Слоны	118. 268
Бѣлые слоны	122
Ловля	122. 124. 125
Нравъ	119. 123. 124. 137
Пища	118. 126
Ученіе	118. 121
Хитрости	122. 123
Смоковница	276
Сокатра, островъ	5
Нравы жителей	5
Произрастенія	6. 7
Храбрость женщинъ	6
Сокоприны	7
Соломонъ	272
Субы	179
Сугаль	18
Суратъ	1. 18. 215
Болѣзни	25. 26

	Стр.
Больница для скотовъ	28
Бури	19
Гробница	28
Гульбищи	24. 26. 27
Деньги	24
Домы	19. 20
Жители	20. 22
Кладбищи	28
Монастырь факировъ	26. 27
Мѣры, вѣсы и деньги	24
Положеніе	18. 19
Правленіе	20. 21
Произрастенія	30
Строенія	19. 20. 27
Сѣти	321
Табакъ	232
Талипотъ	264
Тахмасъ-Кулы-Ханъ	71
Тамерланъ	45. 64. 70
Тамеринъ	6
Танцовщицы	43. 186
Тапробаны	237
Таппи	19
Тари	40. 68 186. 314
Тарколана	206
Тарколанъ	203
Тарсисъ	272
Таштануръ	236
Тееры, секта	172
Тигры	317
Тигры Королевскіе	317
Тишерапали	203. 219
Ткачи	31
Торъ	3. 4
Травапкурское Королевство	286
Войско	287
Вѣра	287. 288

	Стр.
Король	286. 288
Наказаніи	288
Трава печальная	276
Транкебаръ	208. 228
Тринкемаль	230
Трипети	201
Уданурь	236
Ужи	319
факиры	54
форонь, деньги	286
фернандецъ, енка	16
филипатанъ	168
флибусшіеры	220
фрамгамы	185
францискъ I.	213
Восточная компанія	168
Французы	182. 208
Хлопчатая бужага, деревцо	171
Цвѣтокъ солнечной	276
Цейланскій Король	232
Власть	238
Образъ жизни	240
Плоды и каменья ему принадлежатъ	248. 260
Почтеніе	240. 254
Цайланъ островъ	230. 254
Власть надъ дѣтьми	257
Войско	241
Вѣра	249. 252
Горы	234
Деньги	159
Деревья	233
Домы	232. 233
Древности	236. 237
Женщины	243
Жители	241
Жрецы	236
Защищеніе	236
Звѣри и гады	268. 270
Караулъ и пашпорты	240
Климатъ	235
Лѣченіе	258
Наказаніи	240
Наслѣдство	244. 255
Невѣжество	271
Нищіе	246
Нравы	233. 243
Одежда	242
Пища	258
Плоды	260. 262. 268
Похороны	237. 257
Правленіе	238
Произрастеніи	237. 260. 268
Раздѣленіе	230
Свадьбы	256. 257
Скотина	268
Сраженіи	241
Страсть къ игрѣ	256
Цвѣты	262
Чиновники	239
Языкъ	256
Чермное море	2
Шандернагоръ	168
Шантгоръ	169
Шингулы	217
Шинкора	168
Якарь звѣрь	318
Яргана	383
Яфнапатанъ	229
Ѳома Апостолъ	212
Ѳома св. крѣпость	207

2011148261